

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 7 (28)

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 7 (28)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., чл.-кор. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Магюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбагова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Ю.Г. Бит-Юнан, канд. филол. н. (РГГУ)
М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

- А.Г. Готовцева*
Европейская экономическая мысль
на страницах журнала Академии наук 9
- О.И. Киянская, Д.М. Фельдман*
Из истории журналистики конца 1920-х – начала 1930-х гг.:
показания А.Н. Гарри 18
- М.П. Одесский*
В.М. Молотов – Л.М. Леонов – А.О. Авдеенко:
очерки советской «публичной культуры»
(август–сентябрь 1940 г.) 36
- М.Н. Байкина*
Социально-политический контекст фельетона М.Е. Кольцова
«Устарелая жена» (1927) 47
- Д.О. Пащенко*
Критическая рецепция поэзии В.Т. Шаламова
в советской прессе конца 1950-х – начала 1960-х гг. 51

Проблемы теории журналистики

- Н.Я. Макарова*
Медиаобразование и медиaprостранство России:
опыт и перспективы взаимодействия с работодателем 56
- В.И. Ярных*
Современные подходы и перспективы использования
инструментов журналистского образования
в системе повышения квалификации педагогов 66
- С.Б. Головки, Л.А. Коханова*
Проектное обучение как инновационная форма
подготовки студентов 71

<i>Ю.В. Горохова</i> Категория «общественный интерес» в журналистике и российской судебной практике	80
---	----

<i>А.А. Рассадина</i> Нравственные ориентиры журналистики в современном информационном пространстве	88
---	----

<i>А.Б. Парканский</i> Структурные изменения в информационном контенте американских телекомпаний во второй половине XX – начале XXI в.	92
--	----

<i>Д.В. Неренц</i> Социальные функции современной расследовательской журналистики	103
---	-----

История публицистики. Риторика

<i>Ю.Г. Бит-Юнан</i> Образ В.С. Гроссмана в публицистике А.И. Солженицына 1970-х гг.	109
---	-----

<i>Д.А. Щербаков</i> Публицистика Н.Г. Чернышевского в оценке А.В. Луначарского	118
--	-----

Язык СМИ

<i>Е.Н. Басовская</i> Прагматика мерзкого: дистрибуция негативизмов в современном медиатексте	123
---	-----

<i>О.М. Афанасьева</i> Концепт «добро» в современном медиапространстве: на материале газеты «Известия»	132
--	-----

<i>Ю.В. Яковлева</i> Неологизмы и окказионализмы в газетно-журнальной полемике 1920 – начала 1930-х гг.	139
--	-----

<i>Ю.В. Подкина</i> Аллюзия в заголовках делового издания: на материале газеты «РБК»	145
--	-----

Abstracts	151
-----------------	-----

Сведения об авторах	159
---------------------------	-----

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

<i>A. Gotovtseva</i> European economic thought on the pages of the Academy of Science journal	9
<i>O. Kiyanskaya, D. Feldman</i> From the history of the journalism of the late 1920s – early 1930s. The testimony of A. Harry	18
<i>M. Odesskij</i> V. Molotov – L. Leonov – A. Avdeenko. Essays on Soviet “public culture” (August–September 1940)	36
<i>M. Baykina</i> Social and political context of the feuilleton “An obsolete wife” by M. Koltsov (1927)	47
<i>D. Pashchenko</i> Critical reception of V. Shalamov’s poetry in Soviet press reviews of the late 1950s – early 1960s	51

Problems of the Theory of Journalism

<i>N. Makarova</i> Media education and media space of Russia. An experience and prospects of interaction with the employer	56
<i>V. Yarmykh</i> Modern approaches and prospects of using journalistic education tools in the system of in-service training of teaching staff	66
<i>S. Golovko, L. Kokhanova</i> Project training as an innovative form in preparation of students	71
<i>Yu. Gorokhova</i> The category of “public interest” in journalism and Russian Judicial practice	80

<i>A. Rassadina</i>	
Moral identities for journalism in the information space	88
<i>A. Parkanskij</i>	
Structural changes in American television informational content in the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries	92
<i>D. Nerentz</i>	
Social functions of the modern investigative journalism	103

History of Publicism. Rhetoric

<i>Yu. Bit-Yunan</i>	
V. Grossman's image in A. Solzhenitsyn's non-fiction of the 1970s	109
<i>D. Scherbakov</i>	
Nikolaj Chernyshevsky's political writings as appraised by A. Lunacharsky	118

Language of Mass Media

<i>E. Basovskaya</i>	
Pragmatics of disgusting words. Distribution of negative adjectives in a contemporary media text	123
<i>O. Afanasyeva</i>	
Concept "Good" in modern media space (on the material of newspaper "Izvestiya")	132
<i>Yu. Yakovleva</i>	
Neologisms and occasionalisms in the press polemics of the 1920s – early 1930s	139
<i>Yu. Podkina</i>	
Allusion in business publications headlines (based on the "RBC" newspaper)	145
Abstracts	151
General data about the authors	161

История журналистики и литературной критики

А.Г. Готовцева

Европейская экономическая мысль на страницах журнала Академии наук

В статье рассматриваются переводные материалы журнала Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», касающиеся экономической теории и практики ведения хозяйства. Фрагменты трудов западноевропейских теоретиков экономической мысли для журнала впервые были переведены на русский язык. Эти переводы, по замыслу редактора, должны были иметь не только научное, просветительное, но и практическое, утилитарное значение.

Ключевые слова: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», меркантилизм, камералистика, Дж. Беллони, Т. Пломгрэн, Т. Калпепер, И. фон Юсти, Я. Фаггот, история экономических учений, русско-европейские научные связи, торговля, купечество.

Журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764)¹ – издание поистине энциклопедическое. Помимо литературы, традиционно привлекавшей внимание литературоведов, на его страницах помещались и другого рода материалы. Среди них – переводы из трудов европейских ученых по экономике, идеи которых редактор, академический историограф Г.Ф. Миллер (1705–1783) считал необходимым популяризировать в России.

Подобные переводы, кроме обычной для журнала просветительской, служили также чисто утилитарной цели. В письме оренбургскому ученому П.И. Рычкову (1757 г.) Миллер просил присылать различные сведения «о коммерции», включая «заграничную торговлю», и сообщал о намерении дать обзор «коммерции всей российской империи»². А в предисловии к одной из экономи-

ческих публикаций, представляющей собой, как тогда говорили, «экстракт» из двух книг сходной тематики – об экономике Англии и Франции, ученый писал, что в произведениях иностранных авторов есть «много изрядного, что не токмо англичанам и французам, но и другим народам, купечество отравляющим, к пользе служить может»³. Понимая, что в развитии российской экономической науки использование европейского опыта совершенно необходимо, Миллер отводил место в «Ежемесячных сочинениях» переводным работам ученых из разных европейских стран⁴, представляя на суд читателя новейшие экономические теории.

«Миллер знакомил своих читателей с произведениями знаменитейших тогдашних экономистов», и «если по предмету политической экономии выходило новое и почему-либо замечательное сочинение, спешил знакомить с его содержанием ... посредством подробных и по большей части искусно составленных извлечений», – констатировал первый исследователь журнала В.А. Милютин⁵.

Уже в октябрьской и ноябрьской книжках журнала за первый год издания появилось «Рассуждение о коммерции и о монете»⁶, итальянского банкира и финансиста, одного из богатейших людей Италии, маркиза Джироламо (лат. форма Гиероимус) Беллони (Girolamo [Hieronymus] Belloni, 1688–1760)⁷. Беллони был доверенным лицом пап Климента XII и Бенедикта XIV. Фактически он управлял папской экономической политикой, принимал активное участие в общественной жизни. Он был одним из итальянских представителей «эпохи меркантилизма»⁸. Меркантилизм – экономическая система, сформировавшаяся и весьма успешно бытовавшая в Европе с XV в. вплоть до начала XIX в. Она постулировала необходимость накопления в экономике государства денежной массы для ее стимулирования, что обосновывало необходимость вмешательства государства в ту или иную хозяйственную деятельность. В XVIII в. меркантилизм сливался с протекционизмом, т. е. ограничением внешнего влияния на национальную экономику, поддержку внутреннего производства и установления высоких импортных пошлин.

В России XVIII в. меркантилистско-протекционистскую политику проводил Петр I и затем Елизавета Петровна. Поэтому интерес Миллера к труду одного из европейских теоретиков меркантилизма вовсе не был случайным. Одним из мероприятий правительства Елизаветы Петровны в рамках данной экономической политики было учреждение Купеческого, а тремя месяцами позднее Дворянского заемных банков. Произошло это в 1754 г., как раз накануне выхода нового академического журнала.

Но вернемся к Беллони. Под конец жизни, в 1750 г., он выпустил в свет диссертацию «О коммерции» (*Marchionis Hieronymi Belloni. De commercio dissertatio. Roma: ex typographia Palladis excudebant Nicolaus et Marcus Palearini, 1750*). Это небольшое по объему сочинение было теоретическим подведением итогов многолетней практической деятельности маркиза, а уже через два года вышел немецкий перевод этого сочинения, ставший источником для «Ежемесячных сочинений» – «Рассуждение о коммерции и чеканке монеты» (*Des Marchese Hieronymi Belloni Abhandlung von Commerciens- und Müntz-Wesen: Aus dem Italiänischen übersetzt und mit einigen Anmerckungen erläutert von Gottlieb Schumann [Frankfurt und Leipzig, In Gleditschens Buchh, 1752]*). Перевод этот, очевидно, был среди тех книг, которые доставил Миллеру путешествуя по Европе граф Александр Строганов⁹. Во всяком случае, в одном из писем С.Г. Строганову, датированном октябрём 1754 г., юный вояжер просил отца «писать прямо в Рим, адресуя Джироламо Беллони в Рим» (повтор в оригинале. – А. Г.)¹⁰.

Трактат другого представителя европейского меркантилизма, на этот раз шведского, Томаса Пломгрена (*Thomas Plomgren, 1700–1766*) был напечатан два года спустя после перевода из Беллони. Пломгрэн – коммерсант и политик, член парламента – один из самых ярких представителей экономической мысли Швеции¹¹. Он был одним из первых, кто активно поддержал протекционистское решение шведского правительства, так называемый *Produktplakatet*, введенный в 1724 г. По этому правилу иностранные суда могли доставлять в Швецию только товары, произведенные в их стране или ее колониях, все остальные товары в Швецию из страны происхождения должны были доставлять шведские суда. Пломгрэн начал доставлять товары из Средиземноморских портов, став в 1738 г. одним из директоров влиятельной английской Левантийской компании. Как парламентарий в 1740–1741 гг. активно поддерживал начало Швецией войны против России для возвращения земель, потерянных в Северную войну. Примечательно, что Пломгрэн умело использовал свое служебное положение в собственных коммерческих интересах, то есть был тем, кого называли бы сегодня коррупционером. В 1739 г. он становится членом Шведской королевской академии наук, опубликовав «Размышление о коммерции вообще» (*Tankar om Handelen i gemen // Kongl(iga) Swenska wetenskaps academiens handlingar. 1740. Vol. I. Jul–Aug–Sept. S. 329–336*). Именно оно и было переведено для «Ежемесячных сочинений» и напечатано в сентябрьской книжке за 1757 г.¹²

Английский меркантилизм представлен двумя статьями. Одна из них была напечатана в двух номерах «Ежемесячных сочинений» под названием «The British Merchant, или Английской купец»¹³. Она представляет собой изложение английской книги, сделанное, как определил П.Н. Берков, И.И. Таубертом¹⁴. Сама же трехтомная английская книга «The British Merchant – A Collection of Papers Relating to the Trade and Commerce of Great-Britain and Ireland» была сборником выпускавшихся в 1713 г. два раза в неделю в Лондоне листков «The British Merchant; or Commerce preserv'd, in answer to the Mercator or Commerce Retriev'd», в которых крупные коммерсанты протестовали против заключенного правительством королевы Анны торгового договора с Францией, обеспечивающего последней режим наибольшего благоприятствования на английском рынке. Книга выдержала три английских издания, была переведена на французский язык, выйдя двумя изданиями, а с него на немецкий¹⁵. Скорее всего, Тауберт пользовался имевшимся в академической книжной лавке вторым французским изданием: «Négotiant anglois ou traduction libre du livre intitulé: The British Merchant, contenant divers mémoires sur le commerce de l'Angleterre avec la France, le Portugal & l'Espagne: Publié pour la première fois en 1713» (Amsterdam: François Changuin, 1755. 2 vol.).

Трактат английского экономиста и политика XVII в. Томаса Калпепера (Thomas Culpeper, 1578–1661) появился в «Ежемесячных сочинениях» в конце 1758 г.¹⁶ Его сочинение «A Tract against Usurie: Presented to the High Court of Parliament» [Трактат против ростовщичества: Представлено на высокий суд Парламента] впервые было издано в 1621 г., затем не раз переиздавалось. Французский перевод этого сочинения был опубликован в 1753 г. в приложении к франкоязычному сборнику английского экономиста Джосаи Чайлда (Josias Child, 1631–1699) «Traité sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'intérêt de l'argent, par Josias Child... avec un petit traité contre l'usure [par T. Culpeper]» (Amsterdam; Paris, 1753; Amsterdam, 1754), который также имелся в академической книжной лавке¹⁷.

Тесно связана с меркантилизмом была возникшая в Германии так называемая «камеральная наука», то есть камералистика (нем. Kameralistik, франц. caméralistique, от позднелат. Camera – казна). Камералистика понималась как совокупность знаний по ведению камерального (дворцового – или шире – государственного) хозяйства. В европейских средневековых университетах преподавался специальный цикл дисциплин с этим названием, перенесенным затем на систему взглядов и знаний. «Еще до Тридцатилетней вой-

ны появились в Германии некоторые сочинения, в которых разбирались отдельные вопросы из области государственной экономики; но только после окончания этой войны германская политическая литература получила свой оригинальный характер, – сообщается в энциклопедии «История человечества», в начале XX в. переведенной на русский язык. – Она идет рука об руку с владетельными князьями, которые в это время были озабочены мыслью о поднятии численности народонаселения и благосостояния разоренных областей и в особенности об улучшении своих финансов. Университетские профессора и писатели отдавали все свои силы “камерам” владетельных князей, вследствие чего они получили название камералистов, а их работы стали называться камеральной наукой»¹⁸.

Перевод из книги «Сочинения о мануфактурах и фабриках» («Abhandlung von den Manufacturen und Fabriken», 1758) знаменитого немецкого камералиста Иоганна фон Юсти (Johann Heinrich Gotlob von Justi, 1717–1771) печатался в «Ежемесячных сочинениях» в 1763 г. на протяжении полугода (июль–декабрь)¹⁹. При этом в июльской книжке журнала, уже после первой публикации перевода, в разделе «Известия о ученых делах» сообщалось: «Господин Фон-Юсти есть ныне один из прилежнейших писателей в Германии, а о книгах его можно с правдою сказать, что они общепользны и сочинены изрядным порядком ясным и приятным штилем. Он старается о действительной пользе человеческого общества и о приведении государств в цветущее состояние. Он чинит предложения к исправлению законов, к распространению коммерции и манифактур, к умножению государственных доходов, к споспешествованию внутренней безопасности и способности, к наставлению в добрых нравах и в добродетели». Далее шел трехстраничный список трудов ученого²⁰.

Имя еще одного экономиста, внесшего вклад не только в родную шведскую, но в мировую науку в самых разных областях, Якоба Фаггота (Jacob [Jakob] Faggot, 1699–1777), появилось на страницах «Ежемесячных сочинений» в 1761 г.²¹ Он занимался составлением карт, корректировкой мер и весов, минералогией, сельским хозяйством. Во время службы в земельном ведомстве ученый инициировал реформу, получившую название «большой сдвиг» (storskiftet). Смысл ее заключался в перемежевании сельских наделов так, чтобы консолидировать фрагментированные земли одного фермера и уменьшить чересполосицу. Это должно было служить повышению урожайности. В 1739 г. Фаггот стал одним из основателей Шведской Академии наук, а в 1741–1744 гг. и 1757–1760 гг. был ее секретарем. Его научные труды касались в

основном сельского хозяйства, он изучал также генеалогию методом исследования того, как делились наследственные земельные владения (hemmansklyvning).

Первая из двух опубликованных в «Ежемесячных сочинениях» статей Фаггота описывала способы к повышению урожайности пашни, неправильное использование которой приводит к бедности государства²². Опыты, описанные в статье, предлагалось проводить всем земледельцам в разных местах Швеции и о результатах сообщать в Королевскую академию наук для опубликования во всеобщее сведение. Очевидно, Миллер считал, что такой способ может когда-нибудь пригодиться и в России.

Вторая статья шведского ученого обращалась к теме более широкой – тому, как следует описывать государство, топоописание²³. «Весьма нужно, хорошо и полезно знать свое отечество, чтоб о всех оногo превосходствах и надобностях, и к чему каждая вещь, у нас рождающаяся, употребляется или употребляема быть может, известным быть», – писал Фаггот. Подобные суждения весьма созвучны мыслям Миллера. Далее следует как будто объяснение того, зачем статья, посвященная другой стране, помещена в журнале: «Наведываются о состоянии и домоводстве чужих земель, о тамошних морях, реках, горах, лугах и сему подобном, о плодородии их земель, что там родится, и к чему жители труды свои наиболее прилагают... Сие я не хую, ежели чинится с надлежащим намерением и с употреблением к собственному нашей пользе». Но такое изучение «их земель», по мнению Фаггота, не должно быть в ущерб изучению и освоению собственной страны для ее процветания: «То подлинно, что невозможно пользоваться по-настоящему прибытками нашей земли, или еще с вящею пользою употреблять собственные наши сокровища, пока искусные жители точно не спознают и не опишут землю». Собственно, статья Фаггота представляла собой «пункты», т. е. руководство по землеописанию, «кои могут служить к некоторому известию и наставлению для тех, которые хотят оказать себя в государстве тем, чтоб приобрести изысканием и рассуждением обстоятельное знание общего нашего домостроительства, и оное сообщить Академии: или также для тех, кои намерены Академии сообщить некоторые описания особливых мест, волостей и уездов, где они живут, и потому могут лучше подать известия о их состоянии и свойствах»²⁴. Здесь были и советы о том, на что прежде всего стоит обращать внимание при описании земли и пашни, сенокосов, пастбищ и лесов в тех или иных местах страны. Взятый за описание должен был обращать внимание на скотоводство, рыбную ловлю, судоходство, а также минеральные воды, различные

заводы и производства, полезные ископаемые, дворцы и сады, науки и искусства. Совершенно очевидно, что Миллер в очередной раз предлагал своим читателям присылать в Академию материалы для составления «достаточного описания России», а инструкция Фогота должна была послужить руководством в этом занятии.

* * *

Вхождение России в мультиаспектное пространство Европы в середине XVIII в. требовало освоения европейской науки и культуры. При этом важнейшую роль приобретала популяризация научных знаний для их практической реализации. Журнал «Ежемесячные сочинения» стал своего рода интеграционным проектом, обеспечивающим распространение информации в самых разных областях, в том числе в области экономической мысли, основным направлением которой в рассматриваемую эпоху был меркантилизм.

Примечания

- ¹ Дважды за время своего существования журнал менял название: с 1758 г. – «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. – «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». Далее независимо от названия журнала в данный период сноски будут приводиться в следующем формате: ЕС. Год. Часть. Месяц. Страница.
- ² *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1867. С. 38.
- ³ О прибытках и убытках коммерции в Англии и Франции // ЕС. 1755. Ч. 2. Август. С. 102.
- ⁴ См., например: Гишпанские предложения о приведении в лучшее состояние мануфактур и купечества // ЕС. 1755. Ч. 1. Январь. С. 73–76; Шведские предложения о приведении в лучшее состояние некоторых всеобщих учреждений до экономии касающихся // Там же. С. 77–79; О доходах Гишпанского королевства // Там же. Март. С. 260–266; Историческое описание о мануфактурах / Пер. С.П. Порошин // Там же. 1756. Ч. 1. Февраль. С. 125–140 [Указание переводчика: «Перевод из немецкой книги Allgemeines Magazin der Natur, Kunst, und Wissenschaften, т. 1, с. 132, а туда взяты из французской под титулом Varietés historiques, physiques et litteraires, т. 2, с. 390»; подп.: С. П.***]; Исторические рассуждения о коммерции // ЕС. 1756. Т. 2. Сентябрь. С. 251–273; Мысли экономические / Пер. В.И. Лебедев // Там же. 1757. Ч. 2. Август. С. 185–191; Перевод из третьей части Гамбургского Патриота / Пер. В.И. Лебедев // ЕС. 1757. Ч. 2. Октябрь. С. 377–383 [речь идет о пользе мануфактур], [инф. о перев.: *Пекарский П.П.* Редактор, сотрудники и

- цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1867. С. 21–22. Примеч. 4]; Письмо о земледелии. Переведено из экономического журнала (*Journal Oeonomique*) месяца мая 1751 года // ЕС. 1758. Ч. 2. Октябрь. С. 368–376; Краткое объявление о высоко вознесшейся от купечества и мануфактур французской силе // Там же. 1759. Ч. 2. Октябрь. С. 381–383. Подп.: «Переведено из Стутгардских Физико-Экономических сочинений 1755 году лист 50»; Всеобщие о хозяйстве немецком правила // ЕС. 1760. Ч. 1. Январь. С. 84–95; *Шлецер А.Л.* Вычисление пользы от кораблестроения государству происходящейся, показанное по примеру Шведского государства // Там же. 1764. Ч. 2. Август. С. 151–162. (Подп.: «Август Шлецер».)
- ⁵ *Милотин В.А.* Очерки русской журналистики, преимущественно старой: Статья третья и последняя // Современник. 1851. Т. 26. № 3. Отд. 2. С. 15–16.
- ⁶ Маркиза Гиэронима Беллони, знатного купца в Риме, рассуждение о коммерции и о монете // ЕС. 1755. Ч. 2. Октябрь. С. 310–346; Ноябрь. С. 387–412.
- ⁷ О Беллони см. биографическую статью: *Caracciolo A. Belloni Girolamo* // *Dizionario biografico degli Italiani*: 85 vol. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1970. Т. 7: Bartolucci–Bellotto. P. 773–777.
- ⁸ *Майер Р.* Наука, искусство и народное просвещение Западной Европы от XVI века до настоящего времени // История человечества: Всемирная история: В 9 т. / Под общ. ред. Г. Гельмольта; пер. с нем. СПб.: Типо-лит. т-ва «Просвещение». Т. 8. С. 538.
- ⁹ См. об этом подробнее: *Кузнецов С.О.* Путешествие в Европу 1752–1757 гг. Ж. Антуана и барона А.С. Строганова // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные губернеры в Европе XVII–XIX вв. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 167–168, 171–173.
- ¹⁰ В оригинале искаженный французский текст: *Ji vatre Excellence vent nous ecrire en droitnne a Roma l'adresses soe <нрзб.> Gerolamo Belloni a Roma* (*Строганов А.С.* Письмо С.Г. Строганову, 22 октября 1754 г. Милан // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2005. [Т. 14.] С. 37).
- ¹¹ См. о нем подробнее: *Lazarus [Lindahl C.F.]*. Thomas Plomgren och hans mågar // *Svenska millionärer: Minnen och anteckningar*: 10 vol. Stockholm: Kōrnsners boktryckeri-aktiebolag, 1900. Sam. 5. S. 273–288.
- ¹² Фомы Пломгрена, знатного Шведского купца, размышления о коммерции вообще, переведенные из второй части Сочинений Шведской Королевской Академии наук 1740 году / Пер. В.И. Лебедев // ЕС. 1757. Ч. 2. Сентябрь. С. 271–283. [Инф. о переводчике см.: *Пекарский П.П.* Редактор, сотрудники и цензура. С. 21–22. Примеч. 4.]
- ¹³ *The British Merchant*, т. е.: Английской купец // ЕС. 1756. Ч. 1. Март. С. 251–262; Апрель. С. 292–314.
- ¹⁴ *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 90. Примеч. 2. [Здесь ошибочно – *The English Merchant*.]

- ¹⁵ См. подробнее: *Рак В.Д.* Иностранная литература в русских журналах XVIII века: (Библиографический обзор) // Русско-европейские литературные связи: Энциклопед. слов. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 387–388. Сн. 89.
- ¹⁶ Сочинение англичанина Фомы Кулпепера, писанное в 1621 году против лихоимства, в котором в рассуждении торгов и земледелия следствия денежного роста рассматриваются // ЕС. 1758. Ч. 2. Декабрь. С. 540–567.
- ¹⁷ См. подробнее: *Рак В.Д.* Указ. соч. С. 341, 388. Примеч. 90.
- ¹⁸ *Майер Р.* Указ. соч. С. 539.
- ¹⁹ О нужности и пользе мануфактур и фабрик // ЕС. 1763. Т. 2. Июль. С. 42–68; О союзе мануфактур и фабрик с общим состояниемъ и свойствомъ государства // Там же. Сентябрь. С. 249–265; Октябрь. С. 335–347; О заведении и основании мануфактур и фабрик // Там же. Декабрь. С. 496–547 (Общий подзаголовок всех этих публикаций: «Переведено из книги господина фон Юсти»).
- ²⁰ Известия о ученых делах // ЕС. 1763. Ч. 2. Июль. С. 91–94.
- ²¹ См. о нем: *Faggot Jakob* // *Nordisk familjebok konversationslexikon och realencyklopedi*. Stockholm: Nordisk familjeboks förlags aktiebolag; Nordisk familjeboks tryckeri, 1907. Bd.7: Egyptologi – Feinschmecker. Kol. 1259.
- ²² Якова Фаггота Инспектора при Королевской межевой конторе в Швеции размышление о земледелии и каким образом Шведская Академия наук о поспешествовании оного старается: Переведено из Сочинений Шведской Академии наук. Т. 1, с. 105, 1749 года / Пер. со швед. В.И. Лебедев // ЕС. 1761. Ч. 1. Май. С. 535–547. [Инф. о переводчице см.: *Пекарский П.П.* Редактор, сотрудники и цензура. С. 21–22. Примеч. 4.] Оригинал: *Faggot J.* Tankar om Landtbruk, och huruledes Wetenstaps Academien årnar främja deß upodlande // *Kongl(iga) Swenska wetenskaps academiens handlingar*. 1739. Vol. 1. Oct–Nov–Dec. S. 85–93.
- ²³ Якова Фаггота Инспектора при земледелии в Швеции рассуждение о познании и описании Отечества, переведенные из сочинений Королевской Шведской Академии наук. Т. 3, с. 3 // ЕС. 1761. Ч. 1. Июнь. С. 583–615 [д.б. 635 – сбой в паг.]. Оригинал: *Faggot J.* Tanrar om Foderneslandets fännande och beskrifwande // *Kongl(iga) Swenska wetenskaps academiens handlingar*. 1741. Vol. 2. Jan–Feb–Mart. S. 1–25.
- ²⁴ Якова Фаггота Инспектора при земледелии в Швеции рассуждение о познании и описании Отечества. С. 583–584, 587, 588.

О.И. Киянская
Д.М. Фельдман

Из истории журналистики
конца 1920-х – начала 1930-х гг.:
показание А.Н. Гарри

В статье публикуются и анализируются показания советского писателя и ведущего журналиста газеты «Известия» Алексея Николаевича Гарри, данные им на следствии в ОГПУ в 1930 году. В контексте этих показаний описывается его биография, его журналистская деятельность. Анализируются причины, по которым журналист был трижды арестован. Особый акцент делается на одном из журналистских заданий Гарри: снабжение работавших в Москве иностранных корреспондентов (инкоров) информацией о жизни СССР.

Ключевые слова: А. Гарри, Евгений Лайонс, «Известия», инкоры, советская журналистика.

Данная статья продолжает серию публикаций материалов следственных дел корреспондента газеты «Известия» Алексея Николаевича Гарри¹. Это имя было хорошо известно читателям газет 1930-х гг.: современники называли Гарри «известинским Кольцовым»². Лично спасавший экспедицию Умберто Нобиле, участник множества авиаперелетов, свидетель строительства заводов, фабрик и каналов, Гарри делился увиденным в традиционных известинских «подвалах». «Пожалуй, не было ни одного приметного события в жизни страны в те годы, в котором бы не участвовал Алексей Гарри в качестве корреспондента “Известий”», – утверждает современник³. Кроме того, Гарри, автор нескольких десятков рассказов и книг, был членом Союза писателей СССР.

Однако биографию столь известного в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг. человека восстановить очень трудно. Журналист рассказывал, что его то ли «отцом», то ли «отчимом» был известный

ленинградский врач Леонид Эрлих. А фамилия Гарри – это псевдоним, который он получил в 1919 г., то ли работая в подполье, то ли просто желая задеть отца. Однако есть и мемуарные свидетельства о том, что Гарри – настоящая фамилия журналиста: «В жилах Алексея Николаевича текло множество кровей, фамилия – от деда, то ли француза, то ли итальянца»⁴. Год рождения известинца тоже остается загадкой: в одних документах он утверждал, что родился в 1898-м, а в других – что в 1903 году. Местом своего рождения он называл то Санкт-Петербург, то Париж.

Однако точно известно, что Алексей Гарри – активный участник Гражданской войны. Всю войну он прошел с легендарным комбригом Григорием Котовским, закончил войну начальником штаба в бригаде Котовского. За храбрость Гарри получил два ордена Красного Знамени. О Котовском и котовцах повествуют две книги Гарри: «Огонь. Эпопея Котовского» (М., 1934) и «Рассказы о Котовском» (М., 1959).

Судя по сохранившимся документам и мемуарам, Гарри был непростым и конфликтным человеком. Ссорой закончились его отношения с Котовским; в результате этой ссоры он потерял партбилет. Люто ненавидел Гарри Михаила Кольцова, про которого сочинял и распространял разного рода вымышленные истории. В частности, как не сведущий в западных реалиях Кольцов вместо жвачки принялся – на глазах коллег – жевать презерватив⁵. Из «Известий» Гарри уволили в 1936 г., после конфликта с тогдашним редактором Николаем Бухариным.

Его семейную жизнь тоже сопровождали конфликты. В том же 1936 г. он разошелся с женой, балериной Верой Гарри, ставшей любовницей поэта Павла Васильева. «Выяснение отношений» между Гарри, его женой и Васильевым произошло в присутствии представительниц Совета писательских жен. Результаты увиденного писательские жены изложили на страницах газеты «Правда»: «Пресловутый П. Васильев сидел за столом без платья, в загаженном белье, вдребезги пьяный и ругался площадной бранью. Сам Гарри зашел за перегородку, где, по его словам, лежала его больная жена, тотчас оттуда послышался шум борьбы и иступленный женский крик: “Пашка, он меня бьет!”»⁶

Непростые отношения были у Гарри и с ОГПУ–НКВД.

В июле 1930 г. Гарри арестовали, в ноябре того же года судили и сослали на 10 лет на Соловки. Однако через год он был полностью реабилитирован по постановлению Политбюро. Причем доклад о необходимости его освобождения на Политбюро делал лично Сталин⁷.

Второй раз он был арестован в июле 1937 г. Формальной причиной ареста бывшего известинца стали попавшие в НКВД сведения о том, что он «систематически распространяет» «слухи о массовых арестах» и, в частности, об арестах бывших и действующих чекистов. Однако и на этот раз большая беда обошла его стороной: уже в августе Гарри был освобожден – по личному распоряжению Н.И. Ежова.

Выйдя из тюрьмы, он – в декабре 1936 г. – принял предложение сотрудничать с НКВД. Согласно его позднему признанию, этим сотрудничеством он «старался по мере сил заглаживать все свои прежние промахи как в области отсутствия бдительности, так и в области преступного легкомыслия по отношению к врагам народа»⁸. Однако это его не спасло: в 1938 г. он в третий раз попал в тюрьму. В апреле 1939 г., сразу после ареста Ежова, его лишили боевых наград и осудили на 8 лет лагерей – за участие в «контрреволюционной террористической организации». Обвинялся же бывший журналист, в частности, в том, что согласился совершить террористический акт: бросить бомбу и стрелять из пистолета в машину членов Политбюро⁹.

Наказание он отбывал в Норильском исправительно-трудовом лагере, после освобождения жил в Норильске и Красноярске, работал в местных библиотеках, издательствах и газетах, снова стал писать журналистские и художественные произведения. В сентябре 1955 г. Гарри был реабилитирован, приехал в Москву и через 5 лет умер.

* * *

Судя по следственному делу 1930 г., фрагменты которого публикуются ниже, сферой деятельности Гарри в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была не только работа собкором «Известий». Он – по заданию Народного комиссариата иностранных дел – работал с иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве. Гарри снабжал корреспондентов информацией; естественно, что информация эта давалась строго в соответствии с интересами СССР.

Главным из тех, кому Гарри поставлял информацию, был корреспондент американского новостного агентства «Юнайтед Пресс» Юджин (Евгений) Лайонс (1898–1985). Родившийся в дореволюционной России, сочувствовавший большевикам, анархист по убеждениям, Лайонс считался другом Страны Советов. Он писал статьи в поддержку советских властей, яростно защищал приговоренных к расстрелу американских рабочих Сакко и Ванцетти.

В 1924–1927 гг. Лайонс служил корреспондентом американского бюро ТАСС, его корреспонденции и рассказы печатались в советских газетах и журналах. В 1929 г. в Москве была издана его книга «Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти».

Приехав в Москву в 1928 г., Лайонс обратился в Отдел Печати НКВД с просьбой дать ему куратора из московских журналистов – и выбор дипломатов пал на Гарри. Между двумя журналистами завязались дружеские отношения, Гарри стал своим человеком в доме Лайонса. При этом большинство собственных действий по «инспирированию» Лайонса, по снабжению его информацией Гарри согласовывал с НКВД. И несмотря на это, Гарри был арестован именно в связи с общением с Лайонсом: ему вменяли в вину шпионаж и разглашение секретных сведений. Впрочем, виновным он себя не признал.

Отправной точкой расследования был, очевидно, чей-то донос. Однако автора доноса определить не представляется возможным: часть документов дела до сих пор не рассекречена. Сам Гарри был уверен, что донос написал его враг Кольцов. Однако следов какого-либо участия Кольцова в этом деле обнаружить не удалось. Дело это прошло для Гарри практически бесследно: он, как уже говорилось выше, был освобожден от наказания и реабилитирован по специальному постановлению Политбюро. Вернувшись с Соловков, он продолжил и работу в «Известиях», и общение с Лайонсом.

Однако «дело Гарри» не прошло бесследно для Лайонса. Очевидно, что история эта способствовала резкому пересмотру американцем собственных прокоммунистических взглядов. Вернувшись в 1934 г. в Америку, Лайонс стал одним из последовательных критиков и советской власти, и лично Сталина. Ненавистью к «утопическому» режиму проникнуты, в частности, его книги «Московская карусель» (1935), «Командировка в утопию» (1937) и «Сталин. Царь всея Руси» (1940).

* * *

Показания Гарри – ценнейший источник и по истории советской журналистики, и по истории зарубежной журналистики 1930-х гг. Кроме того, эти показания существенно дополняют представления о жизни в СССР в 1930-х гг.: в них обсуждаются политические, культурные, бытовые вопросы, волновавшие и советских людей, и иностранных корреспондентов тех лет. Орфография и пунктуация в публикации приведены к современным нормам, сокращения раскрываются в квадратных скобках. Подчеркивания в тексте принадлежат самому Гарри.

К показаниям приложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые во вступительной статье или в самих документах, не комментируются.

I. Собственноручные показания А.Н. Гарри
от 26 августа 1930 г.

Тов. Стырне¹⁰

В развитие не сделанных¹¹ мною сегодня признаний, а также в дополнение ко всем данным раньше показаниям, сообщаю:

Об «инспирации»

Когда Лайонс явился ко мне с берлинскими визитными карточками (подробности есть в первых письменных показаниях), я детально обсудил этот вопрос с Б. Штейном¹². Штейн тогда официально «наблюдал» за иностранным отделом «Известий», фактически же заведовал им я. Я очень горячо принял просьбу Лайонса о снабжении его известинской информацией. Мы пошли к Степанову-Скворцову¹³, который сказал: «Это – замечательно интересный эксперимент». Штейн поговорил и с Гронским¹⁴ (зам[естителем] отв[етственного] редактора «Известий»), а также согласовал этот вопрос с НКВД (очевидно, с Волиным¹⁵ и Готштейном).

Придя оттуда, он сообщил мне, что Лайонсу матерьял давать можно, но только матерьял наших собственных корреспондентов, а не ТАССа, ибо ТАСС и Юнайтед Пресс¹⁶ «конкурируют». Далее Штейн обратил мое внимание на то, что НКВД, не возражая в принципе, очень боится прецедента, а именно, чтобы все инкоры не потребовали бы, чтобы их прикрепили к тем или иным газетам. Поэтому Штейн указал мне на необходимость вести дело очень «тонко», т. е. создавать впечатление, что я лично помогаю Лайонсу, для того, чтобы инкоры не могли требовать таких же преимуществ. Так я и поступил.

Для начала Лайонсом была передана большая беседа с Гронским о перспективах хозяйственного развития СССР (фактически – наметка пятилетки). Он это передал за границу и прислал мне вскоре около 300 вырезок этой беседы в различных газетах мира.

Позже Лайонс еще раз был у Гронского (кажется, через год) и вторично получил у него очень интересную для дела пропаганды СССР за границей беседу. Тот факт, что все мои отношения с Лайонсом (как личные, так и деловые) были с ведома и согласия «Известий» и НКВД (хотя они нашли возможным это сейчас и отрицать), подтверждается следующим.

1) Есть копии моих докладных записок [в] НКВД, в которых подробно эти отношения излагаются.

2) Я получил прямое указание снабжать Лайонса информацией лично, а не официально, дабы не дать повод другим инкорам считать это прецедентом.

3) Лайонс звонил мне по телефону и приходил ко мне, а также [я] ходил к нему в присутствии ряда сотрудников «Известий», одновременно работающих в НКВД, как то: Штейн, Карский, Гнедин, Канторович, Астахов и т. д.¹⁷

4) Я несколько раз передавал Лайонсу комментарии, специально присланные мне для этой цели из НКВД со специальной инструкцией передать их ему в частном порядке, дабы не мог он потом сказать, что ему это «подсунули».

5) Все указания о том, чтобы я с Лайонсом был «осторожнее», мотивировались отнюдь не принципиальными соображениями, а лишь ссылками на ТАСС, который якобы жалуется, что Лайонс при моей помощи «обскакивает» ТАСС. Я считал и считаю это доводом узко ведомственным и прямо контрреволюционным, в чем соглашались со мной и те лица, которые мне рекомендовали эту осторожность. Если ТАСС плохо работает, то пусть улучшит свою работу, а не заставляет меня работать хуже.

6) В отдельных случаях я согласовывал с НКВД право дать Лайонсу тот или иной известинский материал.

7) Цензоры НКВД неоднократно проверяли у меня по телефону, действительно ли я дал это Лайонсу, или нет.

8) Когда у Лайонса бывали «именитые иностранцы», и он в их честь устраивал прием, я каждый раз согласовывал либо со Штейном, либо с Готштейном право с этими людьми у Лайонса повидаваться, потом сообщал им о результатах беседы либо в устной, либо в письменной форме.

Приносил ли я пользу или вред?

Не доверяя Лайонсу ни минуты, я все время проверял, как он использует даваемые ему матерьялы. Я требовал от него не только вырезки из газет, но и копии всей той информации, как почтовой, так и телеграфной, что он посылал. Я всегда просматривал эти матерьялы, был очень придирчив и делал Лайонсу выговоры, когда находил, что он недостаточно выпятил тот или иной выигрышный для СССР момент, который имелся в статье или корреспонденции, которую я ему дал для использования.

Я за все время не только не сообщил Лайонсу устно, но и не дал ему буквально ни одной известинской телеграммы, опубли-

кование которой в иностранной печати нам было бы выгодно задержать или затемнить (катастрофы, прорывы, гнойники, стихийные бедствия и т. д.), хотя Лайонс просил меня давать ему все «сенсационное».

Я неоднократно парализовал и предупредил распространение в иностранной печати сведений, почерпнутых даже из нашей прессы, которые могли бы нам быть невыгодны. Таких случаев было очень много. Кроме приведенного мною в первом показании случая (утка, пущенная из Риги о катастрофе на военно-морских маневрах)¹⁸, я припоминаю еще следующий. В дни наиболее ожесточенной травли СССР со стороны буржуазной прессы за религиозные преследования Лайонс позвонил мне, что он и Смоляр получили от своих агентств запрос об аресте в Минске и казни 28 раввинов¹⁹. В это время в «Известиях» находились Штейн и Карский.

По согласованию со Штейном я предложил Лайонсу немедленно опровергнуть это, сославшись на минскую газету, в которой сообщалось об аресте двух служителей синагоги за связь с польским шпионажем и за хранение присланной из Польши контрреволюционной литературы. Лайонс в точности исполнил это. Его телеграмма начиналась так: «По полученным сведениям, не подлежащим сомнению, сообщение о и т. д. не соответствует действительности и т. д.». Одновременно Штейн предупредил Литвинова²⁰. В результате, когда Литвинов получил телеграмму от Бора²¹, раввины были уже освобождены. Я считаю этот эпизод выдающимся достижением моей инспирации Лайонса.

Я могу привести буквально еще сотню примеров того, какую громадную политическую пользу приносила моя работа с Лайонсом:

1. Обе беседы с Гронским, переданные за границу.
2. Материалы о «Великом Северном пути», переданные мне Гронским для Лайонса²².
3. Экспедиция Нобиле и экспедиция спасения Эйельсона²³.
4. Бесчисленное количество телеграмм о наших победах на хозяйственном фронте.
5. Бесчисленное количество фельетонов, передовых статей и комментариев, благодаря которым изо дня в день мировая печать размножала и пропагандировала мнение «Известий» по вопросам международной политики.

Припоминаю еще один случай. В Москве проездом остановился Говард, директор крупнейшего американского газетного треста и редактор и собственник газеты «Нью-Йорк Телеграмм»²⁴. Лайонс устроил в честь Говарда прием, на который пригласил и меня.

Я пошел, с разрешения Штейна. «Нью-Йорк Телеграмм» были по отношению к СССР – безразлично-враждебной. Я долго беседовал с Говардом, возил его в «Известия», в Ленинскую библиотеку, в рабочий поселок. Вскоре Лайонс сообщил мне, что трест Говарда подписался на специальный бюллетень «Юнайтед Пресс» об СССР, которого он до сих пор не получал. Я считаю это крупным достижением, следствием моих встреч с Говардом. В дни антисоветского процесса в Америке газета Говарда «Нью-Йорк Телеграмм» все время травила комиссию Фиша и защищала СССР²⁵, что я безусловно приписываю тому впечатлению, которое произвели на Говарда беседы со мной.

Лайонс познакомил меня с Биккелем – директором Юнайтед Пресс²⁶. Из бесед с Биккелем я убедился, что «Юнайтед Пресс» связана с теми американскими капиталистическими группами, которые заинтересованы в сближении с СССР. В заключение беседы Биккель сказал мне, что если когда-нибудь в Нью-Йорк придет корреспондент «Известий», пусть обращается прямо в Юнайтед Пресс, которое всегда с удовольствием будет снабжать своей информацией. Я передал об этом Гронскому, который остался очень доволен.

Лайонс посылал из Москвы больше информации, чем все остальные корреспонденты, вместе взятые. Это очень легко проверить. Я уже одно это считаю крупным достижением для дела нашей пропаганды за границей.

Я считаю, что ни разу не дал Лайонсу ничего такого, из чего он мог бы сделать вредную информацию. Я просматривал то, что он посылал, и я в этом твердо убежден.

Мои денежные отношения с Лайонсом.

Я уже сообщил раньше, что я у Лайонса никогда денег не одалживал, хотя он мне и предлагал, в чем я до ареста не видел ничего зазорного. Что касается слуха о том, будто у моей жены существовали какие-то денежные отношения, то это просто анекдотическая гипотеза, которую я при всем желании не могу удостоить внимания.

За те очень немногие вещи, которые я у Лайонса купил, я ему полностью уплатил деньги, причем он меня обсчитывал, над чем я, в душе, очень смеялся. Я имел возможность, даже не входя в сделку со своей совестью, получить (купить) у Лайонса целый ряд вещей: пишущую машинку, носимые вещи и т. д., но я этим брезговал и считал, что не имею права это делать.

Если я у Лайонса угощался, то и я его угощал, на гораздо более крупные суммы. Если я бывал с ним в ресторане, то почти всегда

я платил один, считая, что я его угощаю. Я могу подтвердить это свидетельскими показаниями. Если я с Лайонсом играл, то я всегда ему проигрывал, и это могут подтвердить свидетели. Я считаю, что знакомство с Лайонсом обошлось мне примерно в 200 рублей в месяц. Если нужно, то я и это могу доказать.

Сейчас, глазами арестованного глядя на эти отношения, я подтверждаю, что Лайонс, по-видимому, пытался меня подкупить деньгами или вещами, но что он убедился, что это невозможно. Принимая мои ответные угощения, он, конечно, тем не менее, каждую копейку, потраченную на меня, записывал на казенный счет. Вполне допускаю, что он просчитал те деньги, которые проиграл на бегах, в те два раза, когда он со мною там был.

Признаю себя виновным в том, что я не учел этого обстоятельства, хотя и должен был его учесть. Я считал и считаю, однако, что в денежных расчетах с Лайонсом я всегда подчеркнуто держал себя на равной ноге и гордился этим. Я считаю, что как раз в этом вопросе я абсолютно чист.

Мое «падение».

И тем не менее Лайонс меня купил. Он нашел единственное уязвимое во мне место и, найдя, широко этим пользовался. Я имею в виду – тщеславие.

Я когда-то был очень скромным человеком. Но достигши настоящей, бесспорной славы, купаясь в лучах своего литературного успеха, я стал тщеславен.

НКВД всегда мне в «Известия» посылал «именитых иностранцев», профессоров, писателей и т. д. Возвращаясь к себе, они пели хвалебные гимны моему уму, моим талантам, моей политической зрелости. Мне это очень льстило. Я показывал всем вырезки из иностранных газет и журналов, где писалось обо мне, и очень этим хвастался.

Даже все мои отношения с Лайонсом носили в себе элемент тщеславия: вот, мол, я какой умный, руковожу Лайонсом. Когда я в его отсутствие «выезжал» с его женой, которая меня несколько не интересовала, я получал тщеславное удовольствие от того, что могут подумать, что я с ней живу.

Лайонс это очень скоро подметил, стал льстить мне в глаза и за глаза, всячески рекламировать меня и т. д. И в результате этого я почувствовал себя по отношению к нему обязанным. Конечно, перед лицом любого закона, перед лицом ОГПУ я могу доказать, что каждая строчка, которую я ему дал, вызывалась целесообразностью и необходимостью. Но я тут покривил бы душой. Перед лицом сво-

ей совести должен признать, что я часто помогал Лайонсу (в том числе и советами) только потому, что считал себя обязанным за то, что он меня рекламировал. Вреда интересам СССР это не приносило, но пользу – приносило только Юнайтед Пресс, хотя повторяю, формально можно считать, что чем больше на Западе о нас пишут, тем лучше.

Другой на моем месте такой пользы Юнайтед Пресс принести не мог бы: моя помощь определялась моими личными способностями и моей квалификацией. Благодаря мне Юнайтед Пресс почти всегда вперед за сутки раньше других мог располагать известинской информацией. Поэтому Лайонс так и дорожил моей «дружбой».

Это – я считаю своей основной ошибкой, если угодно, то и преступлением.

Обо мне лично.

Тов. Стырне бросил мне упрек, познакомившись с моих слов с моей личной жизнью, с моим бытом, что мой быт был «клоакой, в котором легко заводятся черви». Я вынужден с негодованием отвергнуть это обвинение.

Принадлежа к категории наиболее высоко оплачиваемых советских работников (годовой заработок 12 000 и выше), я не покупал себе ни домов, ни старинных вещей, никогда не имел денег на сберкнижке, никогда не создавал себе мещанского уюта, как это делают очень многие. Я отдавал работе 10 и более часов в день, я все время повышал свою квалификацию, читал ежедневно около 30 иностранных газет и журналов, всю марксистскую литературу. Я считаю себя одним из наиболее марксистски-грамотных и политически развитых журналистов в СССР как партийных, так и беспартийных.

Я вел многостороннюю общественную работу и никогда не отрывался от масс. Большие деньги, которыми я располагал, я тратил на свой досуг, причем никогда не «терял лицо» и не компрометировал себя. Это – неорганизованная жизнь и наследство гражданской войны. Я пришел в революцию нищим, нищим и остался. В моей личной жизни нет даже ничего такого, что несовместимо было бы со званием члена партии.

В такой «клоаке» – черви отнюдь не заводятся.

А. Гарри
26/VIII 30.

(ЦА ФСБ. Дело Р-33346. Л. 97–98об.)

II. Собственноручные показания А.Н. Гарри
от 10 сентября 1930 г.

Основное, что требует от меня следствие, т. е. мои разговоры с Лайонсом вне пределов наших официальных отношений – стало мне ясно лишь неделю тому назад. Такое непонимание мною следствия произошло как по моей вине, так, конечно, и по вине следствия, ибо мне никогда не «договаривали», что именно от меня требуется.

Я уже показывал в предыдущих показаниях, что я никогда не оставался с Лайонсом подолгу наедине и не вел с ним, вернее, избегал вести с ним политические беседы. Давать ему объяснения по политическим вопросам я находил нужным только в тех случаях, когда Лайонс высказывал с моей точки зрения определенную вредную для инкора мысль. Тогда я считал своим долгом разубеждать его и внушать ему другие мысли, годные для использования в заграничной печати. Несмотря на то, что я с Лайонсом имел дело почти в течение трех лет, подобных «отвлеченных» разговоров с ним, повторяю, было очень мало. Я категорически утверждаю, что моя линия поведения и все беседы с ним как с инкором были политически правильны. Как с шпионом они, быть может, были и неправильны, но в чем это практически выразалось, мне не ясно до сих пор. Азбуку работы иностранного шпиона ОГПУ сочло нужным преподать мне почему-то только после ареста. Если бы это было сделано раньше, быть может, и самый арест был бы излишен.

Так как у меня превосходная память, я думаю, что приведенными ниже примерами мои «отвлеченные» разговоры с Лайонсом исчерпываются. Во всяком случае – это основное, о чем мы с ним за это время беседовали. Сейчас, когда мне яснее становится многое, чего я до сих пор не понимал, я признаю, что даже и такие, с моей точки зрения невинные разговоры очевидно давали Лайонсу право рассматривать меня как ценнейшего своего информатора. Однако повторяю, что поскольку в этих беседах не было буквально ничего, не подлежащего оглашению, мне до сих пор не вполне ясно, как практически Лайонс использовал беседы со мной для своей шпионской работы. Вот вкратце эти беседы:

1. Однажды Лайонс спросил меня, правда ли, что арестован Михаил Кольцов, закрыт журнал «Чудак» и высланы авторы шутки, осужденной в соответствующем постановлении ЦК, опубликованном в печати²⁷.

Такую концепцию я счел сугубо вредной и сенсационной. Так как у Лайонса был на руках соответствующий номер журнала «Чу-

дак», я объяснил ему, почему данная шутка является недопустимой, сообщил, что Кольцов получит только выговор и что никто из авторов не выслан и даже не получил никакого внушения. Я сообщил также, что «Чудак» благополучно продолжает выходить.

2. В другой раз Лайонс спросил меня, правда ли, что автор «Дней Турбиных» Булгаков был арестован ГПУ и освобожден лишь после того, как обратился с просьбой в Политбюро. Я рассказал Лайонсу, что Булгакова знаю лично, что арестован он никогда не был. Правда, он ходил около года без работы, но написал письмо Наркомпросу Бубнову, который и устроил его на службу в МХАТ-Г²⁸ Я разъяснил Лайонсу, в чем заключалась ошибка Булгакова и что от него требовалось для реабилитации.

3. В одной из моих статей Лайонс прочел, что экспедиция помощи Нобиле была снабжена гнилыми продуктами, и просил описать ему это подробно. Я рассказал ему, почему происходят такие вещи, и сообщил ему, что хозяйственники, виновные в этих безобразиях, отданы уже под суд.

4. Лайонс, прочтя, что редактором «Известий» будет Крумин, а Савельев уходит в «Правду»²⁹, очень интересовался, для кого из них это повышение, а для кого – понижение. Я объяснил ему, почему здесь не может быть и речи ни о повышении, ни о понижении.

5. Лайонс постоянно жаловался мне на то, что ТАСС его «травит». Некоторые поступки ТАССа не только по отношению Лайонса, но и других инкоров, действительно, были возмутительны (кое-что об этом я дал в предыдущих показаниях). Я успокаивал Лайонса, иногда соглашался с ним, что ТАСС допустил ошибку, указывал ему на необходимость уладить эти вопросы с НКВД, а не ругаться и т. д.

6. Когда по СССР закрылся целый ряд газет, Лайонс очень интересовался тем, что он назвал «проблемой трестирования печати». Я подробно объяснил ему разницу между трестированием печати в буржуазных странах и у нас³⁰. Помню, Лайонс написал об этом корреспонденцию, которая была вполне дружественна и соответствовала интересам нашей пропаганды за границей.

7. Лайонс очень хотел купить квартиру в кооперативе и просил ему помочь. Одновременно он возмущался тем, что это так сложно. Я разъяснил ему принципы нашего жилищного строительства, рекомендовал обратиться за содействием в НКВД, обещал помочь и т. д.

8. Во время отлета «Крыльев Советов» на аэродроме произошел инцидент с корреспондентом ТАСС – Гофманом³¹. ТАСС нашел нужным перенести обсуждение этой склоки на страницы советской печати, откуда оно было подхвачено белой и реакционной

английской прессой, которые, конечно, постарались придать этому пустяковому случаю политический характер. Когда я вернулся из-за границы, Лайонс спросил меня, в чем дело. Я дал ему совершенно правдивое объяснение, которое опровергало всю клевету белых.

9. Постоянно лъстя мне и делая вид, что он очень интересуется моей литературной деятельностью, Лайонс прочел о предстоящем напечатании первой части моей книги «Котовский» и романа «Воскресение»³². Впоследствии напечатание этих вещей задержалось и по Москве поползли слухи, что обе эти вещи – запрещены Главлитом. Лайонс спросил меня об этом. Я разъяснил ему, что слухи о запрещении этих вещей являются очередной обывательской сплетней, что мне просто предложено их переделать. Я разъяснил Лайонсу, почему редакция права, требуя переделок. Кстати, с требованиями редакции я сам был вполне согласен.

10. Лайонс проявлял повышенный интерес не только к назначениям, но и к тому, кто какие должности занимает, кто совмещает и т. д. Например, что Ярославский делает, кроме «Безбожника»³³, кто входит в партколлегию ЦКК, какие функции у этого органа³⁴ и т. д. Я ему всегда давал ответы на эти вопросы, тем более, что специфических белогвардейских вопросов о Коминтерне–ЦК–Совнарком Лайонс мне никогда не задавал, и то, что я ему говорил, он мог, потеряв некоторое время, узнать из всей Москвы или из комплекта газет.

11. Когда происходили аресты советских людей, бывавших у Лайонса, он постоянно очень волновался и просил, чтобы я ему объяснил, за что их арестовывают. Хотя для меня лично было ясно другое, т. е. что эти люди выбалтывают ему как инкору ненужные вещи, я давал ему другое, на мой взгляд, более невинное объяснение: Вы – враг, агент капиталистической печати, эти люди официально не имеют к Вам никаких дел, они просто идеологически к Вам тяготеют, разлагаются в Вашем обществе и т. д.

12. Однажды я обнаружил в комплекте Лайонса почтовую корреспонденцию о «тоске и скуке» в Москве, о запрещении танцев, о закрытии ресторанов и т. д. У меня с ним произошел бурный спор, причем я изложил советскую точку зрения на культурную революцию и т. д.

Я считал Лайонса шпионом постолько, сколько шпионом является каждый инкор. Я считал, что с этой точки зрения я с ним вполне осторожен, тем более, что я читал все его корреспонденции и видел, что мои «лекции» он не использует во вред интересам нашей пропаганды. Это служило для меня подтверждением, что моя линия правильна.

Иногда между Лайонсом, Фишером и Гаммером³⁵ бывали абстрактные политические споры. Изредка я в этих спорах принимал участие, доказывая правильность нашей линии. Если Лайонс действительно такой высококвалифицированный шпион, то, быть может, он из самой моей аргументации мог черпать сведения о «кухне» нашей политической пропаганды. Хотя мне до сих пор неясно, какими принципами он руководствовался в этом отношении.

А. Гарри

(ЦА ФСБ. Дело Р-33346. Л. 91–92)

Примечания

- ¹ См. предыдущие публикации: *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Из истории советской журналистики: автобиография Алексея Гарри // Вестник РГГУ. Сер.: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 4 (13). С. 24–42; *Они же.* «Ведь он у нас в списке...»: К истории общественных настроений 1937 года // Россия XXI. 2016. № 4. С. 160–179; *Они же.* Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 308–344.
- ² *Нехамкин С.* Котовец // Известия. 2006. 24 апр.
- ³ *Кудреватых Л.* Репортер «Известий» // Заполярная правда. 1969. 16 февр.
- ⁴ *Нехамкин С.* Указ. соч.; *Кудреватых Л.* Указ. соч.
- ⁵ *Снегов С.* «Прошло полсотни лет» // Заполярная правда. 1993. 24 авг.; *Норильский С.* «Поверни омара на спину...» // Заполярный вестник. 2002. 18 окт.
- ⁶ Личная жизнь писателя // Правда. 1937. 15 мая.
- ⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о пересмотре дела А. Гарри, 20 октября 1931 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД: Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти: Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 286.
- ⁸ Следственное дело Гарри А.С., 1938 г. // ЦА ФСБ. Дело Р-2409. Л. 69.
- ⁹ Там же. Л. 115.
- ¹⁰ Стырне (Стырна) Владимир Андреевич (1897–1937) – следователь по делу Гарри, с 1924-го по 21 сентября 1930 г. – помощник начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ, затем помощник начальника Особого отдела ОГПУ; расстрелян.
- ¹¹ Так в тексте. «Не» вставлено над строкой.
- ¹² Штейн Борис Ефимович (1892–1961) – в 1928 г. (время приезда Лайонса в СССР) сотрудник Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД), куратор газеты «Известия» от НКВД.

- ¹³ Степанов-Скворцов (Скворцов-Степанов) Иван-Иванович (1870–1928) – в 1925–1927 гг. ответственный редактор газеты «Известия».
- ¹⁴ Гронский Иван Михайлович (1894–1985) – в 1928 г. заведующий экономическим отделом «Известий», заместитель ответственного редактора И.И. Скворцова-Степанова.
- ¹⁵ Волин Борис Михайлович (1886–1957) – в 1927–1929 гг. руководитель отдела печати НКВД.
- ¹⁶ Американское новостное агентство «Юнайтед Пресс» (United Press Association) было основано в 1907 г. журналистом и издателем Эдвардом Скрипсом и его партнером Милтоном Макреем. Принцип, положенный в основу деятельности агентства, состоял в том, что новости продавать следует всем заинтересованным лицам без ограничений.
- ¹⁷ Карский Михаил Андреевич (1900–1937) – в конце 1920-х гг. помощник заведующего, а затем заведующий Отделом Балтийских стран и Польши НКВД; расстрелян. Гнедин Евгений Александрович (1898–1983) – в конце 1920-х гг. сотрудник НКВД, совмещавший эту работу с должностью заместителя заведующего иностранным отделом «Известий»; впоследствии заведующий отделом печати НКВД; арестован в 1939 г., в 1941 г. осужден на 10 лет лагерей. Канторович Анатолий Яковлевич (1896–1937?) – в конце 1920-х гг. референт 2-го Восточного отдела НКВД, совмещавший эту работу с должностью заместителя заведующего иностранным отделом «Известий»; погиб в тюрьме. Астахов Георгий Александрович (1897–1942) – в конце 1920-х гг. референт отдела Дальнего Востока НКВД; погиб в тюрьме.
- ¹⁸ Об этом инциденте Гарри сообщал в показаниях от 30 июля 1930 г.: в 1929 г., «в дни больших маневров Балтфлота», ему позвонил Лайонс и прочел полученный им из Берлина телеграфный запрос. Телеграмма (в изложении Гарри) гласила: «Рига сообщает, что к берегам Балтийского моря прибиты обломки двух советских кораблей, “Урицкого” и “Троцкого”, а также несколько сот трупов. Как сообщают, на двух советских кораблях произошел бунт, последовал взрыв и оба корабля пошли ко дну. Немедленно выясните и телеграфируйте». В итоге выяснилось, что «Урицкий» и «Троцкий» – «одно и то же судно», однако на двух кораблях Балтфлота в ходе маневров действительно произошли беспорядки, что привело к столкновению судов. При этом пострадали 4 человека. Однако Гарри было запрещено передавать эту информацию Лайонсу. «В результате мне пришлось сообщить Лайонсу, что мне ничего не удалось узнать по этому поводу», – показывал он. На следующий день среди инкоров был распространен официальный текст: «Наркомвоенмор СССР категорически опровергает как факт наличия означенных судов в Советском флоте, так и факт столкновения этих двух судов и все остальное, с этим связанное». Однако «все советские газеты» напечатали сообщение ТАСС «с подробным описанием аварий, с указанием жертв, с подтверждением названия одного из кораблей» (Дело Гарри А.Н. 1930 г. // ЦА ФСБ. Дело Р-33346. Л. 9–9об.).

- ¹⁹ Смоляр Борис (1897–1986) – американский журналист российского происхождения, с 1924 г. – корреспондент Еврейского телеграфного агентства в Европе и СССР. Информация о казни раввинов в Минске не соответствовала действительности.
- ²⁰ Литвинов Максим Максимович (1876–1951) – в 1921–1930 гг. – заместитель наркома иностранных дел РСФСР и СССР, в 1930–1939 гг. – нарком иностранных дел СССР.
- ²¹ Очевидно, имеется в виду Бора Уильям Эдгар (1865–1940) – американский политик, сенатор-республиканец, в 1924–1933 гг. председатель сенатской комиссии по иностранным делам, сторонник установления дипломатических отношений с СССР.
- ²² Великий Северный [железнодорожный] путь – неосуществленный проект железной дороги, соединяющей Сибирь с Центральной Россией. Проект этот активно обсуждался в советской печати в конце 1920-х гг., однако в 1931 г. от него отказались.
- ²³ Арктическая экспедиция под руководством итальянского полярного исследователя Умберто Нобиле (1885–1978), совершавшая полет на дирижабле «Италия», потерпела катастрофу в мае 1928 г.; большинство выживших участников экспедиции были спасены советскими моряками. В спасении выживших Гарри принимал личное участие и писал об этом репортажи в газету «Известия». Эйльсен Карл Бен (1897–1929) – американский полярный летчик. Погиб в авиакатастрофе в Сибири при попытке спасти людей с терпевшего бедствие у Нордкапа (мыс Отто Шмидта) грузового судна «Нанука». Не зная о судьбе Эйльсена, СССР организовывал экспедицию по его спасению, ход которой тоже освещался в советской печати.
- ²⁴ Говард Рой Уильям (1883–1964) – американский журналист и издатель, начал карьеру в качестве уличного продавца газет, к концу 1920-х гг. совладелец и директор крупнейшего в США газетного треста «Scripps-Howard». Под контролем треста находилось 26 ежедневных и 10 воскресных газет, в частности газета «Нью-Йорк Телеграмм анд Сан».
- ²⁵ Фиш Гамильтон (1888–1991) – американский политик, член Палаты представителей в Конгрессе США от штата Нью-Йорк; член Республиканской партии США. Комиссия Конгресса под его руководством была создана 22 мая 1930 г.; в ее задачи входило расследование фактов коммунистической пропаганды в США.
- ²⁶ Биккель Карл Август (1882–1972) – американский журналист, в 1923–1935 гг. директор новостного агентства «Юнайтед Пресс», сочувствовал СССР.
- ²⁷ Речь идет о событиях сентября 1929 г., когда в сатирическом журнале «Чудак», выходившем под редакцией М.Е. Кольцова, был опубликован фотоматериал, высмеивающий «круговую поруку» в Ленинградской партийной организации. Фотоматериал вызвал волну партийного возмущения, Кольцову вынесли строгий выговор с предупреждением и сняли с поста редактора. Потом – после

- «покаяния» – последовало возвращение Кольцова на пост редактора. Однако это возвращение не спасло «Чудак», который закрылся в конце февраля 1930 г. и был слит с сатирическим журналом «Крокодил». Несмотря на просьбу Кольцова, он не стал редактором объединенного журнала.
- 28 Очевидно, слух об аресте Булгакова связан с тем, что его пьеса «Дни Турбиных», впервые представленная на сцене Московского Художественного театра (МХАТ) 5 октября 1926 г., была подвергнута острой критике в печати, а в апреле 1929 г. снята с репертуара. 28 марта 1930 г. Булгаков обратился с письмом к «Правительству СССР»; в письме он просил либо отпустить его за границу, либо дать ему возможность работать во МХАТе. Письмо это было разослано по нескольким адресам. Его получил, в частности, А.С. Бубнов. Следствием письма стал телефонный разговор Булгакова с И.В. Сталиным и зачисление Булгакова в штат МХАТа. Спектакль «Дни Турбиных» был возобновлен в феврале 1932 г. Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – в 1929–1937 гг. народный комиссар просвещения СССР; расстрелян. МХАТ-I – главная группа МХАТа; называлась так в отличие от МХАТ-II и МХАТ-III – самостоятельных театров, выросших из театральных студий МХАТа. Лайонс, по-видимому, был близким другом Булгакова, но Гарри не знал об этом. Так, в частности, именно Лайонс перевел пьесу «Дни Турбиных» на английский язык и в 1934 г. опубликовал перевод в Бостоне.
- 29 Крумин Гаральд Иванович (1894–1943) – с июля 1930 по апрель 1931 г. – ответственный редактор «Известий», погиб в лагерях. Савельев Максимилиан Александрович (1884–1939) – ответственный редактор «Известий» с июля 1929 по июль 1930 г., после ухода из «Известий» недолгое время был редактором «Правды».
- 30 С начала 1910-х гг. в США активно шел процесс монополизации («трестирования») периодических изданий. К 1930-м гг. под контролем 55 крупных трестов находилось более 300 американских газет. В СССР в эти годы тоже шел процесс укрупнения и слияния периодических изданий, вызванный не финансовыми, а идеологическими причинами.
- 31 Европейский перелет по маршруту Москва – Травемюнде – Берлин – Париж – Рим – Марсель – Лондон – Париж – Берлин – Варшава – Москва на самолете АНТ-9, носившем название «Крылья Советов», начался 10 июня 1929 г. Пилотировал самолет легчик Михаил Громов, на борту было восемь пассажиров, в том числе Гарри и Кольцов. «Инцидент», о котором идет речь, состоял в том, что корреспондент ТАСС Карл Гофман не попал на самолет из-за перегруза и – в присутствии как советских, так и иностранных журналистов – заявил протест. За это Гофман получил партийный выговор.
- 32 Книга Гарри «Огонь. Эпопея Котовского» вышла в 1934 г.; роман «Воскресение» обнаружить не удалось – очевидно, он так и не был опубликован.
- 33 Редактор журнала «Безбожник» Емельян Михайлович Ярославский (1878–1943) в конце 1920-х – начале 1930-х гг. совмещал журналистскую дея-

тельность с деятельностью члена Центральной Контрольной Комиссии при ВКП(б) (высший партийный контрольный орган, следивший за исполнением партийных решений всеми советскими организациями), в 1924–1934 гг. – секретарь Партколлегии ЦКК.

³⁴ Партколлегия ЦКК была создана на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г., в ее функции входило рассмотрение личных дел коммунистов, подозревавшихся в нарушении программы, устава и партийной этики. В конце 1920-х гг. в нее, кроме Е.М. Ярославского, входили М.Ф. Шкирятов, А.А. Сольц, И.И. Коротков, Н.М. Осьман и др.

³⁵ Фишер Луи (англ. Louis Fischer, 1896–1970) – американский журналист и историк, в 1920-х гг. московский корреспондент газет «Дейли Геральд», «Нью-Йорк Ивнинг Пост», еженедельника «Нэйшн». Кто именно из живших в то время в Москве представителей семьи американских концессионеров Гаммеров (Хаммеров) имеется в данном случае в виду, установить не удалось.

М.П. Одесский

В.М. Молотов – Л.М. Леонов – А.О. Авдеенко:
очерки советской «публичной культуры»
(август–сентябрь 1940 г.)

В статье анализируется пропагандистская кампания, которая проводилась в советской периодике в августе–сентябре 1940 г. Она была инициирована докладом В. Молотова, который на фоне начавшейся Второй мировой войны призвал общество к «мобилизационной готовности». В литературе это обусловило правительственный заказ на изображение человека героического и добродетельного. Установка на «мобилизационную готовность» объясняет критику писателя А. Авдеенко за пристрастие к негативным персонажам, по этой же причине подверглась критика пьеса Л. Леонова «Метель».

Ключевые слова: Леонид Леонов, Александр Авдеенко, Вячеслав Молотов, советская периодика, «мобилизационная готовность».

К концу 1939 г. Л.М. Леонов закончил пьесу «Метель». В апреле–марте 1940 г. состоялось 13 театральных премьер «Метели», пьесу единодушно приветствовала пресса, в августе 1940 г. обсуждался вопрос о выдвижении на Сталинскую премию по разряду драматургии. Удивительно здесь то, что пьеса показывала атмосферу страха и доносов, царящую в СССР, успехи клеветников и бедствия совестливых людей. Объяснение тому, что опасную пьесу столь позитивно приняли, целесообразно искать, вписывая ее в пропагандистский контекст советской прессы того времени¹. Тогда окажется, что «Метель» соответствует основным положениям доклада А.А. Жданова на XVIII партсъезде в марте 1939 г., который, в свою очередь, развивал идеи январского Пленума ЦК 1938 г. Согласно решениям этого пленума, в стране существуют «клеветники» и «карьеристы», доносами спровоцировавшие

репрессии против честных коммунистов, которых теперь необходимо реабилитировать. Надо отметить, что подобные призывы к реабилитации не отменяли, но дополняли практику «большого террора». Тем не менее сюжет январского Пленума, актуализированный на XVIII съезде, привел к некоторым послаблениям в области литературы.

Однако 16 сентября 1940 г. Оргбюро ЦК (в присутствии Сталина, Жданова и др.) приняло фатальное для Леонова решение, которое 18 сентября дублировало и Политбюро ЦК, выпустив специальное постановление, осуждавшее пьесу «Метель» «как идеологически враждебную, являющуюся злостной клеветой на советскую действительность», а Председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко указали, что он допустил «грубую политическую ошибку, разрешив к постановке пьесу “Метель”» и при повторении подобных ошибок будет смещен с должности². Следуя той методике, которая позволяла толковать успех «Метели», целесообразно обратиться к причинам ее осуждения, т. е. обратиться к тексту официальной пропаганды.

Рассматривая «Правду» за август–сентябрь 1940 г. как единый текст, прежде всего, необходимо акцентировать значение внешней политики. В это время в состав СССР вошли Молдавия (образованная на территории отторгнутой у Румынии Бессарабии) и прибалтийские республики, кроме того, отмечаются юбилеи: год присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии и полгода присоединения Выборга и создания Карело-Финской советской республики. Казалось бы, столь впечатляющие территориальные приращения должны были вселять горделивый оптимизм. И, разумеется, вселяли.

Для 1939 г., когда в состав СССР вошли территории, населенные украинцами и белорусами, сгодился вариант «славянской идеологии» – теперь была нужна другая. В.М. Молотов вспоминал позднее:

Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?» Я ему сказал: «Объясним». Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу³.

В самом деле, теперь понадобилась актуализация культа социалистического государства, к которой – объясняя присоединение

новых территорий, некогда входивших в Российскую империю – добавили идею общего исторического прошлого. Ощущение создания новой социалистической империи наглядно иллюстрирует стихотворение Евгения Долматовского «Картограф» («Правда», 17 сентября, 3-я полоса), географические перечни которого напоминают оды XVIII столетия:

Здесь были рек кривые строчки,
Равнины, горные места.
Далеких городов кружочки,
Границы жирная черта.
Уж голубою краской яркой
Картограф обводил моря.
Работа вся пошла насмарку
Семнадцатого сентября.
Под Гродно и под Белостоком
Короткий вихрь отбушевал,
И снова на листе широком
Картограф карту рисовал.
А мы уехали на север,
Где руку занесла война.
Была зима, балтийский ветер.
Артиллерийская страда.
Меж тем картограф кончил карту.
Работой любовался он,
В ночь на тринадцатое марта
Ворвался в Выборг батальон.
Картограф начал труд сначала.
Мы вышли к синему Днестру,
Нас Бессарабия встречала.
Держа знамена на ветру. <...>
Картограф, я тебя жалею –
Как жизнь на карты нанести?
Но знаешь, нам пришлось труднее.
Ты нас уж как-нибудь прости.

Вместе с тем шла мировая война, и Германия одерживала невероятные победы. Что одновременно – несмотря на советско-германский пакт о ненападении – вселяло тревогу. Все это нашло выражение в речи Председателя Совнаркома и Наркома иностранных дел В.М. Молотова «Внешняя политика Советского Союза», произнесенной на заседании Верховного Совета СССР 1 августа

и напечатанной в «Правде» на следующий день (первая и часть второй полосы). Финальный прогноз был невесел:

Изменения, происшедшие в Европе в результате больших успехов германского оружия, отнюдь нельзя признать такими, которые уже теперь сулили бы близкую ликвидацию войны. События привели к тому, что одна сторона, особенно Германия, значительно усилилась в результате своих военных успехов, другая же сторона уже не представляет единого целого, причем, если для Англии создались новые большие трудности в продолжении войны, то вышедшая из войны Франция переживает тяжелый кризис после поражения. Усиление одной воюющей стороны и ослабление другой воюющей стороны находят серьезные отражения не только в Европе, но и в других частях мира. ...Империалистические аппетиты растут не только в далекой Японии, но и в Соединенных Штатах Америки, в которой не мало охотников прикрывать свои империалистические планы рекламной «заботой» об интересах всего «Западного полушария», которое эти господа готовы сделать своею собственностью со всеми его многочисленными республиками и колониальными владениями других стран на прилегающих к американскому материковым островам. Все это несет опасность дальнейшего расширения и дальнейшего разжигания войны, с превращением ее во всемирную империалистическую войну.

Соответственными были выводы, которые надлежало сделать всему советскому обществу:

В этих условиях Советский Союз должен проявить усиленную бдительность к делу своей внешней безопасности, к укреплению всех своих внутренних и внешних позиций. Мы провели переход с 7-часового на 8-часовой рабочий день и другие мероприятия, считаясь с тем, что мы обязаны обеспечить дальнейший и еще более мощный подъем оборонной и хозяйственной мощи страны, обеспечить серьезное укрепление дисциплины среди всех трудящихся, усиленно работать над поднятием производительности труда в нашей стране. Мы имеем немалые новые успехи, но мы не собираемся успокоиться на достигнутом. Чтобы обеспечить нужные нам дальнейшие успехи Советского Союза, мы должны всегда помнить слова товарища Сталина о том, что «нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох». (*Продолжительные аплодисменты.*) Если все мы будем помнить об этой святой нашей обязанности, то никакие

события нас не застанут врасплох и мы добьемся новых и еще более славных успехов Советского Союза. *(Бурные, долго не смолкающие овации. Все встают.)*

По Молотову, который здесь опирается на высказывание Сталина, внешняя угроза диктовала необходимость всемерного усиления государственной мощи в экстремальных условиях «мобилизационной готовности», требующей от народа дисциплины и собранной подготовки к весьма возможной большой войне. Алармистский пафос речи Молотова был утвержден предложением А.С. Щербакова, выступившего в качестве депутата Верховного Совета с призывом одобрить выступление главы правительства без обсуждения: не время болтать. Комментируя позднее ситуацию 1940 г. и общее «напряжение», Молотов вспоминал:

Мы же отменили 7-часовой рабочий день за два года до войны! Отменили переход с предприятия на предприятие рабочих в поисках лучших условий, а жили многие очень плохо, искали, где бы получше пожить, а мы отменили⁴.

Применительно к нравственности установка на «мобилизационную готовность» расшифровывалась как особое внимание к положительным качествам советского человека. А.М. Панкратова, один из руководителей сталинской исторической науки, именно так формулировала выводы, к которым подводит сборник речей М.И. Калинина «Вопросы коммунистического воспитания» («Правда», 13 августа, 4-я полоса):

Красной нитью через все эти работы проходит важнейшая мысль о том, что главная задача нашего времени – это воспитание нового человека, гражданина социалистического общества. «У нас создается новый человек социалистического общества, – говорит тов. Калинин. – Этому новому человеку надо прививать самые лучшие человеческие качества».

Намек Панкратовой развернут в редакционной передовице «Коммунистическая мораль и воспитание молодежи» (27 августа):

Мы живем в эпоху борьбы двух миров – капитализма и социализма. Мы заняты стройкой коммунистического здания. Борьба за построение коммунизма идет в сложной международной обстановке, требующей от нас мобилизационной готовности, отказа от излишеств,

суровой дисциплины и большевистской организованности. Стиль нашей жизни должен быть простым и строгим. Все, что мешает великому, историческому делу народа, должно быть выметено из большого советского дома. В борьбе за чистоту в этом доме, за творческий и созидательный труд, за коммунистическую нравственность, которой учат нас Ленин и Сталин, комсомол должен занять подобающее ему большое место.

Где в обществе «мобилизационная готовность», там – «коммунистическая нравственность», «отказ от излишеств» и «суровая дисциплина».

Применительно к искусству актуальные установки, вытекающие из «мобилизационной готовности», конкретизировал М.Б. Храпченко, который, как уже упоминалось, возглавлял своего рода специальное министерство – Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров. В статье «Театр и его репертуар» («Правда», 10 августа, 4-я полоса) чиновник указал:

До последнего времени создавалось огромное количество пьес о шпионах и диверсантах. Замечательные люди нашей страны, творцы новой жизни, совершающие героические дела, были отодвинуты в сторону. С каким-то особым усердием некоторые драматурги изображали мерзость, человеческую подлость.

Новый идеологический проект определил логику казуса Авдеенко. Александр Остапович Авдеенко (1908–1996) – спецкор «Правды», молодой благополучный писатель из рабочих, автор романа о рабочих «Я люблю» (и воспоминаний «Отлучение», опубликованных в годы перестройки, где поведал о своих злключениях) – написал сценарий фильма «Закон жизни» (режиссеры Борис Григорьевич Иванов и Александр Борисович Столпер), который «Правда» еще 12 августа рекламировала как фильм «о любви и дружбе советской молодежи» (последняя полоса). Однако 16 августа уже была опубликована редакционная статья «Фальшивый фильм» (не на 4-й, а на более идеологически значимой 3-й полосе), открывшая самую громкую кампанию 1940 г., связанную с искусством: «Но мораль фильма ложна, и сам фильм является насквозь фальшивым. Если выражаться точно, фильм “Закон жизни” – клевета на нашу студенческую молодежь». «Правда» выговаривала недалновидной газете «Кино», успевшей похвалить фильм (как, впрочем, и «Правда» от 12 августа), и обрисовывала контур актуальной пропагандистской парадигмы:

Среди советской студенческой молодежи авторы «Закона жизни» не сумели найти настоящих, положительных, ярких людей, которыми по праву гордится наша страна. ...Но вот странно, в то время, как враг Огнерубов изображен этаким завлекательным Печоринным, комсорг Сергей Паромов, как и его товарищи, показан в фильме безвольным человеком и частенько недалеким простаком.

Получается: в ситуации «мобилизационной готовности» надлежит не описывать негативное, но сосредоточиться на позитивном, дисциплине и героике. 24 августа «правдинская» статья «Фальшивый фильм: Обсуждение статьи “Правды” в киностудии “Мосфильм”» обзрела – как явствует из подзаголовка – обсуждение «Закона жизни» на той киностудии, которая выпустила этот фильм, ставший «крупным политическим и творческим провалом». Статья, подобно первой – от 16 августа, была редакционной, но печаталась на последней 6-й полосе; выступления большинства сотрудников «Мосфильма» (в частности, режиссера Б.Г. Иванова) оценивались отрицательно – как недостаточно самокритичные, но никакого продолжения не последовало. Вероятно, пропагандистский удар решили нанести не по кинематографу, а по литературе.

9 сентября состоялось совещание о «Законе жизни» в высшей инстанции – в ЦК ВКП(б). Были вызваны как Авдеенко, так и Иванов со Столпером, но разговор шел только об Авдеенко. Причем обо всех его произведениях. Авдеенко вспоминал: «Жданов напомнил присутствующим о статье в “Правде”, затем стал говорить о моих романах и повестях. Он давал им резко отрицательную характеристику»⁵.

Если на Верховном Совете 2 августа из вождей солировал Молотов, то здесь – по вопросу о литературе! – лично Сталин, который, повторяя и развивая тезисы «правдинской» статьи 16 августа, тем подчеркнул ее генерализующее значение. Сталин, потребовав от литературы «правдивости и объективности», пояснил, что это «есть правдивость и объективность, которая служит какому-то классу»⁶. Отсюда вытекал и главный порок творчества Авдеенко:

Не в том дело, что тов. Авдеенко дает врагов в приличном свете, а в том, что победителей, которые разбили врагов, повели страну за собой, он оставляет в стороне, красок у него не хватает. Вот в чем дело. Здесь основная необъективность и неправдивость. ...Откуда взялись Чкаловы, Громовы? Откуда же они взялись, ведь они с неба не падают? Ведь есть среда, которая дает героев. Почему не хватает красок на то, чтобы

показать хороших людей? Почему нет красок на то, чтобы показать плохие черты, не хватает красок на то, чтобы устроить новую жизнь? Почему нет красок на изображение жизни? Потому что он этому не сочувствует⁷.

После совещания в ЦК для Авдеенко началась «жизнь после смерти»⁸: его уволили из «Правды», исключили из Союза писателей, из партии, однако не казнили и не посадили. А Союз писателей, на который пришлось острое пропагандистской атаки, понятно осмыслил ее уроки. На совещании президиума ССП 10 сентября общее настроение эмоционально фиксировал Н.Ф. Погодин (присутствовавший на совещании в ЦК): «Что на меня произвело вчера очень сильное впечатление? То, что все знают, абсолютно все!»⁹ Далее А.А. Фадеев реферировал, что происходило накануне в ЦК, а Л.С. Соболев с замечательной ясностью подытожил идеологические результаты. Во-первых: «...сейчас в истории нашего социалистического государства, в истории нашей культуры настало то время, когда все внимание партии, правительства и всех нас, в частности наше внимание писателей, литераторов, должно быть обращено на вопросы советской морали»¹⁰. И во-вторых: «...вопрос сводится к давнишней, волнующей нас проблеме о показе положительного героя, но в этом свете этот вопрос ставится совсем иначе»¹¹.

Можно считать, что практическим результатом кампании стало хозяйственное наказание ССП: за недостаточно внимательную работу с молодыми писателями Литфонд СССР со всеми учреждениями и подсобными предприятиями и Управление по охране авторских прав были 21 сентября переданы в ведение Комитета по делам искусств, – однако никаких идеологических кар не последовало. Фадеев (после провокационного вопроса А.А. Жарова) специально привлек внимание к тому, что «там ни одного звука, ни одного слова не было сказано о линии президиума» и что писатели, «одинаково мыслящие, могут иметь различное мнение по вопросам формы»¹².

«Литературной газете» поручили – в рамках провинившегося писательского ведомства – «выступить с передовой статьей по делу Авдеенко»¹³. И «Литературная газета» выступила – с передовицей «Важнейшие задачи союза писателей» (15 сентября), где, в том числе, сообщалось, что «исключен из союза, как человек, проводивший в своих произведениях антисоветские взгляды, писатель Авдеенко».

16 и 18 сентября в пропагандистский сюжет вписали – опять же на самом высоком уровне Политбюро – «Метель»: Леонова, как

и Авдеенко, обвиняли в излишнем интересе к темным сторонам жизни; в остальном маститого классика ничто не объединяло с молодым выдвиженцем, кроме партийной интерпретации логики кампании. Интересно, что если 21 сентября Храпченко предстояло получить Литфонд и Управление по авторским правам, то 18 сентября ему грозили снятием с должности, – так что никаких приоритетов никаким ведомствам, связанным с искусством.

30 августа «Правда» в статье «Премьеры Ленинградского театра драмы им. Пушкина» (3-я полоса) квалифицировала «Метель» – вслед за предыдущими рецензиями – как «пьесу о моральной чистоте советского человека и его любви к родине» (слово «чистота», восходящее к докладу Жданова на XVIII съезде, дежурно прилагалось к пьесе Леонова ее апологетами¹⁴). Однако 22 сентября – на уровне писательской периодики – «Литературная газета» поместила статью дежурного театрального критика В. Фоменко «Клеветническая пьеса» (3-я полоса). Как и в статье «Фальшивый фильм», рецензент спорит с непроницательными предшественниками (из «Советского искусства» и «Театра») и прибегает к ключевому термину «клевета»: пьеса Леонова «остаётся злостной клеветой на советскую жизнь, на наше общество, на тот мир, который построили, в котором живут и который любят советские люди». Здесь полезно напомнить, что успех «Метели» ранее питался именно связью с разоблачением «карьеристов» и «клеветников», преследующих честных членов партии.

Аргументы обвинения в «Литературной газете» – также из «Фальшивого фильма»:

В леоновском произведении и оболочка гнилая, и плод червивый. <...> Почему хорошие люди изображены недалекими простачками (точная цитата из «Фальшивого фильма». – М. О.) или мумифицированными полудиотами, а их враги – дальновидными, культурными, решительными и тонко чувствующими сверхчеловеками?

И все-таки: «Литературка» не «Правда», да и писатели в случае Леонова выбирали более осторожные формулы. Так, 16 сентября на одном из внутренних обсуждений случая «Метели» оратор изрек:

Эта пьеса – объективная ошибка Леонова, которая вовсе не вытекает из всего его творчества и вовсе не говорит о том, что Леонов не мог бы иначе разрешить вопросы правды и дружбы, которые он там ставит. Мы все знаем, что Леонов замечательно талантливый пи-

сатель. Я убежден, что если бы вовремя было проведено творческое обсуждение его пьесы, и были бы даны указания, то Леонов не остался бы глухим к этим советам¹⁵.

В коммунистической партии Леонов не состоял, из Союза – в отличие от Авдеенко – исключать его не стали. Что, разумеется, никак не освобождало от тягостных ожиданий, страхов и переживаний.

Кстати, именно кампания «мобилизационной готовности» и «коммунистической нравственности» в литературе, очевидно, позволяет истолковать те испытания, которые во второй половине 1940 г. выпали А.А. Ахматовой. Начинался год – как и в случае Леонова – с надеждой на перемену участи: январь – поэта принимают в Союз писателей, апрель – подборка стихотворений в журнале «Ленинград», май – первый после «Anno Domini MCMXXI» сборник «Из шести книг» подписан в печать и т. п. А 25 сентября Управделами ЦК ВКП(б) сигнализировал запиской Жданову о книге Ахматовой, и Жданов накладывает резолюцию: «Просто позор, когда появляются в свет такие, с позволения сказать, сборники. Как этот Ахматовский “блюд с молитвой во славу божию” мог появиться в свет? Кто его продвинул?»¹⁶ (те же обвинительные пункты Жданова будут затем повторены в 1946 г.). Сборник Ахматовой изъяли из обращения. 27 сентября «Ленинградская правда» поместила передовицу «Активизировать творческую работу писателей»: «Разве не следовало, например, обратить внимание на вышедшую недавно книгу стихов А. Ахматовой, книгу, в которую беспечными редакторами включены и стихи неудачные, проникнутые настроениями упадочничества?».

Итак, изучение «правдинского» текста августа–сентября 1940 г. позволяет предложить объяснение не только конкретной судьбе «Метели» Леонова, но и определить некоторые общие особенности советской периодики: (1) она функционировала как эффективное средство тотальной и изменчиво-гибкой пропаганды; (2) газетные материалы за определенный срок работали как единое целое – которое обязательно к исполнению как теми, кто читает, так и теми, кто якобы «газет не читает»; (3) это позволяет привлекать прессу в качестве незаменимого источника реального комментария к произведениям искусства, и обратно: произведения искусства помогают реконструировать идеологические проекты, даже сокровенные.

- ¹ *Одесский М.П.* А.А. Жданов – Л.М. Леонов – Даниил Хармс: Очерки советской «публичной культуры» (1938–1940 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 4 (13). С. 43–57.
- ² Цит. по: *Прилетин З.* Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Мол. гвардия, 2010. С. 328.
- ³ *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 15.
- ⁴ Там же. С. 36.
- ⁵ *Авдеенко А.* Отлучение // Знамя. 1989. № 4. С. 99.
- ⁶ *Сталин И.В.* Неправленая стенограмма выступления на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» 9 сентября 1940 года // Сталин И.В. Соч.: В 18 т. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 199.
- ⁷ Там же. С. 200, 203.
- ⁸ *Авдеенко А.* Указ. соч. С. 109.
- ⁹ Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии / Отв. сост. З.К. Водопьянова. М.: Росспэн, 2010. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г. С. 925.
- ¹⁰ Там же. С. 924.
- ¹¹ Там же. С. 925.
- ¹² Там же. С. 923.
- ¹³ Там же. С. 928.
- ¹⁴ *Одесский М.П.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁵ Между молотом и наковальней... С. 936.
- ¹⁶ Там же. С. 945.

М.Н. Байкина

Социально-политический контекст
фельетона М.Е. Кольцова «Устарелая жена» (1927)

В статье выявляется и описывается социально-политический контекст фельетона М.Е. Кольцова «Устарелая жена», появившегося на страницах газеты «Правда». Фельетон был опубликован в 1927 г., в разгар партийной борьбы, и был посвящен бытовой проблеме. Автор анализирует возможные причины появления этой публикации и приходит к выводу, что несмотря на бытовое содержание, фельетон Кольцова был антитроцкистским текстом, связанным с «дискуссией о порнографической литературе».

Ключевые слова: М.Е. Кольцов, Ф.А. Стругов, «Правда», Л.Д. Троцкий, «дискуссия о порнографической литературе».

Советская журналистика 1920–1930-х гг. – одна из наименее изученных страниц истории отечественной печати. Дело не только в том, что многие советские журналисты были репрессированы и расстреляны. Политический контекст появления того и иного материала на страницах той или иной газеты весьма трудно восстановим, а без понимания этого контекста материал этот «закрыт» для исследователей. Среди «трудных» журналистских текстов этого периода и тексты знаменитого журналиста М.Е. Кольцова. Один из наиболее ярких примеров такой «закрытости» – фельетон Кольцова «Устарелая жена», опубликованный в газете «Правда» 10 августа 1927 г.

Август 1927 г. – время острой партийной борьбы. И.В. Сталин боролся за власть над страной и партией с давним врагом – Л.Д. Троцким и вставшими на сторону Троцкого Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым. С 29 июля по 9 августа проходил «объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б)», в повестке дня которого

был вопрос о «нарушении партийной дисциплины» Троцким и Зиновьевым.

8 августа партийная оппозиция выступила с заявлением, призванным вернуть мир в партию. На следующий день Сталин произнес речь, в которой, еще высказываясь о Троцком осторожно, уже предупреждает партию о том, как опасна оппозиция для единства партии и дела обороны страны. Партийное большинство было на стороне генерального секретаря.

Соответственно просталинская «Правда» посвятила номер от 10 августа обсуждению итогов пленума. Кроме того, в номере есть статьи и о «международном положении» – о котором на пленуме тоже много говорилось. Фельетон М.Е. Кольцова «Устарелая жена» резко выделялся среди публикаций этого номера¹.

Фельетон посвящен совершенно, на первый взгляд, посторонней теме, не связанной с партийной борьбой и зарубежными событиями. В основе сюжета лежит история Федора Стружкина, слушателя Военной академии, старого большевика, прошедшего царскую ссылку, Первую мировую и Гражданскую войну. Жена Стружкина, с которой он познакомился еще в ссылке, помогала ему во всем, помогла выздороветь после тяжелой болезни. В итоге Стружкин поступил с ней несправедливо: отправил в деревню «отдыхать», а сам начал жить с молодой девушкой. Естественно, Стружкин в фельетоне осуждается.

Возникает закономерный вопрос: почему партиец, видный журналист и один из ведущих фельетонистов «Правды», в самый разгар и международной и партийной борьбы вдруг пишет фельетон на бытовую тему? И почему такая публикация появилась именно в этом номере «Правды», посвященном итогам пленума?

Для того чтобы установить место фельетона в политической борьбе 1927 г., стоит прежде всего обратиться к его главному герою. В фондах Российского государственного военного архива фамилию Федора Стружкина обнаружить не удалось. Однако удалось установить, что по партийной переписи 1926 г. в Военной академии числилось чуть менее 500 членов партии². Среди них фигурировал слушатель Филипп Андреевич Стругов. Его биография в целом похожа на биографию героя фельетона³.

Стругов родился 8 января 1891 г. в городе Красноуфимске, закончил городское училище Уфы в 1905 г., после этого ездил учиться в Пермь. Весной 1908 г. Стругов вступил в партию меньшевиков. В конце того же года он уехал работать учителем на Михайловский завод Красноуфимского уезда и здесь вел активную партийную работу вместе с эсерами.

Около 1910 г. он подвергнулся административной ссылке. Также, как многие его товарищи и рабочие завода, был среди административно сосланных, жил в деревне. С началом Первой мировой войны был мобилизован, служил в 51-м стрелковом полку. После Февральской революции Стругов разошелся с меньшевиками – поскольку они демонстрировали «полную нетерпимость по отношению к идейному противнику – большевикам» и в то же время «братались с... буржуазными партиями»⁴. 17 апреля 1917 г. Стругов стал большевиком.

Октябрьскую революцию он встретил на фронте, в начале 1918 г. вернулся в Красноуфимск. 13 сентября Стругов добровольно вступил в ряды Красной армии. На 8 октября он значится командиром батальона связи при 4-й Уральской дивизии⁵.

До конца 1921 г. Стругов воевал – с Колчаком и Семеновым. С начала января 1922 г. он командовал семипалатинскими Частями особого назначения – военной милицией Красной армии. В этой должности Стругов прослужил до августа 1923 г., когда был направлен на учебу в Военную академию. На момент заполнения личной карточки 1923 г. он был женат. Легко предположить, что где-то в промежутке между 1923 и 1927 гг. Стругов сильно заболел, так как иначе не объяснить его как минимум 5-летнее обучение в академии – при том, что учились в академии 3 года.

Партийный билет Филиппа Стругова был погашен в 1935 г., поскольку он умер. О его взглядах конца 1920-х гг. ничего не известно. Но с большой долей уверенности можно предположить, что он был сторонником Троцкого: критика преданного сталиниста на страницах «Правды» была в тот период просто невозможной.

* * *

Кроме того, фельетон Кольцова вполне вписывался в известную «дискуссию о порнографической литературе», начавшуюся в 1926 г.

19 ноября 1926 г. был принят, а спустя полтора месяца вступил в силу новый Семейный кодекс. Он был призван, в частности, остановить распад института брака: согласно предыдущему кодексу, брак разрушался как «пережиток прошлого». На фоне общественного обсуждения нового Кодекса тема половых и семейных отношений поднималась в литературе, а за ней и в прессе.

Разрушение традиционных семейных ценностей просталинская пресса связывала с «военным коммунизмом», идеологом которого считался именно Троцкий⁶. Соответственно троцкистов обвиняли в половой распущенности, в развращении молодежи

и т. п. «Дискуссия о порнографической литературе» была призвана заклеить писателей, подозревавшихся в «левом уклоне» и симпатиях к Троцкому⁷.

Фельетон Кольцова «Устарелая жена» вполне соответствует именно этому направлению борьбы Сталина против Троцкого. На первый взгляд, случайно попавший на страницы номера, полностью посвященного политической борьбе, этот фельетон служит тем же целям, что и весь номер. Бытовая история о неверном муже-троцкисте, который бросил жену, предпочтя ей молодую девушку, была, по-видимому, призвана еще раз подчеркнуть: Троцкий и его сторонники разрушают не только партию, но и семью.

Примечания

- ¹ Мих. Кольцов [Кольцов М.Е.] Устарелая жена // Правда. 1927. 10 авг.
- ² Партийная переписка 1926 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 24696. Оп. 1. Д. 1. С. 5.
- ³ Автобиография [Ф.А. Стругова] // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 100. Д. 3612. С. 4.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Автобиография [Ф.А. Стругова] // РГВА. Ф. 1346. Оп. 2. Д. 733. С. 5.
- ⁶ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Москва Ильфа и Петрова («Двенадцать стульев») // Лотмановский сборник. М.: ОГИ; РГГУ, 1997. Т. 2. С. 754.
- ⁷ Кочеткова Н.Е. Дискуссия о «порнографической литературе» в журналистике 1920-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004.

Д.О. Пащенко

Критическая рецепция
поэзии В.Т. Шаламова в советской прессе
конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Автор статьи рассматривает советские рецензии на стихотворения В.Т. Шаламова, опубликованные в конце 1950 – начале 1960-х гг. Анализируя эти источники в культурно-политическом контексте указанного периода, исследователь приходит к выводу, что характер рецепции определялся преимущественно политическими условиями.

Ключевые слова: В.Т. Шаламов, Л.А. Левицкий, «Советский писатель», критическая рецепция, литературная критика.

С точки зрения современного читателя, место В.Т. Шаламова в литературе однозначно и несомненно: большинству он знаком исключительно как создатель известнейшего образца лагерной прозы – «Колымских рассказов». О поэтических же произведениях Шаламова знают довольно немногие.

Однако в СССР ситуация была обратной. В конце 1950-х гг. на страницах журналов стали появляться стихи Шаламова¹, а в первой половине 1960-х гг. издательством «Советский писатель» было выпущено два его поэтических сборника². Редкий читатель мог тогда предположить, что в эпоху перестройки писательское амплу Шаламова кардинально изменится. О существовании неких не опубликованных в СССР «Колымских рассказов» можно было догадаться, лишь прочитав письмо Шаламова в «Литературной газете» от 23 февраля 1972 г., где автор выражал протест против публикации этих рассказов в эмигрантской прессе. Их тематика и проблематика, конечно, не раскрывались³.

Поэзия Шаламова привлекла внимание литературных критиков. Но их рецензии почему-то до сих пор не привлекают внимания

современных исследователей. Цель настоящей статьи – восполнить эту лакуну.

* * *

Известно, что Шаламов провел в заключении около 17 лет. Он был осужден на три года в 1929 г., повторно арестован в 1937 г., и срок неоднократно увеличивался⁴. В 1956 г. Шаламов был реабилитирован и получил разрешение вернуться в Москву, где он решил возобновить профессиональные занятия литературой (еще в 1930-х гг. он работал журналистом и публиковал свою прозу⁵). Вскоре писателю это удалось: уже в майском номере «Знамени» за 1957 г. была напечатана подборка его стихотворений «Стихи о Севере»⁶. Посвящены они были преимущественно описанию природы – об обстоятельствах, при которых Шаламов с северными красотами познакомился, там не сообщалось. Спустя три месяца на страницах «Литературной газеты» появился первый отзыв о них⁷. Он был написан поэтом Ф.П. Фоломиным. Оценка критика была положительной. Единственным недостатком он счел то обстоятельство, что мир лирического героя «мал и тесен». Природа полностью овладела его сознанием, не оставив ни строчки для описания людей, их тяжелого труда в тайге.

Намерения Фоломина не вполне ясны, потому как неизвестна степень его осведомленности в биографии Шаламова. Можно предположить, что критик сознательно игнорирует трагические события в жизни поэта, как бы выносит за скобки его лагерный опыт и ждет от бывшего заключенного не только описания природы, но и лицемерного восхваления труда тех, кто в том или ином качестве работал на Колыме. Впрочем, можно предположить и то, что Фоломин вовсе не догадывался, как Шаламов оказался на Севере. Но есть и третий вариант: быть может, рецензент был знаком с историей Шаламова и, высказывая формальный упрек, намекал автору на то, что догадывается о происхождении его стихотворений. Однако такого рода намек был бы понятен только автору и осведомленным критикам, но не читателю.

В 1961 г. в издательстве «Советский писатель» вышел первый поэтический сборник Шаламова, получивший название «Огниво»⁸. На небольшую книгу стихов обратили внимание несколько критиков.

Положительно отреагировали на сборник поэт Б.А. Слуцкий⁹ и литературный секретарь К.Г. Паустовского Л.А. Левицкий. Оба были возмущены несправедливо малым тиражом и отсутствием должного внимания критики к произведениям поэта. Однако у рецензии Левицкого есть важное отличие: он первым дал читателю

ясно понять, что Шаламов – знаток северных широт – трудился в тех краях вовсе не в качестве геолога. В отличие от Фоломина, слова которого можно интерпретировать по-разному, Левицкий заявляет прямо: «Горько, что почти двадцать лет Варлам Тихонович Шаламов был насильственно оторван от литературной работы»¹⁰. Разумеется, Левицкий не уточнял, каким именно образом Шаламов был оторван от творчества, однако его намек весьма прозрачен.

Следующая рецензия на «Огниво» появилась в апреле 1964 г. в журнале «Знамя». Ее автор, писатель В.А. Приходько, пришел к такому заключению: «Пейзажная лирика приоткрывает нам характеры людей – старожилов Севера: старателей, каюров, картографов, сборщиков лекарственных трав. За стихами Варлама Шаламова стоит многообразная жизнь сурового северного края...»¹¹. Замечание, касающееся «многообразной жизни» Севера, весьма любопытно. Дело в том, что критик состоял с автором в переписке¹², поэтому, вероятно, знал, что именно привело Шаламова на Север. Однако упоминаний об этом в рецензии не было.

В том же 1962 г. советские читатели смогли ознакомиться с рецензией критика П. Володина. Финальная строка его отзыва с позиции современного читателя могла бы показаться злой иронией: «Стихи Варлама Шаламова делают близким далекий и прекрасный уголок нашей земли»¹³. Вряд ли сам Шаламов пожелал бы, чтобы «прекрасный уголок» стал ближе к советскому читателю. Что же касается критика, он либо игнорировал сведения об источнике литературного материала, либо позволил себе саркастическое заявление. Ведь, как мы видели, в 1961 г. Левицкий мог открыто заявить, что Шаламов был «насильственно оторван от литературной работы». Видимо, информация об авторе распространялась среди критиков.

В начале 1964 г. вышел второй поэтический сборник Шаламова – «Шелест листьев». Первой о книге написала поэтесса В.М. Инбер¹⁴. Более всего ее внимание привлекло стихотворение «Виктору Гюго»: прочитав строки о том, как лирический герой произведения «смотрел “Эрнани” в снежной Вологде», поэтесса вспомнила «злую участь поэта», которая и привела его, как она решила, в ту самую «снежную Вологду».

Замечание это интересно по двум причинам. Во-первых, Инбер допускает явную фактографическую ошибку. В «снежной Вологде» Шаламов родился, а не находился в заключении. Поэтому речь в стихотворении идет о теплых детских воспоминаниях, а не об ужасах лагеря. Эту неточность статьи отмечал и сам Шаламов в письме к Я.Д. Гродзенскому¹⁵. Во-вторых, важно, что критик

ассоциирует упоминание о северном городе с тем фактом, что на Север Шаламова привел злой рок. О том же, что Шаламов и родился на Севере, критик или не помнит, или не знает, т. е. к моменту появления этой статьи в памяти Инбер имя Шаламова уже было связано с лагерной темой.

Следующая статья, так же посвященная второму шаламовскому сборнику, стала, пожалуй, наиболее откровенной из всех рецензий 1950–1960-х гг. Ее автором снова выступил Л.А. Левицкий, который теперь не намекает, но прямо говорит: «Арестованный по клеветническому доносу в 1937 году, он провел долгое время в лагере и ссылке»¹⁶.

Тот факт, что сказано это было именно в «Новом мире» в 1964 г., вряд ли был случайностью. Всем хорошо известно знаковое литературное событие, произошедшее двумя годами ранее: на страницах журнала была напечатана повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Видимо, до Солженицына высказывания о том, что Шаламов также находился в заключении, могли быть слишком рискованны, причем не только для критика, но и для самого поэта Шаламова.

На этом открытые упоминания о лагерном опыте Шаламова заканчиваются. В последующих «доперестроечных» рецензиях о лагерном прошлом Шаламова не говорилось¹⁷. Когда же табу на такие заявления было снято, изменилась не только официальная биография Шаламова, но и его литературный статус: из советского поэта он превратился в прозаика-нонконформиста.

Примечания

- ¹ См., например: *Шаламов В.Т.* Стихи о Севере // *Знамя*. 1957. № 5. С. 117–119; *Он же*. Ода ковриге хлеба; Шесть часов утра; Ветер в бухте; Сосны срубленные; Память // Москва. 1958. № 3. С. 133–134.
- ² *Шаламов В.Т.* Огниво. М.: Советский писатель, 1961; *Он же*. Шелест листьев. М.: Сов. писатель, 1964.
- ³ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю.Г., Пащенко Д.О.* Протестное письмо в литературной газете как форма управления советским литературным процессом // *Вестник РГУ*. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8 (17). С. 9–21.
- ⁴ *Еситов В.В.* Шаламов. М.: Мол. гвардия, 2012. С. 340–341.
- ⁵ См., например: *Шаламов В.Т.* Ганс // Ленинградская правда. 1935. 24 дек. С. 4; *Он же*. Три смерти доктора Аустино // Октябрь. 1936. № 1. С. 127–129.
- ⁶ *Шаламов В.Т.* Стихи о Севере // *Знамя*. 1957. № 5. С. 117–119.

- ⁷ *Фоломин Ф.П.* Голоса природы // Литературная газета. 1957. 3 авг.
- ⁸ *Шаламов В.Т.* Огниво. М.: Сов. писатель, 1961.
- ⁹ *Слуцкий Б.А.* Огниво высекает огонь // Литературная газета. 1961. 5 окт.
- ¹⁰ *Левицкий Л.А.* Рец. на кн.: *Шаламов В.Т.* Огниво. М.: Сов. писатель, 1961 // Новый мир. 1961. № 12. С. 239.
- ¹¹ *Приходько В.А.* Характер мужественный и цельный // Знамя. 1962. № 4. С. 221.
- ¹² *Приходько В.А.* Варлам Шаламов: пророк, а не мастер // Московская правда. 2001. 14 сент.
- ¹³ *Володин П.* Обновление // В мире книг. 1962. № 7. С. 33.
- ¹⁴ *Инбер В.М.* Вторая встреча с поэтом // Литературная газета. 1964. 23 июня.
- ¹⁵ См.: *В.Т. Шаламов Я.Д. Гродзенскому 2 июля 1964 г.* // Гродзенский С.Я. Воспоминания об Александре Солженицыне и Варламе Шаламове. М.: Проспект, 2016. С. 97.
- ¹⁶ *Левицкий Л.А.* Судьба, не ремесло... // Новый мир. 1964. № 8. С. 261.
- ¹⁷ См., например: *Нагаев Д.* В поэтическом измерении // Литературная газета. 1965. 18 дек.; *Красухин Г.Г.* Человек и природа // Сибирские огни. 1969. № 1. С. 181–183; *Ростовцева И.И.* Стиха невозмутима мера // Москва. 1973. № 9. С. 218–219.

Проблемы теории журналистики

Н.Я. Макарова

Медиаобразование и медиaprостранство России: опыт и перспективы взаимодействия с работодателем

В статье анализируется опыт взаимодействия российских факультетов журналистики и работодателей. Сегодня образовательные стандарты и рынок труда требуют такого сотрудничества. Принципы, динамика и качество сотрудничества в столичных и региональных университетах существенно отличаются. Разный уровень заинтересованности и конкуренции определяют уровень вовлеченности работодателя в образовательный процесс. К числу традиционных форм взаимодействия с работодателем относят разработку образовательных программ, проведение фестивалей, форумов, мастер-классов. Подробнее анализируется опыт факультета журналистики РГГУ в контексте совместной работы с представителями рынка труда. Перспективными и актуальными формами сотрудничества являются экскурсии в редакции СМИ, преподавание действующих журналистов, проведение занятий в редакции медиакомпаний, проведение мастер-классов, организация производственной практики. Эффективность форм взаимодействия факультета журналистики РГГУ подтверждается рядом объективных факторов. Во-первых, устойчивый интерес и постоянный рост заявлений абитуриентов в каждую приемную кампанию. Во-вторых, востребованность выпускников факультета. Свыше 90% выпускников работают по специальности. В-третьих, данные опросов выпускников.

Ключевые слова: профессиональное медиаобразование, современные СМИ, журналистское образование, профессиональная идентичность.

Современные медиа – не просто инструменты, предоставляющие людям актуальную информацию о тех или иных событиях. Даже устойчивое словосочетание «четвертая власть» не характеризует в полной мере то влияние, которое они оказывают

на информационное сообщество. Обилие информации сегодня – мощная ловушка для любого человека. Чем больше точек зрения – тем сложнее отобрать из них ключевую, ту, что объективна.

Но любой медиаконтент не возникает сам по себе. Проводником его на страницы изданий, экраны телевизоров и гаджетов является журналист, который видит своей целью изложить последние новости, а иногда и свои собственные мысли о тех или иных событиях. Журналистский текст посредством использования профессиональных инструментов становится специфическим продуктом творчества, отличающимся своими закономерностями построения, стилем, единством, идеей, которую он несет. Медиаконтент отражает личность человека, ее написавшего. И от индивидуального осознания журналиста, от уровня его этических норм и от степени его профессиональной компетентности зависит то, какие мысли и идеи, в конце концов, будут транслироваться его согражданам и за пределы его родного государства.

Ключевое звено любого СМИ – это люди, его создающие, а значит – профессионалы своего дела, «кадры», которые воспитываются на протяжении многих лет. Влияет на это воспитание большое количество факторов: начиная от воспитания в семье и заканчивая возможностями совершенствования своих профессиональных навыков. Очевидно, что образование, литературная и социокультурная среда, создаваемая вузом, оказывает серьезное влияние на будущего журналиста. Но в ходе становления журналиста нельзя формировать компетенции только в теоретическом аспекте. Современное профессиональное медиаобразование необходимо основывать на практико-ориентированном подходе.

К сожалению, часто употребляемая еще с советских времен фраза, адресованная молодым специалистам, которые пришли на первое место работы: «Забудьте все, чему вас учили в вузе, мы будем учить вас заново», – и сегодня звучит регулярно. Это отражает проблему разрыва между тем, какие навыки получает студент в процессе обучения, и теми профессиональными качествами, которые на самом деле ожидают от него работодатели.

Все сказанное указывает на объективную необходимость совершенствования методов взаимодействия работодателей и вузов с целью создания комплексной практической среды, благодаря которой будущий журналист сможет закрепить теоретические знания и научиться исследовать занимающие его темы с целью дальнейшего их изложения в своих материалах.

Но в сфере журналистики проблема взаимодействия работодателя и вузов как образовательной среды лежит еще глубже.

В настоящее время напряженная политическая ситуация в мире обуславливает особую важность развития критического мышления журналистов, их личностных качеств, их желания пролить свет на спорные ситуации (или, наоборот, сильнее запутать читателя и вызвать резонанс ради собственной славы)¹.

Представляется важным проведение анализа образовательных программ и возможностей воздействия работодателей на качество профессионального медиаобразования, на его содержание и уровень овладения им студентов. Будучи составляющей профессионального образования, подготовка журналистов в России, по мнению ряда специалистов (И.А. Фатева, Т.А. Ширяева, Д.А. Мурзин), не стала типичным элементом данной социально-педагогической системы, поскольку не обладает достаточно высокой степенью профессионализации, то есть адекватности целям подготовки работников для определенной области труда².

Саму по себе программу образования журналиста построить не так просто. Исторически она возникла в МГУ имени М.В. Ломоносова как специализация на филологическом факультете. И нельзя отрицать, что знания и навыки, полученные на филологическом факультете, в значительной степени соответствуют требованиям к сотруднику современных медиа и что гуманитарные знания являются надежной базой для профессионального журналиста³.

Но основная идея, заложенная в модели подготовки журналиста в 1950-е гг., устарела. Сегодня многие говорят о том, что журналистика – вообще не профессия, что нужно готовить некоего универсального медиаспециалиста. Другие же высказываются о необходимости узкой специализации. И это закономерно, ведь в мире происходят глобальные изменения, которые не могут не коснуться редакционных процессов.

Журналистская профессия как в начале XX в., так и в XXI в. находится в процессе поиска оптимальной модели образования: сбалансированный подход к процессу обучения поможет журналистам становиться более значимыми и нужными для общества⁴.

Среди позитивных тенденций стоит отметить тот факт, что в России больше внимания стало уделяться технологии журналистской работы, причем по разным специализациям. Новым явлением современной системы образования стала ранняя профессионализация студентов. Теперь они нередко начинают работать в редакциях уже во время учебы. Таким образом, производственные практики меняют свое направление и формы организации, становятся, по сути, непрерывными. Расширилась возможность для приема в магистратуру специалистов, получивших другое высшее образование.

При создании полноценной образовательной программы для журналистов необходимо учитывать, что она не должна состоять только из теории. Например, не умаляя ценности изучения информационных технологий и осознавая, что современные СМИ – это в основном информационные технологии, им не следует посвящать слишком много дисциплин.

Чтобы адекватно решить проблему подготовки профессионалов, непосредственным участникам медиарынка стоит активнее участвовать в образовательном процессе. Сама сфера поможет четко сформулировать запросы, определить, каким будет процесс подготовки студентов для конкретных позиций, востребованных сейчас и в ближайшей перспективе⁵.

Самый распространенный способ взаимодействия с работодателем – проведение учебно-ознакомительной, производственной и преддипломной практики. Однако не только практика функционирует как инструмент взаимодействия работодателя и вуза: среди других можно отметить организацию подготовительных курсов, участие в деятельности Союза журналистов, привлечение к преподаванию участников медиарынка, программу стажировки вне программы практики, стипендиальные программы для талантливых студентов, организацию совместных образовательных площадок (форумов, лагерей и т. п.).

Подходы к взаимодействию в столичных и региональных вузах прямо противоположные. Если в столичных СМИ из-за обилия студентов и кадров инициатором общения с работодателями является вуз, то в регионах ситуация иная: региональные СМИ заинтересованы в достойных «кадрах» и сами являются инициаторами привлечения студентов.

К примеру, активное сотрудничество с региональными СМИ сегодня развивает факультет журналистики Белгородского государственного университета. Факультет имеет договоры о творческом сотрудничестве с организациями-работодателями: ГТРК «Белгород», «Издательским домом «Мир Белогорья»», холдингом «Белгород-Медиа». Студенты журфака участвуют в подготовке молодежных передач, успешно сотрудничая с ТРК «Мир Белогорья». К проведению занятий привлекаются преподаватели из числа опытных журналистов-практиков. Так, в подготовке будущих тележурналистов принимают участие генеральный директор АНО «Издательский дом «Мир Белогорья» О.Л. Шевцов, редактор детского журнала «Большая переменка» Е.М. Талалаева, корреспондент АНО «Издательский дом «Мир Белогорья» Алексей Севриков, корреспондент сетевого издания

Fonar.tv Михаил Пригара, генеральный директор ООО «Инфо-Бел» Алексей Бородин⁶.

Подобную ситуацию можно наблюдать и на факультете журналистики Казанского федерального университета (КФУ). Факультет журналистики активно взаимодействует с ГТРК «Татарстан», телеканалом «Казань 24», журналами «Казань», «Идель», республиканским агентством по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» и другими. Подобная ситуация, когда работодатели являются инициаторами сотрудничества с факультетами журналистики, типична для регионов.

В столичных университетах ситуация иная. Работодатели, с одной стороны, сетуют на уровень подготовки молодых специалистов, а с другой стороны, далеко не все готовы открыть свои двери для студентов. Особенно это относится к ведущим медиахолдингам. Несмотря на внушительный штатный состав, они не хотят заниматься с практикантами, которые еще мало что умеют и которым мало что можно доверить. Стажеры, практиканты часто воспринимаются просто как обуза. Далеко не все студенты, оказавшиеся на практике в ведущих СМИ, выполняют большие объемы журналистской работы. В конечном итоге проигрывают все: и вузы, и работодатели.

Вместе с тем определенные достижения у столичных университетов есть. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ) сотрудничает с информационными агентствами «Интерфакс», «Reuters», студенты проходят стажировки на телеканалах «ТВ Центр», НТВ и других.

При подготовке в ВШЭ собственного бакалаврского образовательного стандарта по направлению подготовки «Журналистика» руководство университета приняло решение о сохранении мощного фундамента историко-филологических дисциплин. Помимо этого, в стандарт включены иностранные языки, экономические дисциплины (это неотъемлемая часть обучения на всех факультетах ВШЭ), а также дисциплины, направленные на подготовку делового и политического журналиста⁷. Такая методика преподавания иллюстрирует одно из конкурентных преимуществ ВШЭ – подготовку мультимедийных журналистов.

Что касается привлечения к преподаванию в вузах медиаменеджеров, первых лиц издательских домов, телеканалов и т. п., данный опыт видится перспективной возможностью в деле повышения качества журналистского образования, однако существует проблема нехватки времени у такого рода лиц, ведь чтобы окунуться в педагогический процесс, нужно отвлекаться от своих дел и серьезно изучить программу вуза.

Однако, по словам Е.Л. Вартановой, декана факультета журналистики МГУ, иногда бывают исключения и удается вписать преподавание в плотный график приглашенного специалиста: в МГУ таким удачным примером стал В.М. Шкулев, президент компании «Hearst Shkulev Media». Его лекции на факультете выстроены так, чтобы на конкретном примере показать структуру и принципы работы издательского дома. Данная практика важна тем, что по ее итогам издательство может привлекать талантливых студентов на первом этапе и далее формировать из них нужных для себя специалистов⁸.

Еще одним российским вузом, активно вовлекающим работодателей в образовательный процесс, сегодня стал Санкт-Петербургский государственный университет. Вуз сотрудничает с представителями профессионального сообщества, чтобы получить объективную оценку качества обучения и понять, как изменить образовательные программы для достижения лучших результатов, а также определить, где образовательные программы требуют корректировки. В СПбГУ работодатели участвуют в работе на этапах формирования портфеля образовательных программ, разработки и организации профориентационной работы, и вуз старается побудить их к долгосрочному сотрудничеству. В качестве примера взаимодействия СПбГУ с профессиональным журналистским сообществом можно привести образовательную программу «Журналистика», в Совет которой в марте 2016 г. вошли генеральный директор редакции «Российской газеты» Павел Негоица и генеральный продюсер радиостанций «Коммерсантъ FM» и «Вести FM» Анатолий Кузичев⁹.

Такая форма взаимодействия позволяет работодателям не просто озвучить свою точку зрения, но и повлиять на содержание программ, актуализировать их, подсказывая преподавателям и ученым, чему современное бизнес-сообщество уделяет особое внимание. При участии ведущих экспертов медиасферы был разработан ряд новых образовательных профилей: «Медиапродюсирование», «Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа», «Коммуникативный консалтинг», «Стратегические коммуникации в бизнесе и политике» и другие.

Рассмотрим подробнее основные формы взаимодействия с профессиональной медиасредой, которые практикуются на факультете журналистики РГГУ.

1. Экскурсии в редакции СМИ.

На младших курсах организуются экскурсии в редакции различных типов СМИ. Экскурсии дают возможность получить начальные представления о структуре редакции, функциональных

обязанностях сотрудников, специфике работы того или иного СМИ. Для студентов проводятся экскурсии в редакции «Московского комсомольца», «России 1», «Эха Москвы», НТВ, «360°. Подмосковье», «Комсомольской правды».

2. Преподаватели – действующие журналисты.

Специалисты-практики на семинарах и практических занятиях активно используют метод кейсов. Содержанием кейсов становятся актуальные ситуации, а не устаревшие примеры из учебников. Преподаватели привлекают свои собственные примеры или актуальные примеры из практики коллег-журналистов. Одним из преимуществ такого подхода к формированию содержания кейсов стала возможность развития профессиональной саморефлексии. Студент, будучи свидетелем освещения того или иного события, может соотнести свои оценки и суждения с авторитетным экспертным мнением.

3. Проведение занятий в редакции медиакомпаний.

Такой вид учебной работы предусмотрен в программе курсов «Техника и технология СМИ», «Специфика деятельности журналиста на информационном канале», «Репортаж на ТВ», «Ведение ток-шоу» и др. Выездные занятия практикуются со студентами старших курсов, когда ими уже изучены дисциплины, формирующие базовые представления о журналистике. Таким образом, происходит выведение теоретических представлений о профессиональной деятельности на практический уровень. Находясь в редакции, студенты не только видят реальный процесс производства контента, но и принимают участие в его подготовке. Например, курс «Специфика деятельности журналиста на информационном канале», который ведет И.В. Филина, заместитель генерального директора медиахолдинга ВГТРК, полностью проходит в редакции телеканалов «Россия 1» и «Россия 24». В ходе его изучения у студентов формируется четкое представление о деятельности редактора, корреспондента, продюсера, ведущего, режиссера на информационном канале, умение самостоятельно ориентироваться в информационном потоке, способность выделять главные новости, оперативно готовить материал. Все задания, которые должны выполнить студенты, направлены на отработку практических навыков, которые необходимы в работе современной информационной редакции: исследование новостного ресурса с обсуждением последних событий; написание текста к сюжету новостного выпуска; составление верстки новостного выпуска; подготовка вопросов к интервью; составление сценария новостной программы, включая выбор экспертов для комментирования. Выездные занятия позво-

ляют студентам беспрепятственно начинать профессиональную деятельность. Даже у неработающих студентов отсутствует барьер при переходе от теории к практике – переходе из студенческой аудитории в редакции СМИ. Участие в работе редакций способствует формированию профессиональной идентичности студента. Включенное наблюдение и работа в редакции позволяет соотнести свои профессиональные интересы и реальную журналистскую практику, дает возможность студентам понять, чем они хотят или не хотят заниматься в дальнейшем. Таким образом, выбор профессиональной траектории осуществляется более осмысленно и мотивированно.

4. Проведение мастер-классов.

Безусловно, мастер-классы – популярная и распространенная форма работы с будущими журналистами. Появления «гуру» журналистики всегда вызывает неподдельный интерес у молодого поколения. В образовательной программе систему мастер-классов обеспечивает дисциплина «Журналистика глазами журналиста». Это позволяет организовывать мастер-классы систематически и регулярно. Журналисты делятся секретами мастерства, предлагают свое видение развития медиасистемы в России, отвечают на вопросы слушателей. Мастер-классы часто сопровождаются демонстрацией видеофрагментов из работ гостей. Журналисты комментируют и анализируют свои произведения, уделяя особое значение соблюдению журналистской этики.

5. Организация производственной практики.

В образовательной программе практика предусмотрена с первого курса. Общее количество зачетных единиц, предусмотренных для практики, составляет 21. Все практики являются концентрированными и проводятся в конце каждого учебного года. На первом курсе студенты проходят учебно-ознакомительную практику, а со второго по четвертый – производственную. На практику студенты направляются в рамках договоров с редакциями СМИ или по индивидуальным запросам организаций. Мы являемся сторонниками направления студентов на практику именно в соответствии с договорами, что обеспечивает качественную работу практикантов и тесное взаимодействие с руководителем практики в СМИ.

Помимо стратегической задачи – закрепление теоретических знаний и применение их в журналистской деятельности – производственная практика решает ряд важных задач. Во-первых, способствует личностному самоопределению, что формирует профессиональную идентичность. В ходе выполнения заданий студент анализирует свои первые достижения и неудачи, осуществляет

профессиональную рефлексию. Во-вторых, практика для многих студентов становится прекрасным стартом их профессиональной деятельности. Многие работодатели предлагают штатную или внештатную работу студентам, которые хорошо себя зарекомендовали и проявили в ходе практики. По итогам прохождения практики в адрес факультета поступают благодарственные письма, подтверждающие высокий уровень сформированности компетенций у студентов.

Стоит заметить, что все же удачных примеров долгосрочного участия работодателей в образовательных процессах в России не так много. Крупные СМИ склонны самостоятельно на своей базе организовывать коммерческие программы повышения квалификации («Школа Первого канала», Академия «Коммерсантъ»). Существует и еще одна проблема: многие работодатели охотно берут студентов, старающихся закрепиться на хорошем месте, выплачивают им маленькую зарплату, а по окончании ими вуза просто избавляются от таких сотрудников.

Для того чтобы студенты не сталкивались с подобными ситуациями или хотя бы были осведомлены о том, на что могут рассчитывать, необходимо информирование студентов об уровнях зарплаты при условии выбора той или иной специальности. Например, в МГУ, РГГУ проводятся ярмарки вакансий, где выпускники могут оценить спектр предложений на рынке труда и соизмерить свои возможности.

Полезным форумом журналистского направления обещает стать сегодня молодежный форум «Таврида», организованный правительством РФ в 2016 г. Участниками «Тавриды» этого года были министр иностранных дел Сергей Лавров, журналист и общественный деятель Владимир Соловьев и специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой.

Цель форума – развитие компетенции посредством дополнительного образования, организация научных и образовательных конференций, содействие профориентации участников, организация встреч с экспертами. На форуме работало несколько тематических площадок, в том числе предпринимательский блок, участие в котором приняли более 300 бизнесменов. Подобные инициативы при условии регулярного проведения могут внести существенный вклад в адаптацию молодых специалистов и подготовку к началу профессиональной деятельности.

Таким образом, в качестве немногих примеров непосредственно привлечения СМИ к корректированию образовательной програм-

мы в России можно сослаться на опыт НИУ ВШЭ, СПбГУ, РГГУ и некоторых других вузов; остальным еще предстоит решить, готовы ли они выработать новую образовательную политику совместно с работодателями. В современном мире, меняющемся динамично, объем знаний, которыми должен владеть выпускник вуза, непрерывно растет. Вместе с этим растет и ответственность вузов и работодателей за то, насколько востребованными и квалифицированными будут выпускники на реальном рынке труда. Необходимо стремиться к тому, чтобы студенты, получившие университетское образование, уже по окончании обучения были специалистами высокого уровня в конкретной области профессиональной деятельности.

Примечания

- ¹ *Жидкова О.В.* Опыт зарубежных стран в развитии профессионально-кадровой подготовки журналистов // Наука и современность. 2015. № 3. С. 60.
- ² *Фатеева И.А.* Медиаобразование: теоретические основы и опыт реализации. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. С. 176.
- ³ *Ширяева Т.А.* Когнитивное моделирование профессии журналиста: Дис. ... д-ра филол. наук. [Место защиты: Кубанский гос. ун-т, 2008]. С. 344.
- ⁴ *Кихтан В.В.* О развитии журналистского образования в России и за рубежом // Электронный журнал «Regla». 2011. № 6. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&txid=2885> (дата обращения: 03.03.2017).
- ⁵ *Мурзин Д.А.* Корпоративная пресса: современные типологические концепции: Дис. ... канд. филол. наук. [Место защиты: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007]. С. 158.
- ⁶ *Каминская Т.Л.* Региональное медиаполе: векторы развития // Вестник НовГУ. 2015. № 73. С. 22.
- ⁷ *Батыршин Р.И.* Работодателю всегда хочется начать с конца // Официальный сайт НИУ «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/news/avant/23031804.html> (дата обращения: 11.03.2017).
- ⁸ *Вартанова Е.Л.* В подготовке квалифицированных кадров для СМИ должны участвовать сами медиакомпании // Портал «Mediajobs». URL: <https://mediajobs.ru/career/elena-vartanova-v-podgotovke-kvalificirovannyh-kadrov-d> (дата обращения: 11.03.2017).
- ⁹ *Осиновская Е.А.* Теория и практика: Как работодатели помогают университету готовить высококлассных специалистов // Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <http://spbu.ru/podrobnosti/26223-teoriya-i-praktika-kak-rabotodateli-pomogayut-universitetu-gotovit-vysokoklassnykh-spetsialistov.html> (дата обращения: 10.03.2017).

Современные подходы
и перспективы использования инструментов
журналистского образования
в системе повышения квалификации педагогов

Современное информационное общество и глобальные взаимодействия в мире диктуют новые требования к роли и компетентности педагога любого уровня. Одним из основных фокусов становится медиакомпетентность. Условия существования в современном обществе – это существование в медийном пространстве. Использование медиаобразования в системе повышения квалификации педагогов позволяет качественно и эффективно сформировать медиакомпетенции педагога любого уровня образования.

Ключевые слова: медиаобразование, медиакомпетентность, система повышения квалификации, глобальные факторы влияния, образовательное пространство.

Информационно-технологическая революция, происходящая сегодня в мире, определяет движение к совершенно новому типу общества – информационному, или обществу знаний. Информация и знания становятся одним из стратегических ресурсов государства, масштабы использования которых становятся сопоставимыми с использованием традиционных ресурсов, а доступ к ним – одним из основных факторов социально-экономического развития. Одной из основополагающих характеристик информационного общества является его глобальный характер.

В этой связи необходимо отметить, что мы живем в мире медиа, медиа окружают нас и мы интегрированы в них в большей или меньшей степени. В этих условиях происходят значительные изменения в профессии педагога, в том числе и в профессии педагога в высшей школе. Меняется и роль педагога на всех уровнях

современного образования, форматы самой системы образования и развития.

При такого рода обстоятельствах возникает возможность продуктивно использовать опыт журналистского образования в рамках заявленных изменений. С одной стороны, журналистское образование имеет значительный опыт подстройки и трансформации в условиях информационного общества. С другой стороны, журналистское образование накопило значительный опыт использования медиаресурсов и медиаинструментов для подготовки специалистов в области медиа. Необходимо отметить, что в связи с изменением роли педагога такой опыт и экспертизу необходимо использовать шире именно в образовательном пространстве.

Современная система образования и процесс обучения испытывает колоссальное давление со стороны глобальных факторов влияния. Как полагают эксперты, это следующие факторы¹:

- изменение экономических и социальных требований. Согласно исследованию Университета Оксфорда, 47% профессий в ближайшее десятилетие будет автоматизировано. Также необходимо говорить о росте влияния работодателей, которые нацелены на получение готовых специалистов в отрасли, чья адаптация к работе будет занимать меньше времени, а значит, будет экономить и финансовые ресурсы;
- рост расходов на процесс обучение и на обучающие ресурсы. В этой связи необходимо обратить внимание на возможности массового онлайн-обучения (МООС), например к 2025 г. ожидается 263 млн учащихся третичного уровня образования, что тоже значительно влияет на экономику стран и их вложения в высшее образование;
- постоянно и быстро меняющиеся цифровые технологии. Такое техническое развитие напрямую влияет на модель компетенций современного выпускника вуза, а значит, и на будущего специалиста на рынке труда. Но технологии также обеспечивают доступность третичного (высшего) образования и обеспечивают процесс массивификации знаний. Примером может служить проект MIT (Массачусетский технологический институт) по выкладке в открытый доступ массива лекционного материала.

Перечисленные глобальные драйверы развития и изменения меняющейся образовательной среды, развитие информационного общества и цифровых технологий не могли не оказать влияния на изменение роли преподавателя любого уровня. Авторитетный специалист отмечает, что еще в XX в. учитель / преподаватель был

главным источником знаний и информации, лидером школьной жизни, организатором послешкольной активности и исполнял роль родителей². Сейчас изменился запрос общества на роль преподавателя. В условиях развития информационного и образовательного пространства он должен научить искать и получать информацию, выбирать ее и использовать. В самом процессе обучения преподаватель становится фасилитатором. Наконец, современный педагог – агент изменений в обществе. И в этой связи среди множества измененных необходимых компетенций для современного преподавателя становятся важными медиакомпетенции. Они определяются как взаимодействие трех областей, а именно³:

- медиадидактики (использование средств массмедиа для стимулирования и поддержки процессов обучения);
- медиаобразования (при выполнении связанных с медиа образовательных и учебных задач);
- развития школы (использование массмедиа для задач, связанных с развитием образовательной организации).

Каждая из этих областей дополнительно делится на пять квалификационных аспектов, среди которых:

- 1) понимание и оценка условий;
- 2) описание и оценка теоретических подходов;
- 3) анализ и оценка соответствующих примеров и экспертизы;
- 4) разработка предложений на основании собственной теоретической базы;
- 5) реализация и оценка теории на основе практических примеров.

Таким образом, медиакомпетентность педагога включает в себя не только умение полномасштабно работать с информацией в современном медиaprостранстве, но и умение развить эту компетентность у обучающихся. По сути – это компетентность существования в современном медийном мире. И именно возможности и дидактический опыт профессионального медиаобразования, т. е. журналистского образования, позволяют развить медиакомпетентность в смежной области знаний. Использование возможности медиаресурсов, совместное медиаторчество с учащимися, использование информационного потенциала групп в социальных сетях, собственные сайты педагогов с образовательным и информационным контентом – все это вместе создает дополнительные возможности для развития медиакомпетентности педагога и позволяет максимально использовать опыт журналистского образования. В дополнение хотелось бы напомнить, что ЮНЕСКО определило медиаобразование как приоритетную область культурно-педагогического развития в XXI в.

Говоря о системе повышения квалификации для педагогов любого уровня, необходимо отметить, что данную задачу нужно решать комплексно. С точки зрения подобного интегрального подхода медиакомпетенции педагога как таковые являются надпредметными, они необходимы для всех. В рамках интегрального подхода к развитию медиакомпетенций в системе повышения квалификации необходимо прежде всего отметить практическую направленность подобного обучения. Медийная среда меняется крайне быстро, а значит, и содержание, и практические упражнения должны постоянно учитывать изменения. Также важным фокусом в интегральном подходе представляется использование активных методов обучения. И.А. Фатеева отмечает, что в медиаобразовании представлены следующие виды обучения:

- по источникам знаний: словесные (лекция, рассказ, беседа, дискуссия), наглядные (иллюстрация и демонстрация медиатекстов), практические (выполнение практических заданий);
- по уровню познавательной деятельности: объяснительно-иллюстративные (сообщение готовой информации), проблемные (проблемный анализ ситуаций или медиатекста), исследовательские (организация исследовательской деятельности обучающихся)⁴.

Необходимо дополнительно выделить и проектную деятельность как педагогическую технологию, в частности создание единой информационной среды для участников обучающего процесса с моделированием и использованием внутри инструментов и технологий медиа. Например, формирование и использование единого форума или чата на основе страниц в социальных сетях или мессенджера, использование возможностей МООС (массового онлайн-обучения) и т. д. Это важно и для интегрального подхода к педагогическому дизайну курсов повышения квалификации педагогических кадров. Использование новейших достижений и технологий информационного общества в современном медиаобразовании, а особенно в системе повышения квалификации, позволяют сделать профессию педагога любого уровня действительно актуальной. И наконец, интегральность подхода во многом связана с комбинированием различных технологий обучения, используемых инструментов, используемых актуальных примеров и экспертизы. Такая интеграция позволяет актуализировать познавательную и образовательную деятельность, максимально использовать интерактивность и значительно повысить эффективность обучения.

Итак, используя интегральный подход в системе повышения квалификации, целесообразно фокусировать внимание на реше-

нии одной из основных задач медиаобразования в целом – подготовки нового поколения к жизни в современных информационных условиях, к восприятию любой информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладеть способами общения на основе невербальных форм коммуникаций с помощью технических средств. И в этой связи также необходимо отметить, что накопленный опыт трансформации и интеграции журналистского образования в современном информационном обществе позволит найти технологическую поддержку для развития медиакомпетенций педагога любого уровня.

Примечания

- ¹ Drivers for Change in Higher Education[^] Naidoo Vis [Электронный ресурс] // Commonwealth of Learning. URL: <https://www.col.org/news/speeches-presentations/drivers-change-higher-education> (дата обращения: 07.04.2017).
- ² *Ujlakyné Szücs E.* The role of teachers in the XXI century // *Revue internationale International Webjournal*. 2010. № 9 [Электронный ресурс] URL: http://www.sens-public.org/IMG/pdf/SensPublic_DossierEurope_EUjlakyne.pdf (дата обращения: 07.04.2017).
- ³ *Tiede J., Grafe S., Hobbs R.* Pedagogical Media Competencies of Preservice Teachers in Germany and the United States: A Comparative Analysis of Theory and Practice [Электронный ресурс] // *Peabody Journal of Education*. 2015. № 90 (4). С. 533–545. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0161956X.2015.1068083> (дата обращения: 07.04.2017).
- ⁴ См.: *Фатеева И.А.* Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007.

С.Б. Головки, Л.А. Коханова

Проектное обучение как инновационная форма подготовки студентов

Статья посвящена обоснованию метода «проектное обучение», или «исследовательский проект». Обобщая собственный опыт и практику коллег, авторы формулируют основные подходы к его организации и его принципы, дают определение метода. В статье показано на конкретных примерах, какие факторы определяют выбор того или иного методического приема, а также конкретного средства, к которому обращается преподаватель. Также в статье подробно рассмотрены принципы активности, исследовательской (творческой) позиции, объективности (осознания) поведения и партнерского (субъект-субъектного) общения.

Ключевые слова: метод «проектного обучения», принципы активности, исследовательской (творческой) позиции, объективности (осознания) поведения, партнерского (субъект-субъектного) общения.

На сегодняшний день не существует общепринятого определения понятия «проектное обучение» (или «исследовательский проект»), что приводит к расширительному толкованию метода. Как следствие, этим термином обозначаются самые разные приемы, формы, способы и средства, используемые в педагогической практике в высшей школе.

Так, весьма результативным этот подход показал себя на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова в Москве при чтении ряда курсов. Например, в рамках курса «Экологическая журналистика, реклама и PR» было проведено исследование устно-письменного языка в Сети. Исследовательская задача заключалась в том, чтобы определить степень влияния сетевого языка на различные тематические сегменты СМИ, в том числе и на экологи-

ческую журналистику. Также важно было понять, используется ли он в рекламе и при проведении PR-акций.

Есть такой опыт и у педагогов РГГУ. Так, например, в курсе «Современные теории массовой коммуникации» принципы организации фокус-группы, глубинного интервью, анкетирования или контент-анализа объясняются изначально в лекционной форме. В дальнейшем они становятся методикой для проведения ролевой игры на семинарском занятии. Студенты намного лучше усвоят специфику этих социологических приемов, а главное – поймут, зачем они нужны, и будут применять в дальнейшем.

Проведенные исследовательские проекты также можно классифицировать по разным основаниям¹. Это позволит понять, насколько такой метод сегодня востребован. Но прежде следует выявить основные принципы данного метода.

По сути, проектное обучение объединяет в себе несколько основополагающих подходов. Во-первых, нужно все требуемые искомые по курсу упражнения и контрольные работы «завести» на конечный результат.

Во-вторых, нужно изучение курса превратить в исследовательский проект. Это означает, что по тематике курса, зафиксированного учебным планом, перед студентами ставится исследовательская задача.

В-третьих, решить эту задачу можно только при условии овладения исследовательскими навыками, которые совпадают практически полностью с деятельностью журналиста при подготовке материала (сбор, фиксация исходного материала, обобщение, отвлечение, формулирование темы и т. д.).

Выполняя определенные задания, студент приобретает необходимые для начала умения. Превратит ли он их в навыки – это уже вопрос времени. Нужно выстроить процесс обучения таким образом, чтобы все курсы встраивались под конечную цель, которая дробится по годам обучения. Тогда студент в течение всего периода обучения не только приобретает знания, умения и навыки, но и совершенствует их, то есть становится специалистом высокого уровня.

Но беспрецедентное изменение матрицы журналистики на сегодняшнем этапе требует новых подходов к подготовке кадров для этой сферы деятельности, сегодня как никогда востребованной обществом. Без научного обоснования этих изменений и на их базе разработанных принципиально иных программ, сочетающих традиции отечественной журналистики и глобалистское новаторство, это не представляется возможным. Эту озабоченность высказывают

уже многие ученые. Так, профессор Е.Я. Дугин пишет: «Вместе с тем, все более ощутимые реалии информационного общества, в основе которого лежит производство, потребление и распространение информации, выдвигают в качестве центральной проблемы научное познание социальных информационно-коммуникативных процессов»².

Поэтому проектное обучение в определенной степени может стать тем основанием, на котором сегодня уже формируются научные школы. Таким образом, под этим термином будем понимать такую организацию учебного процесса, когда изучение курса или всего цикла курсов по специальности нацелено на конечный результат, получаемый в процессе постановки задачи и ее реализации.

Механизмом достижения поставленной цели может и должен стать тренинг, вводимый постепенно в ткань занятий. С его помощью студент решает ставящиеся поэтапно перед ним конкретные задачи. Так, например, студентам предлагаются тренинговые занятия, направленные на повышение компетентности в общении, на формирование мотивации на обучение и постижение профессии и др. Такой опыт уже достаточно наработан отечественной высшей школой³.

Подобные тренинги были разработаны учениками известного психолога К. Левина в Бетеле (США) и получили название «Т-группы»⁴. В их основе лежит следующая идея: современная наука в большей степени – это коллективный труд, поэтому люди работают в группах, но чаще всего они не отдают себе отчета в том, как они в них участвуют. Они не задумываются о том, какими их видят другие люди, каковы их реакции.

Более того, студент, как правило, приходит в устоявшийся коллектив, в котором большинство участников уже знают, чего они хотят добиться. Этого не скажешь о первокурснике или даже выпускнике бакалавриата, да и магистратуры, которые только ищут себя, хотя бы понять, в чем они сильны. В этой ситуации человеку, пробующему понять, что такое научное исследование, может помочь не только преподаватель, но и вся группа.

Большой вклад в разработку данного метода внесли немецкие ученые в 1970-е гг. прошлого века (Лейпцигский и Йенский университеты, руководитель Фред Форверг). Специалисты считали, что «средствами тренинга выступали ролевые игры с элементами драматизации, создававшие условия для формирования эффективных коммуникативных навыков»⁵. При этом они указывают, что практической областью применения разработанного Ф. Форвергом метода стала социально-психологическая подготовка руково-

дителей промышленного производства. Но она оказалась вполне приемлема и в процессе обучения журналистов, использующих практикумы и ролевые игры.

Первая в стране монография, посвященная теоретическим и методологическим аспектам социально-психологического тренинга, была опубликована Л.А. Петровской⁶. Общая цель такого социально-психологического тренинга в рамках обучающего проекта – это повышение компетентности в общении. В процессе работы она может быть конкретизирована в ряде задач в зависимости от названия проекта. Но при этом она обязательно связана с приобретением знаний, формированием умений, навыков, развитием установок. Именно они определяют поведение в общении, перцептивные способности человека, коррекцию и развитие системы отношений личности, «поскольку личностное своеобразие является тем фоном, который окрашивает в различные цвета действия человека, его вербальные и невербальные проявления»⁷.

Требую от студента работы на конечный результат, преподаватель часто полагает, что тот самостоятельно найдет путь движения к нему. К сожалению, это ошибочное мнение, так как большинство студентов не знают, как получить необходимый результат. Как следствие, у них пропадает интерес к выполнению задания, то есть к участию в исследовательском проекте. Примеров таких в нашей практике накопилось достаточно, пока не пришло понимание того, что каждый из них обязательно должен задать себе как минимум три вопроса:

- Какой цели я хочу достичь, участвуя в данном проектном исследовании по обязательному или выбранному учебному курсу?
- Почему я хочу достичь этой цели, используя собранный эмпирический материал?
- Какими средствами я собираюсь ее достичь, какие конкретные шаги будут предприняты, чтобы получить необходимый результат?

Ответы на эти вопросы помогают преподавателю понять, насколько мотивирована группа на изучение курса и насколько участие в исследовательском проекте окажется полезным каждому из ее участников. Это и хорошее подспорье при корректировке работы преподавателя. Эффективность проектного обучения во многом зависит не только от налаженной преподавателем обратной связи с аудиторией и, следовательно, адекватности осуществляемой преподавателем диагностики, но и от того, насколько большим арсеналом средств он обладает для достижения той или иной цели.

Первый шаг в решении задачи выбора средств – это выбор методического приема. К наиболее часто применяемым методам относятся групповые дискуссии, ролевые игры, например, проведение фокус-группы и т. д.

Выбор того или иного методического приема, а также конкретного средства в рамках этого приема определяется следующими факторами:

- содержанием учебного курса (только лекционного или лекционного курса с идущими параллельно семинарскими занятиями);
- особенностями аудитории (первокурсники, которые не мотивированы на исследование, и выпускники, которые, выполняя итоговую выпускную работу, обязаны использовать исследовательские приемы);
- особенностями ситуации, в которых предлагается исследовательский проект (объем курса, возможность связывать несколько курсов и выстраивать работы поэтапно и т. д.);
- возможностями преподавателя в организации проектного обучения, читающего один курс или несколько, объединенных общей идеей в рамках конкретной *специализации*.

Работа с аудиторией, которой задан алгоритм научного исследования при чтении учебного курса, отличается рядом специфических принципов. К ним следует отнести следующие:

- принцип активности;
- принцип исследовательской (творческой) позиции;
- принцип объективности (осознания) поведения;
- принцип партнерского (субъект-субъектного) общения.

Вычленение именно этих принципов – это результат многолетней работы по поиску наиболее результативных приемов при проведении проектного обучения.

Принцип активности. Активность студентов, которые слушают курс в рамках исследовательского проекта, носит особый характер, отличный от активности их коллег, слушающих монологическую лекцию. Во время такой лекции и семинарского занятия они вовлекаются в специально разработанные действия: это может быть проигрывание той или иной ситуации, с которой сталкивается начинающий исследователь во время сбора материала или проведения интервью, выполнение упражнений, наблюдение за поведением других по специальной схеме.

По мнению специалистов, именно такие ситуации, которые позволяют активно участвовать в них всем студентам одновременно,

являются наиболее эффективными в достижении поставленных целей. Это происходит «через осознание, апробирование и тренировку приемов, способов поведения, идей», предложенных преподавателем⁸.

Принцип активности, в частности, опирается на известную из области экспериментальной психологии идею: человек усваивает 10% того, что слышит, 50% того, что видит, 70% того, что проговаривает, и 90% того, что делает сам⁹.

Принцип исследовательской (творческой) позиции. Суть этого принципа заключается в том, что в ходе лекционного курса, организованного как исследовательский проект, студенты осознают, обнаруживают, открывают идеи, закономерности, уже известные как в научной, так и в журналистской деятельности. Также, что особенно важно, они начинают более осознанно понимать, каковы их личные ресурсы, возможности, особенности в овладении профессией и насколько в этом им помогает освоение азов исследовательской работы.

Исходя из этого принципа, преподаватель конструирует такие ситуации, которые давали бы возможность студентам осознать, апробировать и тренировать новые способы поведения в группе. Собственно, в ближайшем будущем им предстоит работать в редакционном или научном коллективе, в котором каждому придется соотносить свою творческую индивидуальность с требованиями коллективной деятельности.

В аудитории, которая работает в рамках проектного обучения, создается креативная среда. Ее основными характеристиками являются проблемность, неопределенность, принятие, безопасность, и главное – понимание того, что это нужно самому студенту.

Принцип объективности (осознания) поведения. В процессе чтения лекций и проведения семинарских занятий, организованных как исследовательский проект, поведение студентов переводится с импульсивного на объективированный уровень. Это позволяет производить изменения по ходу проведения исследования, уточнять задания, помогать разрешать возникшие ситуации. В данном случае универсальным средством объективизации поведения является обратная связь.

В тех видах семинарских занятий, которые в большей степени направлены на формирование умений, навыков, установок, используются дополнительные средства объективизации поведения. Одним из них является видеозапись поведения студенческой группы в тех или иных ситуациях с последующим просмотром и обсуждением. Надо учитывать, что видеозапись является очень сильным

средством воздействия, способным оказать негативное влияние, поэтому им следует пользоваться с большой осторожностью и, что самое важное, – профессионально.

Принцип партнерского (субъект-субъектного) общения. Партнерским, или субъект-субъектным, общением является такое, при котором учитываются интересы других участников взаимодействия, а также их чувства, эмоции, переживания, признается ценность личности другого человека.

Реализация этого принципа создает в аудитории атмосферу безопасности, доверия, открытости, которая позволяет студентам демонстрировать результаты своих творческих усилий, не стесняясь ошибок. Этот принцип тесно связан с принципом творческой, исследовательской позиции студенческой аудитории.

Последовательная реализация названных принципов – одно из условий эффективной работы. Она отличает эту работу от других методов обучения и позволяет преподавателю получать достаточно неплохие результаты.

Ему помогают ситуации, в которых студент осознает важность и необходимость формирования у него готовности и после окончания вуза творчески относиться к жизни, к своему делу, к самому себе. Это подтверждают ответы самих студентов, с которыми преподаватель находится в постоянном контакте. Он анализирует получаемую от них информацию о готовности участия в обучении в таком формате, что помогает ему корректировать свои действия.

В качестве примера приводим мнения студентов пятого курса заочного отделения факультета журналистики МГУ. Орфографию сохраняем.

Орлова А.И.: «Мне было очень интересно работать в рамках предложенной методики. В современном мире, наполненной кибер-информацией, необходимо максимально активно использовать возможности интернет-СМИ и социальных сетей, в том числе и на предмет распространения экологической проблематики. Особенно мне понравилось задание с интервью, так как было очень интересно узнать, что об этой теме думает мой современник».

Скурихина А.И.: «Было интересно работать, узнала информацию о локальных экологических проектах. Предмет полезный и интересный».

Саляхетдинова В.М.: «Что интересно в проектном обучении для меня лично? Способность самостоятельно определять интересный и важный материал. Возможность поработать в группе. Опыт создания визуального контента».

Дриголя В.В.: «Нахожу предложенный вариант обучения – проектный – полезным и интересным, т.к. во-первых, это новый метод, во-вторых, выполняя его, например, для презентации самостоятельно ищешь материалы по теории и практике».

Романенко К.А.: «Проектное обучение: интерес и открытия. Благодаря такому подходу нам удалось глубже изучить современные тенденции, дополнить сухую теорию также неким опытом из профессиональной деятельности. В результате мы узнали наверно больше, чем если бы ограничились теоретическими вопросами, поскольку охватили и теорию, и актуальную практику. Получилось очень эффективно, также помимо занятий был полезен новый опыт командного сотрудничества».

Беленцова В.В.: «Мне лично было интересно работать в проектном формате. В силу того, что мы обменивались информацией».

Как видим, студенты ценят появившуюся у них возможность работать в группе, обмениваться информацией, а главное – выполнять совместную работу, которая им интересна сегодня и необходима в дальнейшем. Это можно считать главным аргументом в пользу проектного обучения, которое способствует повышению качества вузовского образования.

Примечания

- ¹ *Автономов А.С., Хананашвили Н.Л.* Оценка социальных проектов. М.: Юрист, 2015. С. 29.
- ² *Дугин Е.Я.* Методологический поворот исследований информационно-коммуникативных систем и журналистика // Журналист: Социальные коммуникации. 2015. № 3–4 (19–20). С. 81.
- ³ *Коханова Л.А.* Моделирование профессиональной деятельности в системе лекционных занятий // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 107–109; *Она же.* Обучающее исследование как стимул для постижения теории журналистики (из опыта подготовки журналистов Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе) // Ученые записки Орловского государственного университета: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3 (66). С. 128–133; и др.
- ⁴ *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972. С. 115.
- ⁵ *Коханова Л.А.* Сенситивный тренинг в контексте проектного обучения журналистов профессии // Журналист: Социальные коммуникации. 2014. № 3–4. С. 108–121; *Она же.* Мотивационные тренинги в контексте проектного обучения (Об опыте обучения журналистов в Филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе) // Ученые записки Орловского государственного университета:

- Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 154–158; *Она же*. Мотивационное проектное обучение журналистов как требование времени и профессии // Полиграфист. 2014. № 4. С. 24–32.
- ⁶ *Петровская Л.А.* Теоретические и методологические вопросы социально-психологического тренинга. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 38.
- ⁷ *Пэпто Р., Гравитц М.* Указ. соч. С. 28.
- ⁸ Психогимнастика в тренинге / Под ред. Н.Ю. Хрящевой. СПб.: Речь; Ин-т тренинга, 2000. С. 10.
- ⁹ Там же. С. 11.

Ю.В. Горохова

Категория «общественный интерес»
в журналистике
и российской судебной практике

Рассмотрена категория «общественный интерес» и ее значение для журналистики и свободы массовой информации. Проанализированы международные нормы обеспечения справедливого баланса свободы слова и защиты частной жизни как равнозначных правовых ценностей. На примере конкретного судебного дела показано, что существующий в российском законодательстве и разъяснениях Верховного Суда РФ пробел в определении понятия «публичная фигура» как объекта общественного интереса приводит к принятию судебных решений, противоречащих международным нормам.

Ключевые слова: права журналистов; свобода слова; свобода массовой информации; защита частной жизни; общественный интерес; публичная фигура как объект общественного интереса.

Свобода массовой информации, неразрывно связанная со свободой слова, означает в числе прочего и то, что для средств массовой информации в принципе не существует «закрытых» тем, есть только установленные законом ограничения по распространению определенной информации.

Выбор темы для публикации должен диктоваться общественным интересом и ничем иным, поскольку сама деятельность журналиста, согласно ст. 49 Закона РФ «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ)¹, является общественным служением². Поэтому вопрос о том, что такое общественный интерес, имеет ключевое значение для понимания смысла профессиональной деятельности журналистов и средств массовой информации.

Помимо поиска смыслов, есть здесь и чисто практический аспект: общественный интерес оправдывает вмешательство СМИ в частную жизнь граждан, является тем инструментом, который должен обеспечивать справедливый баланс между двумя правовыми ценностями – свободой информации и защитой частной жизни. Проще говоря, от того, представляет ли общественный интерес публикация СМИ, в которой обнародована личная информация о гражданине без его на то согласия, зависит законность и правомерность этой публикации со всеми вытекающими последствиями.

Категория «общественный интерес» в Законе о СМИ и каких-либо иных нормативных правовых актах Российской Федерации не раскрывается. Закон о СМИ упоминает это понятие лишь единожды в очень важной норме п. 5 ч. 1 ст. 49, которая говорит о том, что журналисты вправе распространить сведения о личной жизни гражданина без его согласия в случае, если это необходимо для защиты общественных интересов.

Но как определить эту необходимость в конкретной ситуации? В Кодексе профессиональной этики российского журналиста сформулирован такой подход:

Газета не должна вмешиваться в личную жизнь граждан, не будучи уверена в том, что это вмешательство мотивировано не любопытством обывателей, а законным правом общества на получение важных сведений. Только защита интересов общества может оправдывать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека³.

Тем самым как определяющий критерий выделен мотив распространения информации: общественным интересам отвечает обнародование важных для общества сведений, а не удовлетворение обывательского любопытства.

Казалось бы, на практике проблем с определением, представляет ли материал общественный интерес или обывательский, возникнуть не должно. Но проблемы возникают, причем в залах судебных заседаний, когда журналисты и организации СМИ выступают в качестве ответчиков по искам о нарушении неприкосновенности частной жизни.

Почему? Во-первых, потому, что названный Кодекс – документ этический, он не содержит норм права, и суд просто не может на него опереться при разрешении дела. Во-вторых, в процитированном правиле остается нераскрытым вопрос, что считать «важными для общества сведениями».

Наиболее емко на вопрос о том, что считать общественным интересом, отвечает британский Кодекс практики Комиссии по жалобам на прессу, также являющийся этическим документом. Согласно этому Кодексу общественный интерес представляет информация:

- о предотвращении или раскрытии преступлений и серьезных правонарушений;
- о защите здоровья населения и общественной безопасности;
- информация, которая может предотвратить введение населения в заблуждение высказываниями или действиями со стороны отдельных лиц или организаций⁴.

Как видим, в отличие от российского Кодекса профессиональной этики журналиста британский аналог содержит вполне определенные критерии, пригодные для применения в судебной практике Великобритании. Будь подобные формулы зафиксированы в Законе РФ о СМИ или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего судам особенности применения законодательства в делах с участием средств массовой информации, они могли бы положительно повлиять на российскую судебную практику.

Нельзя сказать, что высшая судебная инстанция России обратила внимание на вопрос об общественном интересе. Почти 7 лет назад было издано объемное и подробное постановление Пленума Верховного Суда РФ, целиком посвященное особенностям рассмотрения судами дел с участием СМИ⁵. В пункте 25 данного постановления указано:

К общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде.

Это определение говорит об угрозах только трем высшим правовым ценностям, охраняемым Конституцией и правопорядком Российской Федерации. Но эти ценности складываются из множества других, которые не поименованы в приведенном определении Верховного Суда РФ. Например, угрожает ли коррупции демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности? Напрямую – нет. Напрямую коррупция посягает на законность, но законность Верховный Суд РФ не назвал в числе тех ценностей, защита которых представляет общественный интерес. Значит ли это, что журналистские

расследования, направленные на выявление фактов коррупции, не защищают общественные интересы? Конечно, не значит, потому что защищают, ведь коррупция разрушает законность, а законность является базовым условием общественной безопасности, без законности немыслимо демократическое правовое государство. Понимание борьбы с коррупцией как общественного интереса вполне вписывается в определение Верховного Суда РФ еще и потому, что в нем есть слово «например», указывающее на то, что указанный в нем перечень из трех пунктов – не исчерпывающий. Проблема в том, что даже для совершенно очевидного ответа приходится применять толкование, а толковать ведь можно по-разному и трудно предсказать, как это сделает конкретный суд при рассмотрении конкретного дела.

Немного подправляет положение приведенная далее в этом пункте постановления Пленума Верховного Суда РФ правовая позиция, сформулированная в свое время Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ):

Судам следует проводить разграничение между сообщением о фактах (даже весьма спорных), способным оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например, исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщением подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью. В то время как в первом случае средства массовой информации выполняют общественный долг в деле информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес, во втором случае такой роли они не играют.

Как видим, помимо признания за СМИ права сообщать «весьма спорные» факты, здесь конкретно названа еще одна тема, которую Верховный Суд РФ, вслед за ЕСПЧ, относит к общественному интересу: «исполнение своих функций должностными лицами и общественными деятелями».

Внимательный читатель заметит в приведенной цитате термин «публичная деятельность». Ни в законодательстве Российской Федерации, ни в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ этот термин не раскрывается, а между тем публичная деятельность, публичность лица – второй важнейший критерий в делах о вторжении СМИ в частную жизнь.

Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1165 1998 г., посвященная вопросам неприкосновенности частной жизни, в изъятие из общих правил предусматривает: публичные лица

должны признавать, что особое положение их в обществе автоматически влечет усиление давления в отношении их частной жизни. Это не означает, что частная жизнь публичных фигур (персон) не защищена законом. Защищена, но в значительно меньшей степени, нежели жизнь «простых смертных».

Кого можно считать публичной фигурой? В названной Резолюции ПАСЕ таковой признается «лицо, занимающее государственную должность и (или) пользующееся государственными ресурсами, а также лицо, которое играет определенную роль в общественной жизни в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, в спорте или любой иной области». Таким образом, согласно Резолюции к публичным фигурам относятся три большие категории: политики и общественные деятели, а также любые известные в любой сфере деятельности лица.

В отношении политических деятелей в международно-правовых документах установлена презумпция их свободной критики обществом. Так, в ст. 3, 4 Декларации «О свободе политической дискуссии в средствах массовой информации», принятой 12 февраля 2004 г. Комитетом министров Совета Европы, зафиксировано, что политические деятели, стремясь заручиться общественным мнением, соглашаются быть объектом общественной критики в СМИ. О государственных должностных лицах специально предусмотрено, что они могут быть критикуемы в СМИ в отношении качества исполнения ими своих обязанностей, ибо это необходимо для обеспечения гласности и ответственности в их работе.

Поскольку Российская Федерация является членом Совета Европы, она обязана придерживаться приведенных выше правил. Это означает в том числе, что российские суды при рассмотрении дел должны учитывать соответствующие международно-правовые нормы. Поэтому весьма досадно, что, включив в свое постановление позицию ЕСПЧ об общественном интересе, Пленум Верховного Суда РФ не добавил необходимую «расшифровку» понятий «публичная фигура» и «политический деятель» в соответствии с процитированными документами Совета Европы. В результате российские суды не имеют ясно прописанных критериев для решения вопроса о том, является ли публичной фигурой лицо, обратившееся в суд для защиты своей частной жизни.

Теперь проследим, чем это оборачивается в реалиях нашей жизни. Вторая половина прошедшего 2016 г. была ознаменована несколькими резонансными исками главы ПАО «Роснефть» И. Сечина и самой компании против ряда СМИ, которые оставят глубокий след в российской судебной практике⁶.

В свете рассматриваемой темы остановимся на одном из них – иске И. Сечина к издателю газеты «Ведомости» – издательскому дому «Бизнес Ньюс Медиа» о вторжении в частную жизнь в связи с публикацией статьи «Сечин вьёт гнездо в Барвихе» и автору этой статьи Ринату Сагдиеву.

Названная статья была опубликована в «Ведомостях» 20 июля 2016 г. и содержала информацию о том, что с осени 2014 г. И. Сечин строит новый дом на Рублевке возле клинического санатория «Барвиха» на участке площадью 3 га, по соседству с которым находятся участки, принадлежащие его детям. Также в статье приводилась примерная стоимость этого владения И. Сечина и сообщались сведения о его официальных доходах. Истец потребовал опровержения некоторых сведений, содержащихся в публикации, уничтожения оставшейся части тиража «Ведомостей» с этой публикацией, а также удаления материала с сайта газеты. Материальных претензий к газете и автору статьи заявлено не было.

Дело рассматривалось в Останкинском суде города Москвы⁷.

Ответчики строили свою позицию на том, что информация о доходах Игоря Сечина представляет общественный интерес, поскольку сам он является публичной фигурой, а возглавляемая им компания – крупнейшим российским налогоплательщиком, и соответствие трат и доходов ее руководителя может отразиться на жизни каждого гражданина России.

Кроме того, представители газеты отмечали, что информацию о личной жизни И. Сечина можно было почерпнуть из многих появившихся ранее публикаций в других изданиях, против которых Игорь Сечин иски не подавал⁸.

По словам юристов газеты и автора материала Рината Сагдиева, вся информация, изложенная в статье, была получена из открытых источников, прежде всего из Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра), где каждый гражданин России может свободно получить информацию о хозяине любого участка земли⁹. В связи с этим ответчики заявили ходатайства о привлечении к участию в деле в качестве третьей стороны Росреестра, а также о переносе рассмотрения дела, поскольку они не получили некоторых официальных документов из этой службы. В удовлетворении этих ходатайств судья Останкинского суда А. Хуснетдинова отказала.

Парируя доводы ответчиков, представитель И. Сечина применил предельно узкую трактовку общественного интереса, заявив, что информация о том, владеет или не владеет руководитель «Роснефти» какой-либо недвижимостью, не несет какой-либо угрозы демократи-

ческому строю или общественным интересам. При этом он подчеркнул, что с 2012 г. И. Сечин не занимает государственных должностей. Сторона истца также настаивала на неправомерности использования журналистами открытых сведений Росреестра о недвижимом имуществе И. Сечина, заявив, что эта информация предназначена для целей операций с недвижимостью, а не для обнародования в СМИ.

18 сентября 2016 г. Останкинский суд вынес решение, признав неправомерным разглашение сведений о частной жизни истца. Суд обязал ответчика удалить статью «Сечин вьёт гнездо в Барвихе» с сайта газеты «Ведомости», опубликовать информацию о решении суда и уничтожить все имеющиеся в распоряжении редакции экземпляры газеты с данной статьей. Кроме того, суд запретил дальнейшее распространение статьи, а также любых ее частей, содержащих сведения о частной жизни И. Сечина. Обжалование решения суда оказалось безрезультатным¹⁰. Таким образом, суды не признали И. Сечина публичной фигурой, а публикацию «Ведомостей» – представляющей общественный интерес.

Между тем совершенно очевидно, что глава одной из крупнейших российских компаний с государственным участием является лицом, которое «играет определенную роль в общественной жизни в области экономики», как это указано в определении публичной фигуры, данном в цитированной выше Резолюции ПАСЕ № 1165. В таком случае основания иска И. Сечина отпадают сами собой. Но положения Резолюции ПАСЕ российские суды учитывать не обязаны, в отличие от постановлений Пленума Верховного Суда РФ, который не счел необходимым разъяснить, что следует понимать под публичной фигурой или публичной деятельностью в спорах об общественном интересе и вмешательстве в частную жизнь.

Представляется, что время для такого разъяснения пришло.

Примечания

- ¹ Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [М., 2017]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.04.2017).
- ² В ч. 4 ст. 49 Закона РФ «О средствах массовой информации» установлено: «Государство гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг».
- ³ Кодекс профессиональной этики российского журналиста // Журналист. 1994. № 11.

- ⁴ *Рихтер А.Г.* Правовые основы журналистики: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: ВК, 2009. С. 399–400.
- ⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума Верховного Суда РФ от 16.09. 2010 г. № 21, от 09.02.2012 г. № 3) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [М., 2017]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.04.2017).
- ⁶ В этом ряду иски: И. Сечин против Forbes об опровержении сведений о его доходах, опубликованных журналом (2014 г.); И. Сечин против «Ведомостей» об опровержении сведений о его влиянии на принятие государственных решений (2014 г.); И. Сечин против «Новой газеты» об опровержении сведений, распространенных в статье «Секрет принцессы Ольги» (октябрь 2016 г.); «Роснефть» против Росбалта и КППФ о защите деловой репутации (ноябрь 2016 г.); «Роснефть» против РБК о защите деловой репутации (декабрь 2016 г.).
- ⁷ Автору не удалось обнаружить на сайте Останкинского суда г. Москвы (точнее, на обоих его сайтах: в связи с обновлением программного обеспечения действует дублирующий сайт с переходом по ссылке с основного) текст решения по данному делу, который должен быть там размещен согласно Федеральному закону от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Поиск по категории дела, истцу и ответчику, фамилии судьи, дате вынесения решения не дал результата. В поисковой форме на сайте Останкинского суда предусмотрено также введение реквизитов дела: даты его регистрации в суде, номера дела и др. Возможно, с этими реквизитами поиск был бы успешным, но это внутрисудебная информация, недоступная лицам, не участвующим в деле. Таким образом, нельзя утверждать, что текст решения не опубликован на сайте суда, но можно констатировать, что простому пользователю этот текст недоступен (дата обращения: 06.04.2017).
- ⁸ *Аксенов П.* Сечин засудил «Ведомости» за статью о доме в Барвихе. [Электронный ресурс] // Новостной сайт Русской службы Би-Би-Си. [М., 2017]. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-37379036> (дата обращения: 06.04. 2017).
- ⁹ Добавим: в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не может быть ограничен доступ к информации, содержащейся в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан (физических лиц) и организаций такой информацией. Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество (ЕГРП) относится именно к такой информации.
- ¹⁰ *Болецкая К., Тихончук Д.* Сечин выиграл суд у «Ведомостей», и решение вступило в силу. [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости» [М., 2016]. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/11/18/666065-vedomosti-sud-sechin> (дата обращения: 06.04.2017).

Нравственные ориентиры журналистики в современном информационном пространстве

Статья посвящена проблеме влияния современных СМИ и Интернета на воспитание современной молодежи. Рассматривается взаимосвязь технологических и социальных процессов, происходящих в информационной сфере. Анализируются нравственные и этические стороны, предлагаемые сегодняшнему потребителю контента. Выявляются причины современных проблем в воспитании молодежи.

Ключевые слова: СМИ, культурная элита, нравственные ценности, эстетическое воспитание, информация.

В наше время для большинства людей СМИ являются «главствующим источником информации и, как следствие, основным инструментом управления общественным мнением, способным оказывать влияние практически на все сферы жизни общества»¹, в том числе и на повседневную культурную деятельность человека. В качестве такого посредника ранее выступала интеллектуальная элита общества, которая через систему общественного воспитания формировала утверждения высоконравственных образцов человеческого поведения. Сегодня культурная элита заметно утрачивает свое высокое предназначение в социальной иерархии. Отчасти это проявляется в снижении интереса широких кругов к литературе, классической музыке, театральным постановкам, выставкам, музейным экспозициям и, как следствие, потере влияния элиты на заинтересованную и подготовленную публику².

Во многом поэтому в СМИ сейчас сложно обнаружить сформировавшуюся политику производства программ эстетической

направленности. Основная задача – заработать высокие рейтинги, уделяя больше внимания коммерчески выгодным, т. е. развлекательным контентам, где достаточно сложно создать окупаемый «продукт», который мог бы совмещать в себе коммерческую и эстетическую составляющие.

В числе основных социальных причин следует назвать несомненный кризис в самой интеллектуальной элите, проявляющийся в личностном усреднении общества, приводящий к засилью массовой культуры, образцы которой легки для восприятия, направлены, в основном, на эксплуатацию человеческих эмоций, отвлекают от истинных современных проблем. Напротив, «высокая культура всегда развивалась таким образом, что ее создатели ориентировались на запросы интеллектуально развитой публики, которая соответственно воспитывалась с детства»³. По мнению социологов и культурологов, компоненты высокой культуры не будут интересны и необходимы массе с «усредненным» уровнем развития вкусов и образования⁴.

Поэтому наибольшим спросом в контенте пользуется развлекательная составляющая. Большинство социальных сетей и СМИ предлагают своим потребителям ненавязчивый, однобокий развлекательный контент, в котором проявляются следующие основные черты: «эклетицизм (безвкусное сочетание разных стилей), претенциозность (стремление выдать дешевое за дорогое, чувственное за возвышенное, публичное за интимное), псевдодемократичность (показная простота, назойливость, эмоциональная перенасыщенность), эротичность (явная или скрытая), постоянный интерес к “запретным” темам»⁵. Именно это на сегодняшний день и представляет собой основу для формирования внутреннего мира современного человека, его эстетического развития, художественных предпочтений, стереотипов, ценностных ориентаций и культурных установок.

Не имея необходимых представлений о фундаментальных нравственных ценностях, будучи неподготовленными к нравственной и эстетической оценке событий, наши современники вынуждены «погружаться» в спорные информационные потоки, предпочитая из них наиболее легкие для восприятия (паблики с мемами, музыку, кино, спорт). Все это особенно опасно потому, что формирует в молодежной среде специфические эстетические вкусы, которые в процессе взросления несут угрозу закрепления их в структуре личности, соединяясь с ее ведущими мотивами⁶.

Что сейчас предлагают нам популярные источники информации? СМИ, в том числе Интернет, стали генератором пропаганды

насилия, навязывания образцов для деструктивного поведения, низкосортного юмора, глумления над религиозными ценностями и порицания патриотизма. Широкое потребление подобного контента во многом объясняется изменениями в социальном статусе молодежи. Речь идет о широкой вовлеченности в образовательный процесс, в который зачастую заложена нравственная оценка общественных процессов; стремление молодежи в качестве самоутверждения обозначить свое участие в общественной жизни без должного критического понимания современных событий; поверхностное стремление активно участвовать в массовых «неоднозначных» с точки зрения рассматриваемой темы выступлениях и фактическое отстранение от многообразных реальных видов социальной деятельности; потребность в изменении к лучшему окружающей действительности и очевидная пассивность в поиске и реализации прогрессивных идей.

Безусловно, что процесс утверждения нравственных ориентиров в обществе, особенно среди молодежи, явление комплексное. Оно должно быть управляемым, не напрямую, теми или иными формами диктата, а путем создания благоприятных условий для утверждения позитивных начал нравственного воспитания. Несомненно, значительная роль подобной деятельности должна принадлежать государству и авторитетным общественным институтам. Огромное значение имеет подготовка квалифицированного и духовно-нравственного журналистского корпуса, именно его деятельность способна переломить складывающуюся ситуацию. Последовательная и целенаправленная работа в этом направлении, в том числе привлечение к созданию контента в СМИ и в Интернете социально значимых известных личностей, своевременная экспертная оценка состояния общественной мысли в молодежной среде должны быть положены в основу такой работы.

Примечания

- ¹ Левада Ю.А. Индикаторы и парадигмы культуры в общественном мнении // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 3. С. 7–12.
- ² Дубин Б.В. Группы, институты и массы: Культурная репродукция и культурная динамика в сегодняшней России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1998. № 4. С. 22–32.
- ³ Рассадина А.А. Социально-психологические особенности влияния СМИ на эстетические предпочтения молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. С. 155.

- ⁴ *Вайль П.Л., Генис А.А.* 60-е: Мир советского человека. М.: Согрус, 2013. С. 278.
- ⁵ *Рассадина А.А.* Акмеологические особенности влияния СМИ на эстетические предпочтения молодежи // Акмеология. 2010. № 3. С. 27.
- ⁶ *Козленко В.Н.* К вопросу диагностики креативности учащихся: Вопросы психологии познавательной деятельности учащихся средней школы и студентов // Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И.Л. Баскакова. М.: МГПИ им. Ленина, 1981. С. 64–67.

А.Б. Парканский

Структурные изменения
в информационном контенте
американских телекомпаний
во второй половине XX – начале XXI в.

Информационная составляющая американского телевидения, или ее информационное содержание (контент), претерпела за более чем полувековой период своей эволюции глубокие изменения, связанные с причинами экономического и технологического характера.

Ключевые слова: телевизионная сеть, «жесткие» и «мягкие» новости, информационные журналы, кабельное телевидение, спутниковое телевидение, потоковые сервисы, реалити-ТВ.

Предшественниками информационно-новостных и информационно-аналитических программ американского телевидения были новостные передачи радио Соединенных Штатов, в 1926 г. о новостях начала сообщать национальная радиосеть «Эн-Би-Си», а годом позже – «Си-Би-Эс». Еще раньше этим занялись более мелкие отдельные независимые радиостанции, что привело в 1922 г. к «войне прессы с радио» из-за конкуренции на рынке новостного контента. Война закончилась победой радиокompаний, которые получили право использовать в своих передачах газетную информацию¹.

Опыт, накопленный радиовещанием, показал, что наибольшей любовью аудитории пользовались несколько развлекательных жанров: радиопостановки комедий, мыльные оперы, концерты музыки «вестерн» и т. п. Именно эти компоненты определяли структуру радиоконтента и привлекали деньги спонсоров-рекламодателей; другие же жанры (информационные, в том числе новости, а также передачи культурно-просветительской и социальной направленности) не собирали нужной рекламоделателям аудитории,

не приносили рекламных доходов и были убыточными для вещателей. Однако радиоконпании не могли отказаться от распространения убыточного контента, поскольку одним из важнейших условий получения и регулярного возобновления ими государственных лицензий на использование эфирных частот было соответствие как минимум части эфирного контента общественным интересам, а не полное его подчинение интересам массовой аудитории². Поэтому радиоконпании отдавали передачам информационного и социального характера минимальное место в сетке вещания, причем в ряде случаев эти передачи были призваны не столько удовлетворить требования государственного регулирования, сколько укрепить конкурентоспособность вещателя (например, информирование публики о содержании официальных бюллетеней о ходе и результатах выборов).

Своеобразным зародышем американских телевизионных информационных служб можно считать впервые образованное во второй половине 1930-х гг. руководителем радиокорпорации «Си-Би-Эс» У. Пейли самостоятельное подразделение новостей, среди первых результатов деятельности которого стали не только более частые выпуски новостей, но также выпуски с комментариями постоянных ведущих – практически прообразы будущих информационно-аналитических телевизионных программ. Пока же, в 1938 г., на «Си-Би-Эс» начался выпуск программы радионОВОСТЕЙ «Уорлд Ньюс Раундап» (сводка мировых новостей), фирменной особенностью которой стали прямые («живые») репортажи корреспондентов корпорации в Лондоне, Париже, Берлине и других европейских столицах³. У. Пейли предпринял попытку создать «качественную» радиосеть для сравнительно образованной и состоятельной аудитории, на которую уже работали газеты аналогичной категории («Нью-Йорк Таймс», «Уолл Стрит Джорнэл», «Бостон Глоуб» и др.).

О нападении японцев на Пёрл-Харбор большинство американцев узнало из газет, которые все еще играли основную роль в информировании нации. Начало Второй мировой войны привело к взлету рейтинга радиийного информационного контента. К 1944 г. доля информационных программ выросла до 20% общего времени вещания радиосетей. К окончанию войны радио превратилось в основной источник новостной информации для американцев⁴. (Лидерство «Си-Би-Эс» в этом жанре укрепилось.)

Уже начавшее свою рыночную жизнь телевидение Соединенных Штатов находилось весьма далеко позади радио в развитии информационного жанра. Первый опыт демонстрации выпуска

телевизионных новостей произошел в США в 1940 г., однако потребовалось десятилетие, чтобы в Нью-Йорке на канале «Дабл-Ю-Эн-Би-Ти» (WNBT, ныне WNBC), принадлежавшем корпорации «Эн-Би-Си», начались регулярные вечерние передачи теленовостей, повторявшие, впрочем, аналогичные радиовыпуски той же компании. (После нападения японцев на Пёрл-Харбор и вступления США в войну экспериментальное телевидение «Си-Би-Эс» создало новостную программу, посвященную иллюстрированному освещению развития боевых действий для телезрителей. В 1942 г., однако, в целях военной экономии средств эта и другие информационные программы начавших вещание ведущих телеканалов были закрыты, развитие телевидения в Соединенных Штатах замедлилось, несколько телестанций продолжали действовать в Нью-Йорке, Филадельфии, Скенектади, Чикаго и Лос-Анджелесе, исполняя военно-пропагандистские функции.)

Потребности американцев в сведениях о ходе войны тем не менее обусловили создание на телевидении «Си-Би-Эс» пятнадцатиминутного вечернего (20:00) выпуска новостей дважды в неделю. В 1945 г. «Эн-Би-Си» начала показ кратких новостей вечером по воскресеньям. Оба выпуска демонстрировали кадры кинодокументалистики, сопровождаемые закадровым комментарием. Военная хроника предоставлялась, как правило, правительством и носила постановочный характер, другая новостная кинохроника сообщала преимущественно о развлекательных событиях – свадьбах знаменитостей, кинопремьерах, конкурсах красоты и пр. В 1948 г. «Эн-Би-Си» запустила ежедневный вечерний информационный выпуск, спонсором которого стала табачная компания «Ар. Джей Рейнольдс», а показываемая кинохроника производилась документальной кинофирмой «Фокс Мувитоун». Ни дикторов, ни ведущих на экране не появлялось. Через два месяца «Си-Би-Эс» последовала примеру главного конкурента с программой «Си-Би-Эс Ивнинг Ньюс». В этой программе на картинке появлялись менявшиеся дикторы, зачитывавшие текст, привязанный к кинохронике, снятой фирмой «Теленьюс»⁵. Затем в программе впервые появился постоянный ведущий, перешедший с радио Д. Эдвардс⁶.

В те же годы телесеть «Дюмон» (Dumont) запустила вечернюю новостную передачу «Ньюс фром Вашингтон», которая оказалась неудачной и была закрыта менее чем через год, и затем новостную программу «Камера Хедлайнз», тоже неудавшуюся и закрытую. Сеть «Эй-Би-Си» запустила в 1948 г. новостную передачу «Ньюс энд Вьюз», провалившуюся и снятую с эфира, и в 1952 г. программу этого же жанра «Эй-Би-Си Олл Стар Ньюс», которая продержалась

в эфире менее трех месяцев. Перечисленные неудачи свидетельствовали о жестком соперничестве на рынке телевизионного информационного контента и весьма серьезных требованиях к его качеству.

Следует также подчеркнуть, что существенное негативное влияние на судьбу названных проектов оказали другие трудности телевизионного рынка в США. Дело в том, что в 1943–1944 гг. меры по демополизации радиоиндустрии привели к переменам в ее структуре и такому финансово-организационному ослаблению отрасли, что даже для ведущих компаний оказались убыточными затраты на создание телевизионных сетей в условиях сравнительно медленного географического расширения охвата населения страны коаксиальным кабелем, отсутствие которого подрывало заинтересованность местных станций в подключении к сети. Кроме финансовых, организационных и технологических препятствий экспансии телесетей, Федеральная комиссия связи приняла решение о замораживании выдачи лицензий на эфирные частоты в период с 1948 г. по 1952 г. Развитию телевидения препятствовала также сравнительная дороговизна телевизоров в 1940-х – начале 1950-х. В 1948 г. менее 1% домовладений в США владели телевизором, всего их насчитывалось 350 тысяч. В 1952 г. телевизоры имелись уже в менее трети американских домохозяйств, их количество увеличилось до 15,3 млн. К 1955 г. половина семейных хозяйств в США владела телевизорами⁷.

В конце десятилетия количество телестанций увеличилось, как увеличилась и популярность телевидения, привлекавшего растущее внимание в качестве необычного нового развлечения. В эти годы структура телевизионного контента определялась компаниями, которые создали первые телестанции, а поскольку это были в основном радиоконпании, то и телезрители смотрели на экране, в первую очередь, «мыльные оперы», которые в первое время занимали преобладающую часть всего времени телепоказа. Целевой аудиторией таких телесериалов были домохозяйки, показ осуществлялся преимущественно в дневное время, по будням. Сюжет отличался медленным темпом и несколькими параллельно развивающимися историями большой длительности с подчеркнuto драматизированными коллизиями (как в опере), завершение очередной серии (эпизода) происходило в наиболее драматический момент, который оставлял развязку события открытой, а зрителя – заинтригованным. Первоначально такие сериалы появились на американском радио и содержали рекламу ведущих фирм-производителей мыла и других товаров бытовой химии. Первой телевизионной мыльной оперой была «Фэйруэй-Хилл», показ которой

начался в 1946 г.⁸ Данный жанр, несмотря на сравнительное снижение популярности в последние десятилетия, до сего времени занимает существенные позиции в телепоказе, причем не только в дневное время, но и в прайм-тайм⁹.

Телевизионный контент в целом в рассматриваемый период носил преимущественно развлекательный характер и состоял также из видеOVERсий старых радиоспектаклей (особенно в жанре провинциальной комедии положений), а также песен и танцев американской глубинки, голливудских вестернов и т. п. Затем к названным телепродуктам прибавились игровые шоу и викторины, а также мультфильмы по утрам в субботу. Информационный контент в конце 1940-х был скуден и сводился к редким и кратким выпускам новостей, которые повторяли радионовости материнской компании и зачитывались диктором.

В начале 1950-х гг. рыночная конъюнктура стала меняться в сторону, благоприятную для развития телевидения, и с этого времени начался сравнительно быстрый рост телеиндустрии Соединенных Штатов. В эти годы информационная функция стала наряду с развлекательной важнейшей социальной функцией телевидения США. Также был завершен начатый в предыдущие годы отход от радиийных традиций в языке, манере и жанрах вещания. Телевидение США выработало тогда свой профессиональный язык и манеру вещания. Появились такие телевизионные жанры, как различные телешоу с постоянным ведущим, телеспектакли, телефильмы и телесериалы, коммерческие и рекламные ролики, музыкальные клипы. В структуру информационного контента вошли документальные программы (состоявшие поначалу из продукции документального кинематографа, а затем – после появления видеозаписи – телевизионной документалистики), блоки новостей, передачи, содержащие анализ и комментарий актуальных событий.

В этот период в историю телевидения вошли многие выдающиеся журналисты, творчество которых остается эталоном мастерства до сего времени: помимо упоминавшегося Д. Эдвардса, в их число вошли Джон К. Свэйзи (J. Swayze), Чет Хантли (Chet Huntley), Дэвид Бринкли (David Brinkley), Фрэнк Макги (Frank McGee), Уолтер Кронкайт (Walter Cronkite), Джон Дейли (J. Daly) и др. Историки телевидения, однако, в качестве наиболее значительного тележурналиста тех времен называют Эдварда Мэроу («Ed» Murrow), который получил национальное признание в качестве ведущего еженедельного новостного шоу «Смотрите это» (See It Now), выходившего в 1951–1958 гг. на канале «Си-Би-Эс» и получившего четыре премии Эмми. Программа состояла из прямых

(live) репортажей корреспондентов из штатов обоих побережий США, которые, как правило, были одновременно посвящены актуальным вопросам американской жизни. Особенно сильный общенациональный резонанс имел специальный выпуск этого шоу от 9 марта 1954 г., который был назван «Доклад о сенаторе Джозефе Маккарти». В результате этой 30-минутной передачи американская телеаудитория оказалась настолько разочарована в сенаторе-мракобесе, что его политическая карьера пошла на спад.

Ранее уже отмечалась убыточность информационного контента для производящей его компании в первые периоды развития американского телевидения. Таковым он оставался до конца 1970-х гг. В течение всего этого времени он финансировался за счет прибылей, которые зарабатывали на развлекательном контенте – сначала материнские радиокomпании, затем – телевизионные сети¹⁰.

Во второй половине 1970-х гг. с появлением кабельного и цветного, затем спутникового телевидения, а также видеозаписи и бытовых магнитофонов начался очередной этап развития американского ТВ. В эти годы информационный контент распространялся в трех видах. Прежде всего, это местные (локальные) новости, которые самостоятельно производятся информационными подразделениями многих местных телестанций для территории, на которую идет вещание. Данная информация сконцентрирована на событиях местной жизни, погоде и спорте. Обычно общий хронометраж таких новостей составляет четыре, пять часов в будние дни; в выходные – выпуски короткие. К местному информационному контенту следует добавить производимый ведущими национальными телесетями, которые производят весьма широкую номенклатуру утренних, дневных, вечерних, еженедельных и других новостных и информационных аналитических программ, а также теледокументалистику. После 1 июня 1980 г., когда начала работать «Си-Эн-Эн», телезрители получили возможность получать по кабелю новости круглые сутки. Затем на рынке круглосуточных кабельных теленовостей появились другие компании – «Фокс Ньюс», «Фокс Бизнес Нетворк», «Эм-Эс-Эн-Би-Си», «Эйч-Эл-Эн», «Блумберг Телевижн», «Си-Эн-Би-Си». В стране действуют также региональные производители кабельных теленовостей – «Нью Инглэнд Кейбл Ньюс», «Тексас Кейбл Ньюс», «Эн-Уай-1» и др.

В этот период произошло резкое увеличение количества специализированных телеканалов, появились видеомангитофоны и видеодиски, изменившие практику потребления видеоконтента и существенно усложнившие практику программирования на телеканалах, которая основывалась ранее на учете телесмотрения

в определенные тайм-слоты (эфирное время, в которые запускается программа), а также позволившие просмотр видеоконтента на дисках без перебивания его коммерческой рекламой. Резко обострилась конкуренция на телерынке, многократно увеличилось количество телеканалов и телесетей, использующих различные типы и способы доставки универсально-развлекательного и специализированного контента в условиях фрагментации предпочтений меняющей свой социально-культурный портрет аудитории¹¹.

В эти годы произошло беспрецедентное по масштабам и глубине обострение соперничества десятков и сотен телекомпаний, появившихся вместе с новыми технологиями. Рейтинги и доходы телесетей стали сокращаться, как и доли аудитории, которая смотрела их программы. Одним из путей выживания сетевых гигантов в конкурентной схватке стал отказ от субсидирования производства информационного контента и принятие мер по обеспечению его прибыльности. Более того, ужесточение конкуренции на рынке развлекательного контента оказалось в эти годы столь сильным, что нанесло удар по его прибыльности, и теперь уже информационная часть телевидения была призвана на помощь развлекательной.

Следует отметить, что в течение двух десятилетий ведущие сетевые телекомпании смогли, хотя и с некоторыми потерями на рынке, решить указанные задачи. Согласно данным экспертов гарвардского Фонда Неймана, в 1998 г. вечерние информационные программы крупнейших сетевых корпораций «Си-Би-Эс», «Эн-Би-Си» и «Эй-Би-Си» собирали суммарную аудиторию в 30,4 млн зрителей (в 22 млн домов), что превышало совокупный тираж 10 крупнейших американских газет. В воскресный прайм-тайм показатель был еще выше. В частности, программу «60 минут» на «Си-Би-Эс» смотрели по воскресеньям в сезон 1998–1999 гг. в 13,4 млн домов¹², что превышало аудиторию любой информационной передачи на кабельном телевидении и тираж любой газеты. Помимо названной программы, на трех указанных каналах в прайм-тайм в те годы выходили еще 13 часовых информационных передач. А наиболее популярная тогда вечерняя информационная программа «Кинг лайв», выходившая на кабельном канале «Си-Эн-Эн», собирала у экрана жителей менее 1 млн домовладений.

Отмеченные показатели тройки ведущих телекорпораций были обеспечены кардинальными изменениями в их информационной политике. Прежде всего приоритет, который ранее отдавался «жестким» новостям, был отдан «мягким» новостям, что означало придание информации большей развлекательности, простоты

и эмоциональности, уделение меньшего внимания оперативности, полноте и корректности информационных материалов. Новостные передачи были трансформированы в ставшие популярными информационные, или новостные, журналы (newsmagazines), рассказывающие преимущественно о природных и техногенных катастрофах, о вооруженных конфликтах и терактах с показом сцен насилия, о скандальных деталях политических, культурных и иных событий, о сексе и криминале, о жизни богатых и эксцентричных знаменитостей, о светских развлечениях и тому подобном¹³.

Такие тележурналы собирают значительные аудитории по сей день и в прайм-тайм представляют собой низкозатратную альтернативу драмам и ситуационным комедиям. Производство одного часа такого тележурнала в конце 1990-х требовало от 0,5 до 0,7 млн долл., что было значительно дешевле, чем затраты на выпуск развлекательной программы, один час которой требовал минимум 1,2 млн долл.¹⁴ Кроме этого, информационный контент обычно производился самой телекомпанией и мог быть вновь многократно использован в передачах бесплатно. Развлекательный же контент производится другим медиапредприятием (например, студией по производству телесериалов или производителем программ о природе) и покупается телеканалом. Его цена имеет тенденцию к росту, что учитывается телекорпорацией при заказе нового продукта или повторном показе старого.

Уже в рассматриваемый период финансовая отдача информационных журналов была сравнима с таковой теледрам или ситкомов, а в летние месяцы журналы были даже более прибыльны, поскольку привлекали зрителей рассказами о новых событиях, в то время как развлекательные шоу обычно демонстрировались повторно. Неудивительно поэтому, что важной частью перемен в информационном производстве стало принятие курса на выпуск большего числа различных низкозатратных информационных передач, например ток-шоу, представляющих собой интервью с известными личностями в режиме реального времени, или передач, рассказывающих о «новостях», имеющих практическую пользу, а также обзорных передач с экспертами о спортивных событиях, моде, погоде и других темах аналогичного характера.

Одновременно с отмеченными переменами в структуре информационного контента в рассматриваемый период были ликвидированы подразделения, производившие журналистскую продукцию «затратных» жанров: документальные телефильмы, журналистские расследования и др. Также были закрыты (или сокращены) корреспондентские бюро и пункты за границей и в самих США.

Произошли массовые сокращения в редакциях и творческих коллективах сетевых компаний.

Производство и распространение информационного телеконтента в последние два десятилетия неотделимы от тесного взаимодействия с различными интернет-площадками – социальными сетями, блогосферой и др., которые используются как для размещения новостей, так и в качестве их источника, когда непрофессиональные журналисты-пользователи становятся производителями новостного контента для телекомпаний. Вместе с тем, как и в предыдущий период, повышается развлекательный характер информационного контента.

С наступлением нового столетия (и тысячелетия) одной из главных тенденций развития развлекательного компонента американского телевидения стал взлет реалити-ТВ (reality television), или телепрограмм реального жанра. Первые опыты передач в жанре реального телевидения относятся к концу 1940-х гг. (программа «Скрытая камера»), однако наибольшее развитие они получили в последнее десятилетие, чему имеется несколько объяснений. Передачи этого жанра показывают в режиме онлайн представителей различных профессий и слоев общества в созданных реальных жизненных ситуациях, которые, несмотря на искусственность создания, требуют от участников публичного проявления эмоций, способности к действиям в определенных положениях, нередко экстремальных. В 2010-е гг. широко известными примерами такого рода телевидения стали реалити-шоу «Танцы со звездами», телесериал «Пейтон Плейс», игровые шоу «Слабое звено» и «Как стать миллионером» и многие другие. О феномене реалити-ТВ в США в 1998 г. был снят получивший популярность кинофильм «Шоу Трумэна» с Дж. Кэрри, сыгравшим его главного героя, который однажды обнаруживает, что вся его жизнь на службе и дома протекает в построенных декорациях в обществе людей, играющих свои определенные роли, снимается на камеру в течение 24 часов изо дня в день и демонстрируется по телевизору как нескончаемое реалити-шоу. Среди многих качеств реалити-ТВ, привлекающих их производителей, первоочередное значение имеет сравнительная дешевизна создания произведений этого жанра¹⁵.

В сравнении со съемками телесериала или документального телефильма по профессиональному сценарию, с профессиональным составом высокооплачиваемых творческих работников, строительством декораций, выездами на натурные съемки и т. д., реалити-шоу не требует сценария и профессиональных актеров,

идет в эфир с первого дубля, все происходит в реальной обстановке. Привлекательность данного жанра для аудитории возникает за счет достоверности, игровых элементов, использования других различных приемов развлекательности и пр.

В последнее десятилетие происходят новые существенные перемены в доставке телевизионного контента аудитории. В устойчивую тенденцию телесмотра превратился отказ растущей части аудитории от просмотра телевизионных передач согласно расписанию, избрание удобного для себя времени просмотра. Ожидается, что к 2020 г. половина всех развлекательных телепрограмм будет просматриваться аудиторией без учета расписания телепоказа, предусмотренного телекомпанией. Структура информационного контента вынуждена подстраиваться под потребителя, который все чаще использует появившиеся технические возможности наблюдать телепередачи не дома, используя традиционный телеприемник, а вне дома, в том числе во время движения, во время пребывания в различных учреждениях, во время проведения досуга и т. п. с применением различных мобильных устройств, использующих Интернет.

Сегодня быстро расширяется потребление информационного и иного контента аудиторией, которая использует компьютеры, планшеты и мобильные телефоны¹⁶. В результате краткость и смысловая простота характерны для информации, рассчитанной на указанные формы ее потребления. В очерке «Новости как форма знания» выдающийся американский ученый, лидер Чикагской школы социологии Р. Парк в 1940 г. писал: «Новость – одна из самых древних и элементарных форм знания. Было время, причем не так давно, когда не было ни философии, ни истории, ни вообще рационального знания как такового... Того, что мы называем точными науками, не было до эпохи Возрождения... Новость, насколько ее вообще можно считать знанием, видимо, так же стара, как человечество, и, может быть, даже еще старше»¹⁷.

Глубокие перемены, которые произошли в наполнении форм и структуре телевизионной информации в последние десятилетия, продиктованы экономической логикой деятельности телевизионных корпораций, требованиями конкурентной борьбы за максимизацию и коммодификацию аудитории. Коммерциализация телевизионного информационного контента обуславливает снижение доли в телеэфире новостной и аналитической информации, что ведет к необратимому уменьшению политических знаний.

- ¹ *Ponce de L.Ch.* An Excerpt from That's the Way it is: A History of Television News in America [Электронный ресурс] // URL: http://press.uchicago.edu/books/excerpt/2015/De_Leon_Thats_Way_It_Is.html (дата обращения: 12.03.2017).
- ² *Gunther M.* The Transformation of Network News: How Profitability has Moved Networks out of Hard News [Электронный ресурс] // URL: <http://niemanreports.org/articles/the-transformation-of-network-news/> (дата обращения: 28.03.2017).
- ³ Remarks of Commissioner Robert M. McDowell Media Bureau Workshop on Media Ownership & Diversity Federal Communications Commission [Электронный ресурс] // URL: http://www.rcfp.org/newsitems/docs/20090129_162426_fairness_doctrine.pdf (дата обращения: 19.02.2017).
- ⁴ *Ponce de L.Ch.* Op. cit.
- ⁵ *Leichman B.* Evolution of the Video Marketplace and the Future of Television. Leichman Research Group, 2016.
- ⁶ *Thompson B.* The changing and unchanging structure of TV. [Электронный ресурс] URL: <https://stratechery.com/2015/changing-unchanging-structure-tv/> (дата обращения: 17.01.17).
- ⁷ *Gunther M.* Op. cit.
- ⁸ *Leichman B.* Op. cit.
- ⁹ *Levy J., Levine A.* The Evolving Structure and Changing Boundaries of the U.S. Television Market [Электронный ресурс] // URL: <https://transition.fcc.gov/ownership/materials/newly-released/evolving060106.pdf> (дата обращения: 06.08.2017).
- ¹⁰ *Lee P., Duncan S.* US TV: erosion, not implosion [Электронный ресурс] // TMT Predictions 2016. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/tmt-pred16-media-us-tv-erosion-not-implosion.html> (дата обращения: 17.01.17).
- ¹¹ *Levy J., Levine A.* Op. cit.
- ¹² *Gunther M.* Op. cit.
- ¹³ 2016 Top Markets Report Media and Entertainment [Электронный ресурс] // URL: http://www.trade.gov/topmarkets/pdf/Media_and_Entertainment_Top_Markets_Report.pdf (дата обращения: 11.11.2016).
- ¹⁴ *Gunther M.* Op. cit.
- ¹⁵ 2016 Entertainment & Media Industry Trends [Электронный ресурс] // URL: <http://www.strategyand.pwc.com/media/file/2016-Entertainment-and-Media-Trends.pdf> (дата обращения: 17.01.17).
- ¹⁶ *Lee P., Duncan S.* Op. cit.
- ¹⁷ *Парк Р.* Избранные очерки: Сб. переводов // РАН ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и соц. психологии / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: Изд-во РАН, 2011. С. 3–4.

Социальные функции современной расследовательской журналистики

В современном обществе журналистское расследование является востребованным и популярным жанром журналистики. Оно выполняет ряд важнейших социальных функций, среди которых информирование и формирование общественного мнения. Кроме того, этот жанр оказывает существенное влияние на взгляды аудитории. В данной статье рассмотрены три уровня влияния, которые отличаются масштабом и важностью. На примере крупнейших журналистских расследований последних лет продемонстрировано, насколько необходимы такие материалы для улучшения качества жизни нашего общества.

Ключевые слова: влияние, журналистское расследование, расследовательская журналистика, Пулитцеровская премия, разоблачения.

Расследовательская журналистика, наряду с другими жанрами СМИ, претерпела существенные изменения. Прежде всего, это относится к методам сбора информации и способам распространения данных. Все чаще материалы этого жанра можно встретить в Интернете. Даже телевизионные и печатные расследовательские материалы становятся резонансными и привлекают внимание во многом благодаря их публикации на сайтах СМИ.

В 2012 г. для подобных публикаций появился новый термин – «лонгрид». Это «истории, включающие большие журналистские тексты, короткие истории, глубинные интервью и даже исторические документы»¹. Сейчас появляются специализированные интернет-ресурсы, публикующие лучшие работы такого формата.

Кроме того, в Интернете работа расследователя стала максимально открытой. Теперь аудитория может практически онлайн

(в режиме реального времени) следить за ходом исследования проблемы. Журналисты публикуют подробную информацию о своих источниках (если они не тайные), о документах, которые они используют, об информации, которая попадает к ним в руки. Это позволяет не только привлечь аудиторию, но и повысить уровень доверия к самому расследованию.

Интерактивные приемы (возможность комментирования, обратная связь и привлечение к анализу фактов) позволяют увеличить количество читателей и вовлечь их в процесс работы, что придает жанру журналистского расследования все большую популярность.

Влияние, которым пользуется расследователь, открывающий обществу правду о каком-то важном явлении или проблеме, можно назвать если не большим, то, по крайней мере, весьма значительным. Так, наличие социальных функций, а именно своевременное информирование и формирование общественного мнения, здесь очевидно.

Уровни влияния расследовательской журналистики

В 2014 г. Центр журналистских расследований (CIR) и «Media Impact Project» (Центр изучения влияния СМИ) провели исследование уровней влияния расследовательских материалов на общество. В исследовании под названием «Оффлайн-показатели воздействия Глоссария» они описали три уровня: микро, мезо и макро².

Согласно этой концепции, на микроуровне изменяется сознание, поведение и отношение одного или нескольких человек (например, голосование, гражданское участие). Это можно увидеть с помощью опросов, данных голосования или подсчета других мер, принимаемых читателями и зрителями.

Реакции мезоуровня включают те, которые могли бы повлечь за собой гражданские массовые мероприятия. Именно на этом уровне из расследовательских материалов является общенациональная история, когда другие СМИ подхватывают эту тему и продолжают «копать». Измерение показателей мезоуровня может включать в себя опросы, контент-анализ и самоотчеты об изменениях в деятельности организации.

Показатели макроуровня Линдси Грин-Барбер, директор Отдела стратегического поиска информации в Центре журналистских расследований, определяет как изменения, «которые случаются на уровне учреждения или организации и приводят к структурным переменам»³. Это могут быть институциональные меры, такие как

расследования, осуждения, штрафы; юридические действия, такие как уголовные обвинения; законодательные меры, в том числе отраслевые предложения или принятие новых законов; действия исполнительной ветви власти, такие как перемены в политической сфере; изменения в действиях тех, кто стоит у власти в компаниях или некоммерческих организациях. Обнаружение этих перемен может осуществляться благодаря анализу содержания, интервью и длительному наблюдению.

Результативность современных журналистских расследований

Ярким примером наличия всех трех уровней влияния являются расследовательские публикации, получившие Пулитцеровскую премию. Например, в 2016 г. обладателем этой премии за журналистское расследование стали репортеры изданий «Тампа Бэй Times» и «Herald-Tribune». Леонора Л. Энтон, Энтони Кормьер и Майкл Брага объединились, чтобы написать о нарушениях в психиатрических больницах в штате Флорида (США). Материал называется «Безумный. Невидимый. В опасности»⁴ и состоит из пяти историй и нескольких видеофрагментов. Суть расследования заключается в том, что в штате Флорида бюджет государственных психиатрических больниц сократили на 100 млн долл., что привело к резкому сокращению рабочего персонала. В итоге пациенты буквально бродят по коридорам без присмотра сотрудников, не говоря уже о комфортных условиях проживания и должном уходе.

Журналисты потратили больше года на изучение состояния крупнейших государственных психиатрических больниц Флориды. Они взяли интервью у десятков нынешних и бывших сотрудников, а также пользовались услугами психиатров, чтобы поговорить с психически больными и членами их семей. В результате были собраны тысячи страниц отчетов об инцидентах, инспекциях организаций охраны здоровья и безопасности и документов государственных учреждений и департаментов полиции по всей Флориде. Используя эти записи, журналисты создали первую всеобъемлющую базу данных травм и эпизодов насилия в психиатрических больницах Флориды.

Реакция на микроуровне в этом случае четко прослеживается в обсуждении данной проблемы в социальных сетях. Безусловно, материал вызвал большой общественный резонанс и быструю реакцию аудитории. Нравнодушные люди начали кампанию по

поддержке финансирования в области психического здоровья в социальных медиа.

Мезоуровень, прежде всего, прослеживается в деятельности правозащитных организаций. 12 января 2016 г. некоторые из них начали кампанию, чтобы оказать давление на государственные органы с целью восстановить финансирование программы по поддержке психиатрических больниц Флориды. Помимо этого, другие СМИ тоже активно обсуждали этот вопрос. Репортажи об этом расследовании появлялись на телеканале WTSP, сайте Contently Foundation, сайте Национального альянса психических заболеваний.

На макроуровне произошли изменения в законодательстве, которых смогли добиться расследователи. 14 января 2016 г. сенатор, отвечающий за состояние психиатрических больниц Флориды, признал, что учреждения не имеют достаточного количества сотрудников или денег, чтобы правильно лечить пациентов. 1 марта этого же года, после нескольких лет резкого сокращения финансирования, было решено, что психиатрические больницы Флориды получают более 160 новых работников в соответствии с предложением бюджета.

Таким образом, можно сделать вывод, что каждый расследовательский материал постепенно повышает свой уровень влияния. Сначала прослеживается реакция на микроуровне, которая определяет, является ли проблема важной и требующей решения на более высоком уровне. Общественный резонанс и активное обсуждение позволяют материалу перейти на мезоуровень, на котором этой проблемой интересуются другие СМИ и относящиеся к проблеме организации. Дальнейшая работа над этой историей выводит расследование на макроуровень и становится необходимым и значимым элементом в общественном разрешении исследуемой проблемы.

Другим ярким примером может служить проект «Изнасилование на полях»⁵ – фильм-расследование о сексуальных домогательствах, насилии и несправедливости, с которыми сталкиваются женщины-иммигрантки, занимающиеся сбором урожая. После выхода фильма на Univision на испанском языке и на PBS FRONTLINE на английском языке, а также в Интернете, в газетах и на радио, по всей стране, особенно в Калифорнии, началось серьезное обсуждение того, как сообщества могут решить проблему сексуальных домогательств и изнасилований. Документальный фильм был использован в качестве инструмента как для распространения информации, так и для создания виртуального пространства, в котором пострадавшие могут обмениваться опытом.

Расследование было создано журналистами Центра журналистских расследований, Univision, Frontline, Расследовательским

отделом в Школе журналистики университета Беркли. Первоначально фильм посмотрели 3,3 миллиона человек. При дополнительном активном обсуждении через Интернет, ежедневные газеты и общественное радио общая аудитория достигла «более 6 миллионов человек»⁶.

Результатом фильма на макроуровне стало разбирательство этой проблемы в Комиссии США по соблюдению равноправия при трудоустройстве, а также принятие в Калифорнийском Сенате законодательных мер, касающихся контрактов при найме на работу в сельскохозяйственный сектор и сексуальных домогательствах.

К мезоуровню можно отнести в первую очередь более 100 скринингов пленки в Соединенных Штатах. Фильм показывали на CNN, MSNBC, Ramos, Premier Impacto; было обсуждение фильма на радиостанциях NPR, PRI, WNYC, KQED, KPCC, KGO, KIQI; в печатных СМИ подробные обзоры опубликовали «The New York Times», «Bloomberg Businessweek», латинская «Times», «San Diego Union-Tribune», «Huffington Post». На этом уровне также можно выделить получение таких наград, как премия Фонда им. Альфреда ДюПонта и Калифорнийского университета, национальная премия им. Эдварда Мюрроу и премия им. Роберта Кеннеди за существенный вклад в борьбу за права человека.

Микроуровень или индивидуальные реакции включали комментарии от зрителей, которые контактировали с репортерами, чтобы передать, как фильм затронул их. Согласно данным исследования Л. Грин-Барбер, более 100 твитов, включая тексты на испанском языке, было зафиксировано с названием фильма и более 150 – с названием сайта с фильмом «Cironline.org» и словом «изнасилование». «...приблизительно 7,75 млн человек видели эти твиты»⁷. Более 25 000 человек заходили на страницу о фильме в социальной сети Фейсбук.

Анализ этого фильма-расследования показал три ключевых момента.

Во-первых, материал продемонстрировал, что государственные деятели и законодательные органы умышленно игнорировали эту проблему, не желая принять поправки и защитить права иммигрантов. Высшая школа журналистики университета Беркли признала этот фильм заслуживающим доверия. Кроме того, поскольку фильм был выпущен на двух языках, испанском и английском, испаноязычное сообщество также признало этот фильм надежным источником информации.

Во-вторых, данный фильм стал чрезвычайно эффективным инструментом для обсуждения этой проблемы в интернет-сообществах. По результатам фильма активизировалось движение

правозащитных организаций, кризисные центры смогли использовать материал для создания новых проектов по изменению законодательства. Массовое обсуждение породило ощутимое давление на государственные органы.

В-третьих, выясняется, что между приданием расследовательского проекта гласности и его общественным действием должно пройти определенное время. Как показала практика, значительные изменения, в том числе на законодательном уровне, произошли не в первую неделю, и даже не в первый месяц после выхода фильма. Этот процесс занял несколько месяцев: сначала произошли изменения на микроуровне, которые привели к изменениям на мезоуровне, и только потом чиновники вынуждены были принять меры под давлением общества.

* * *

Исторические примеры и современная практика неоднократно доказывали, что расследовательская журналистика имела и имеет влияние на современное общество. Аудитория доверяет расследовательским центрам, цель которых – изменить жизнь к лучшему, добиться справедливости, осудить правонарушителей. Таким образом, очевидно, что журналистские расследования выполняют ряд важнейших социальных функций и по-прежнему остаются востребованными в современном мире.

Примечания

- ¹ Longreads. [Электронный ресурс] URL: <https://longreads.com> (дата обращения: 13.02.2017).
- ² *Green-Barber L.* Offline Impact Indicators Glossary [Электронный ресурс] // URL: http://www.mediaimpactproject.org/uploads/5/1/2/7/5127770/offline_impact_indicators_glossary.pdf (дата обращения: 23.01.2017).
- ³ Ibid.
- ⁴ *Anton L., Braga M., Cormier A.* Insane. Invisible. In danger. [Электронный ресурс] // Tampa Bay Times. URL: <http://www.tampabay.com/projects/2015/investigations/florida-mental-health-hospitals/> (дата обращения: 01.03.2017).
- ⁵ Rape in the Fields. [Электронный ресурс] // PBS. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/frontline/film/rape-in-the-fields/> (дата обращения: 06.07.2015).
- ⁶ *Green-Barber L.* Waves of Change: The Case of Rape in the Fields [Электронный ресурс] // URL: <https://www.documentcloud.org/documents/1278731-waves-of-change-the-case-of-rape-in-> (дата обращения: 05.02.2017).
- ⁷ Ibid.

История публицистики. Риторика

Ю.Г. Бит-Юнан

Образ В.С. Гроссмана в публицистике А.И. Солженицына 1970-х гг.

Автор статьи изучает характер упоминаний о В.С. Гроссмани в публицистике А.И. Солженицына 1970-х гг. Исследователь доказывает, что семантику и прагматику суждений Солженицына можно описать, только сопоставив их со свидетельствами в других источниках.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, А.И. Солженицын, публицистика, мемуары, критика, реценция.

В словарных статьях советского периода, посвященных жизни и творчеству В.С. Гроссмана, много недосказанности. Там нет упоминаний о намерениях Гроссмана сделать из романа «Степан Кольчугин» грандиозное эпическое произведение, которое должно было превзойти по объему и историческому охвату «Тихий Дон»¹, ни слова не сказано о причинах критики романа «За правое дело» в советской прессе, как нет информации о том, что роман этот был-таки завершен². Но кроме прочего, там скрыт сам характер литературного пути автора. А путь этот весьма драматичен и представляет собой интригу.

Как известно, 14 февраля 1961 г. рукописи романа «Жизнь и судьба» были арестованы, а спустя несколько лет некие микрофильмы, на которых был текст романа, оказались за границей. В 1975–1976 гг. в ряде эмигрантских журналов публиковались отдельные главы – в 1980 г. появилось книжное издание³. Если судить по немногочисленным рецензиям на книгу, критики долгое время не решались обсуждать роман, поскольку опасались за неприкосновенность авторитета А.И. Солженицына – литературного кумира русского зарубежья. Оправданны были те опасения

или нет, судить сложно, но бесспорно то, что популярность автора «Архипелага ГУЛАГ» была близка к фантастической, о чем свидетельствует 800-страничный индекс работ о нем⁴ (Гроссману о такой известности не приходилось и мечтать). Однако, несмотря на то что вслед за работами о Солженицыне уже появились работы об истории изучения Солженицына, до сих пор нет академической статьи, в которой было бы изучено отношение Солженицына к Гроссману. И это странно: проблема ведь была обозначена критиками. Подобная лакуна есть и в «гроссмановедении»: отзывы Гроссмана о Солженицыне не комментировались. Задача настоящей статьи – устранить эти пробелы.

* * *

Лично знавшие Гроссмана не раз утверждали, что тот восхищался А.П. Чеховым и Л.Н. Толстым⁵. Критики спорили о характере отражения горьковской традиции в сочинениях Гроссмана. Одни говорили, что он у пролетарского классика учился – другие обвиняли Гроссмана в том, что он подражал своему наставнику – причем далеко не всегда удачно⁶. Но одно оставалось бесспорным – литературный авторитет Горького оставался для Гроссмана непоколебим. Дочь Гроссмана упоминала о его дружбе с писателями менее известными, вроде М.А. Светлова⁷. Но в этом ряду никогда не появлялось имени Солженицына. С одной стороны, понять это нетрудно: Солженицын пришел в литературу в 1962 г., уже после ареста гроссмановского романа, поэтому их встреча была маловероятной. Гроссман был мастером военной прозы, а Солженицын – дебютантом, и проблематика его прозы была совершенно иной.

Сохранилось лишь два фрагмента воспоминаний, по которым можно судить о заочной симпатии Гроссмана к младшему товарищу. Первым об этом написал поэт и переводчик С.И. Липкин в мемуарах «Жизнь и судьба Василия Гроссмана»: «Однажды он позвал меня к себе и с ликованием, неожиданным для меня, дал мне рукопись. Это был рассказ, напечатанный с одним интервалом на папиросной бумаге. Имени автора не было, рассказ был озаглавлен каторжным номером зека. Я сел читать – и не мог ни на миг оторваться от этих тоненьких помятых страничек. Читал с восторгом и болью. Гроссман то и дело подходил ко мне, заглядывал в глаза, восторгался моим восторгом. То был “Один день Ивана Денисовича”. Гроссман говорил: “Ты понимаешь, вдруг там, в загробном мире, в каторжном гноище рождается писатель. И не просто писатель, а зрелый, огромный талант. Кто у нас равен ему?”»⁸.

Как то обычно бывает с мемуарами Липкина, они не столько дают ответы, сколько порождают вопросы. В частности, непонятно, откуда у Гроссмана взялся будущий «Один день Ивана Денисовича». Зато приводились детали драматичного свойства: текст был отпечатан «на папиросной бумаге», а «странички» были «помяты». Это, видимо, должно было служить намеком на то, что копия с не легализованного еще текста была так же снята незаконно, утайкой. Печатали на чем пришлось.

Липкин продолжает: «О Солженицыне более подробно Гроссман узнал от сотрудницы “Нового мира” Анны Самойловны Берзер. Он почему-то ждал, что Солженицын придет к нему, хотел встречи с ним. Но им так и не суждено было встретиться».

Менее подробно, но еще более эмоционально и проникновенно писала об уважении Гроссмана к Солженицыну сама А.С. Берзер. Она вспоминала, что, даже находясь в онкологическом диспансере, Гроссман «очень часто» спрашивал: «Как Солженицын?»⁹. И далее:

«Появление его встретил восторженно.

– Изумительная вещь, – сказал он».

Примечательна еще одна деталь в воспоминаниях Берзер: «Все годы, что я работала в редакции, я носила рукописи в прозрачной “авоське”. И Солженицына, и всякую муру – “авоська” была одна». Следовательно, можно предположить, что именно от Берзер Гроссман и получил рукописи «Щ-854». Можно также было бы предположить, поверив Липкину, что Гроссман не случайно надеялся на встречу с Солженицыным, коль скоро между ними был посредник. Однако это уже область слабых предположений. И, к сожалению, этим ограничивается наше знание.

* * *

Гораздо плодороднее другая сторона вопроса – отношение Солженицына к Гроссману.

Впервые об авторе «Жизни и судьбы» Солженицын написал в цикле очерков «литературной жизни» – «Бодался теленок с дубом», впервые изданном в Париже в 1975 г.¹⁰ И даже случайные упоминания о Гроссмане представляют для его исследователей большой интерес. Практически все они касаются обстоятельств ареста рукописей «Жизни и судьбы».

Так, по словам Солженицына, в 1965 г., после ареста А.Д. Сиявского и Ю.М. Даниэля, он задался целью вернуть из редакции «Нового мира» свой роман «В круге первом», где тот находился на рассмотрении. Слишком высок был риск, что с рукописью что-то произойдет. Недоверие же к новомирскому сейфу было небеспоч-

венным: «Я вижу лучше! я вижу дальше! я решил! Я помню, как роман Гроссмана забрали именно из новомирского сейфа»¹¹.

Эта небольшая ремарка будто не была замечена гроссманистами. Когда речь заходит об истории ареста «Жизни и судьбы», все чаще ссылаются на воспоминания Б.С. Ямпольского, Б.Г. Закса¹² и С.И. Липкина. Свидетельство же Солженицына было опубликовано раньше, нежели указанные. Но главное, в нем – ни слова о том, что рукописи хранились и в редакции журнала «Знамя». А именно это обстоятельство считается общим местом в работах о Гроссмани. Но Солженицын будто настаивает, что рукопись была изъята «именно из новомирского сейфа». Можно бы предположить, что Солженицын не знал о существовании еще нескольких экземпляров романа в редакции «Знамени» (о том, что они там были, свидетельствуют протоколы обыска, проведенного в квартире Гроссмана 14 февраля 1961 г.¹³). Но подобного рода происшествия не сохраняют качества секретности: все-таки свидетелей было много. Да и сама манера повествования указывает на то, что история с арестом рукописей «Жизни и судьбы» считалась общеизвестным прецедентом. Солженицын явно не считал необходимым объяснять, о каком романе и какого именно Гроссмана идет речь. Более того, сам Солженицын при аресте не присутствовал. Следовательно, узнал о случившемся от кого-то. И все же эти сведения приобрели для него свойство факта и как бы стали частью его личных воспоминаний. Было бы странно предположить, что за все это время ни разу никто не рассказал, что «Жизнь и судьба» рассматривалась и редколлегией «Знамени», или что Солженицын попросту забыл об этом. Поэтому, если логический акцент – на слове «именно», можно рассматривать версию, что Солженицын намекал, будто кто-то в редакции «Нового мира» поспособствовал тому, чтобы роман был изъят из сейфа. Если же смысловой акцент на слове «забрали», то, вероятно, намек был другого рода: из одной редакции рукопись «забрали», а из другой – «получили». В таком случае Солженицын выступал в защиту «Нового мира», сейфу которого, тем не менее, не доверял.

Солженицын причисляет Гроссмана к неординарным советским писателям, публиковать которых было рискованно¹⁴. Однако сказать, что он был для Солженицына литературным авторитетом, было бы неверно. Летом 1966 г. в редакции «Нового мира» проходило обсуждение солженицынской повести «Раковый корпус». Автор вспоминал следующее: «И даже нависание над раковым корпусом лагерной темы, прошлый раз объявленное им вполне естественным, теперь было названо “литературным, как Гроссман писал о лагере по слухам” (Я о лагере – и “по слухам”!)». Слово

«литературный» здесь, безусловно, употреблено в качестве эффе-мизма. Подразумевалось, что написанное Гроссманом о лагере по большей части выдумка, заимствованный опыт в художественном оформлении. Эта мысль впоследствии развивается. Рассказывая о личной, почти случайной, встрече с М.А. Суловым в Кремле в декабре 1962 г., Солженицын упоминает о предшествовавшей тому встрече Гроссмана с Суловым, отнюдь не случайной: «Кстати, 4 месяца перед тем, в июле 62-го, это именно Сулов вызвал В. Гроссмана по поводу отобранного романа: слишком много политики, да и лагеря понаслышке, кто же так пишет, несолидно. Твердел себе в кресле, уверен был: не понаслышке – никогда не будет, передушили. И вдруг такая радость ему – “Иван Денисович”!»¹⁵ Этот фрагмент нуждается в комментировании. Налицо тут – злорадство. Солженицын явно чувствовал себя победителем. И хотя злорадствовал он отнюдь не потому, что его опубликовали, а Гроссмана – нет, это может создавать некий эмоциональный диссонанс. Все-таки напечатать свой труд Гроссман стремился не меньше, а может, и больше, чем Солженицын. Но гораздо важнее то, что можно увидеть, только сопоставив это свидетельство с другими источниками. Воспоминания Солженицына носят, если так можно выразиться, селективный характер. Беседа Гроссмана с Суловым действительно состоялась 23 июля 1962 г., о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в РГАНИ¹⁶. Они не отражают содержания разговора Гроссмана с Суловым, однако есть другой источник. Вернувшись домой, Гроссман записал сказанное Суловым¹⁷. Если судить по этому конспекту, ни о какой «несолидности» речь не шла. Сулов упрекал Гроссмана за то, что тот изолировался от общества, погрузился в скепсис и апатию, рекомендовал ему вспомнить о своих прежних писательских удачах и вернуться к произведениям вроде «Степана Кольчугина» и «Народ бессмертен». Даже высказал пожелание увидеться с Гроссманом снова примерно через два месяца, чтобы обсудить с ним его творческие планы – но только не «Жизнь и судьбу». Если чего Сулов и не говорил, судя по гроссмановским записям, так это того, что писать о чем-то с чужих слов «несолидно». Содержание той беседы пересказывали и знакомые Гроссмана – Б.С. Ямпольский, Н.А. Роскина и С.И. Липкин. Но и они не упоминали об этих претензиях. Можно бы возразить, что они и не могли о них слышать, поскольку узнали обо всем от самого Гроссмана. Но наличие одного и того же источника в таком вопросе не страховка: мемуаристы очень часто совершенно иначе пересказывают одни и те же сведения, полученные от одного и того же человека. Гроссман мог бы умолчать о том

замечании – но к чему ему это? Ведь он знал, что аргумент, якобы приведенный Суловым, не имеет силы ни в области художественной литературы, ни в области документалистики. Гроссман не был заключенным в треблинском лагере смерти, но это ему не мешало написать очерк «Треблинский ад», который использовался как свидетельство против бывших глав партии НСДАП во время Нюрнбергского процесса¹⁸.

Более того, был среди написавших о конфискации «Жизни и судьбы» и последовавших за тем событиях тот, кто, вероятно, располагал сведениями (или слухами) из совершенно иного источника. Этим человеком был историк литературы Г.Ц. Свирский. Его книга «На лобном месте: At the place of execution: литература нравственного сопротивления (1946–1976)» вышла в 1979 г. Она, правда, порой напоминает не столько опыт научного исследования, сколько остро сюжетный роман по мотивам реальных событий. Рассказывая об обстоятельствах ареста «Жизни и судьбы», он не скупился на душераздирающие подробности. По его словам, конфискацией рукописей сотрудники КГБ не удовлетворились – вызвали якобы на Лубянку машинистку Гроссмана, «больную женщину». Да не просто так вызвали, а «бросили на следовательский конвейер», в результате чего «вырвали» у нее признание, все разузнали: «Сколько печатали экземпляров? Кто помогал?». После того «в разных областях СССР были проведены обыски – у родных, друзей, знакомых Гроссмана – и извлечены все экземпляры рукописи, черновики, записные книжки, даже ленты пишущих машинок». Но и этого ненасытному КГБ было мало – вызвали уже самого Гроссмана, допрашивал его некий «тучный гебист». Допросив же, достал из стола «последний, семнадцатый экземпляр» романа, изъятый «у двоюродного брата писателя», жившего в некоем «дальнем городе», и поучительно произнес: «Нехорошо быть неискренним перед органами»¹⁹.

Документами эта история, конечно, не подтверждается. Согласно протоколу обыска, двоюродный брат Гроссмана жил на Нижне-Сыромятнической улице в Москве, а не «в дальнем городе»; к машинисткам Гроссман поехал с гебистами сам – никакой большой женщины никто на Лубянку не вызывал и тем более на конвейер не «бросал»; более того, и акции всесоюзного масштаба по изъятию рукописей не проводилось: Гроссман дал подписку, что все экземпляры «Жизни и судьбы» сданы работникам КГБ. Об уголовной ответственности за дачу ложных показаний он не мог не знать. Труднее сделать выводы о комплекции гебистов. Быть может, кто-то из них действительно был «тучным».

Однако в контексте настоящей статьи интереснее другое. Встреча с Суловым также описана в книге: «Нет, – сказал он вежливо, почти благодушно, угощая писателя чаем, – это не то, что мы ждем от вас. Такую книгу можно будет издать, думаю, годиков через двести – триста... Мы не можем сейчас вступать в дискуссии, нужна или не нужна была Октябрьская революция». И все. Даже нарративное свободолобие Свирского не простиралось настолько далеко, чтобы выдумать или сообщить, будто Сулов упрекал Гроссмана, что тот о лагерях писал «понаслышке».

Поэтому остается заключить, что Солженицын либо получил информацию из какого-то другого источника, либо передал Сулову собственный аргумент против романа «Жизнь и судьба», главы которого как раз вышли в печать в 1975 г., когда Солженицын готовил к публикации «Бодался теленок с дубом». Согласно лично знавшему Солженицына В.Н. Войновичу, тот не любил конкурентов²⁰. А в лице Гроссмана он, вероятно, усматривал такового. Нельзя, впрочем, исключить и того, что о разговоре с Суловым кто-то узнал, придал содержанию беседы «творческое развитие», и до Солженицына дошла иная версия, которая показалась ему адекватной. Как бы то ни было, уже через несколько лет после появления «Бодался теленок с дубом» обвинения в «несолидности» учитывались критиками.

В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в первой же рецензии, написанной Е.Г. Эткиндром («Двадцать лет спустя», 1979 г.), роман «Жизнь и судьба» сравнивался именно с «Архипелагом ГУЛАГ». Роднил две книги, согласно Эткинду, тот факт, что обе они были арестованы. Но еще важнее был контраст между ними. Критик утверждал, что «Архипелаг ГУЛАГ» был страшен власти именно тем, что это было документальное произведение: «...“художественное исследование” Солженицына ломится от фактов, от реальных судеб, от имен жертв и имен палачей». А вот роман Гроссмана поверг советскую власть в ужас вопреки тому, что документальным произведением не был – роман Гроссмана – «плод вымысла», и как раз в этом его первостепенная ценность: «Арест романа – наивысшая оценка, какую может заслужить художественное произведение от государственной власти. Вымысел приравнен к реальности»²¹.

Доказать, что ход мысли Эткинда был подсказан замечанием, воспроизведенным Солженицыным, невозможно. Однако и то обстоятельство, что среди многих достоинств «Жизни и судьбы» рецензент выбрал именно то, которое это замечание учитывает, не кажется случайным. Характерно и то, что Эткинд не считает

Солженицына беллетристом. Для него он документалист, в то время как Гроссман для Эткинда – действительно прозаик. Если же принять допущение, что Эткинд считал адресантом претензий к Гроссману не Сулова, а Солженицына, то история приобретает завершённый вид: критик просто-напросто использовал аргумент Солженицына против него же. Не исключено, что этого требовали культурно-политические условия: рецензии на роман «Жизнь и судьба» свидетельствуют, что книгу не признавали в первую очередь сторонники Солженицына²².

История интерпретации литературного наследия Гроссмана в публицистике Солженицына этим, впрочем, не ограничивается. В 1998 и 2003 гг. «Новым миром» были опубликованы две пространные статьи Солженицына о романах «За правое дело» и «Жизнь и судьба». Однако это – тема отдельного исследования.

Примечания

- ¹ См.: *Гроссман В.С.* Солдаты революции. Ч. 1. 2-я книга трилогии «Степан Кольчугин». М.: Гослитиздат, 1941.
- ² *Мунблит Г.Н.* Гроссман Василий Семенович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Стб. 398–399.
- ³ *Гроссман В.С.* За правое дело: Главы из второй книги романа // *Континент*. № 4. 1975. С. 179–216; *Он же*. За правое дело: Главы из второй книги романа // Там же. № 5. С. 7–39; *Он же*. Жизнь и судьба // Там же. 1976. № 6. С. 151–171; *Он же*. Жизнь и судьба // Там же. № 7. С. 95–112; *Он же*. Жизнь и судьба // Там же. № 8. С. 111–133; *Он же*. За правое дело: Отрывок из второго тома романа // *Грани*. 1975. № 97. С. 3–32; *Он же*. Жизнь и судьба. Lausanne: L'age d'homme, 1980.
- ⁴ Александр Исаевич Солженицын: материалы к биобиблиографии / Сост. Д.Б. Азиатцев. СПб.: Российская национальная библиотека, 2007.
- ⁵ См., например: *Роскина Н.А.* Памяти Гроссмана // *Роскина Н.А.* Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 108; *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М.: Книга, 1990. С. 66.
- ⁶ См., например: *Короткевич Г.* «Степан Кольчугин»: О новой книге В. Гроссмана // *Комсомольская правда*. 1938. 22 марта; *Котляр А.* «Степан Кольчугин» // *Литературное обозрение*. 1938. № 11. С. 9–14; *Четунова Н.И.* «Степан Кольчугин» // *Красная новь*. 1939. № 8–9. С. 301–312; *Рагозин А.* Детство и юность героя // *Литературный критик*. 1939. № 5–6. С. 181–196.
- ⁷ *Короткова-Гроссман Е.В.* О моем отце // *Сельская молодежь*. 1993. № 3. С. 48–50.
- ⁸ Здесь и далее: *Липкин С.И.* Указ. соч. С. 70–71.

- ⁹ Здесь и далее: *Берзер А.С.* Прощание. М.: Книга, 1990. С. 258–268.
- ¹⁰ *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. Paris: YMCA-PRESS, 1975.
- ¹¹ Здесь и далее: *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 114.
- ¹² *Ямтольский Б.С.* Последняя встреча с Василием Гроссманом // *Континент*. 1976. № 8. С. 133–155; *Закс Б.Г.* Немного о Гроссмане // *Континент*. 1980. № 26. С. 352–364.
- ¹³ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 17.
- ¹⁴ См.: *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁵ Там же. С. 327.
- ¹⁶ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 250. Л. 27.
- ¹⁷ См.: Беседа Василия Гроссмана с М.А. Суловым // *С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана*. М.: Сов. писатель, 1991. С. 83–88.
- ¹⁸ *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. P. 212–213.
- ¹⁹ *Свицкий Г.Ц.* На лобном месте: At the place of execution: литература нравственного сопротивления. L.: Overseas Publications Interchange, 1979. С. 253–255.
- ²⁰ См.: *Войнович В.Н.* Портрет на фоне мифа. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.
- ²¹ *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя // *Время и мы*. 1979. № 45. С. 7.
- ²² *Бит-Юнан Ю.Г.* Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в литературной критике и публицистике русского зарубежья 1980-х гг. // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2016. № 4 (13). С. 58–71.

Д.А. Щербаков

Публицистика Н.Г. Чернышевского
в оценке А.В. Луначарского

Статья посвящена анализу статей А.В. Луначарского о Н.Г. Чернышевском. В этих статьях Луначарский пытался повысить литературный статус автора романа «Что делать?», доказать, что он – хороший писатель. Делается вывод о двойственности статей Луначарского: с одной стороны, в них утверждается, что Чернышевский – один из лучших писателей. Но, с другой стороны, это утверждение почти всегда сопровождается оговорками. В итоге смысл статей Луначарского о Чернышевском сводится к расхожему дореволюционному мнению о том, что автор «Что делать?» прежде всего пропагандист, и только во вторую очередь писатель.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, роман «Что делать?», литературная репутация, русская журналистика середины XIX в., А.В. Луначарский.

Среди «предшественников» большевиков по «революционному движению в России» В.И. Ленин называл и Н.Г. Чернышевского¹. После того как большевики взяли власть, началась канонизация Чернышевского-революционера. Однако далеко не все советские идеологи и историки литературы готовы были разглядеть в Чернышевском не только пропагандиста, но и писателя. Причина тому – негативное отношение к Чернышевскому-писателю в дореволюционной России. Так, например, Г.В. Плеханов в 1894 г. писал, что «роман действительно очень тенденциозен, художественных достоинств в нем очень мало»².

Мнение читателей и критиков романа «Что делать?» сводилось в целом к тому, что Чернышевский хороший пропагандист и публицист, но плохой писатель.

Первым после установления советской власти за Чернышевского вступился руководитель Народного комиссариата просвещения А.В. Луначарский. Талантливый публицист, Луначарский привлекал внимание читателя эффектными формулировками. Он, казалось бы, провоцировал спор: «Может быть, вам покажется парадоксальным, если я скажу, что Чернышевский – великий писатель-беллетрист и что не только его произведения глубоко захватывающи и художественно полноценны, но что они, быть может, являются наилучшими образцами того романа, который нам нужен»³.

Луначарский рассуждал о романе, «который нам нужен», подразумевая под «нами», естественно, большевиков. На уровне прагматики подразумевался тот же тезис, что и формулировал Ленин: если бы Чернышевский «писал бездарно и примитивно»⁴, был бы плохим писателем, его книга не изменила бы жизнь сотен и тысяч других людей.

Молодежь, согласно Луначарскому, не читает роман «Что делать?» не только в силу неосведомленности. Один из важнейших факторов – именно литературная репутация. Из-за нее «продолжает иметь место пренебрежительно-эстетское отношение к художественным произведениям самого Чернышевского»⁵. Нарком акцентировал: «Будет преступлением с нашей стороны, если мы не ознакомим сейчас с Чернышевским нашу молодежь, я глубоко убежден в том, что молодежь проходит мимо него потому, что просто не знает его»⁶.

Согласно Луначарскому, предубеждение в отношении художественных достоинств произведений Чернышевского нужно устранить. Читателей не заинтересует книга Чернышевского, если и дальше будет принято считать, что «художник он, конечно, слабенький; беллетристические его произведения – нечто вроде басни, – в них важна мораль, содержание; автор обернул эту пилюлю в золотую бумажку, чтобы приняли ее за вкусную конфетку, но, в сущности говоря, получается вовсе невкусно. Идеям, высказанным в романе “Что делать?”, Чернышевский придал беллетристическую форму, потому что он хотел обмануть “черного медведя”, хотел, чтобы цензура пропустила эти мысли в печати»⁷.

Примечательно: Луначарский настаивал, что многие критики неслучайно считают роман примитивным. Некоторые основания есть: «Виновником того, что установилась такая, в корне неверная, точка зрения, нужно считать в некоторой степени самого Чернышевского»⁸.

Речь шла о суждениях повествователя в романе «Что делать?», сообщавшего, что сам он талантом не обладает, да и не нужен он

для решения поставленных задач. Понятно, задач пропагандистских. Отсюда следовало, что коль скоро автор сам признался в собственной бездарности, то так оно и есть. Но, во-первых, автор повествователю не тождествен. Во-вторых, подобного рода признание – художественный прием. Соответственно Луначарский постулировал: «Роман “Что делать?” великолепно построен...»⁹.

Луначарский акцентировал, что использованный автором прием – функционален. Не вызывает сомнений и функциональность книги в целом, значит, «на этом романе можно учиться тому, как заинтересовать читателя, как подготовить его к дальнейшему изложению. Чернышевский во время заключения в Петропавловской крепости проделал большую умственную архитектурную работу, чтобы построить это изумительное здание»¹⁰.

Спорил нарком и с критиками, настаивавшими, что герои романа изображены схематично, не выглядят живыми людьми. Таковым признавали, главным образом, Рахметова. Мнения подобного рода Луначарский объявил необоснованными: «Но разве в русской литературе есть положительный тип более грандиозных размеров, чем Рахметов? Разве Рахметов не живет той же вечной жизнью, что Чацкий, Печорин и т. д.»¹¹

Привлекательность героя, его деятельность как образец для подражания – главный аргумент. Споря с теми, кто считал образ Рахметова психологически неубедительным, Луначарский утверждал: «А перечтите нежнейший и тончайший разговор его с Верой – и вы почувствуете тогда, с каким тактом, с каким знанием своего почти целиком в воображении созданного героя подошел ко всему этому Чернышевский»¹².

Спорил нарком не только с литературоведами и критиками до советской эпохи. Анализировал и аргументы товарищей по партии. Прежде всего – А.А. Фадеева, весьма низко ценившего эстетический уровень романа «Что делать?».

Такого рода оценки, предложенные коммунистом, Луначарский счел неуместными именно с партийной точки зрения: «Более удивителен тот факт, что наша марксистская критика присоединилась не к восторженным похвалам десятков тысяч передовых читателей, считавших “Что делать?” “своим евангелием”, а как раз к наиболее свирепым его критикам из либерально-буржуазного и консервативного лагеря. Конечно, это относится не к содержанию романа»¹³.

Далее Луначарский перешел к анализу мнений конкретного оппонента. Не без иронии отметил: «Так, тов. Фадеев, один из крупнейших пролетарских писателей, осмеливается – я повторяю:

осмеливается – сказать, что романы Чернышевского находятся “вне литературы”. Я глубоко уважаю романы самого тов. Фадеева, но очень сомневаюсь, чтобы они имели больше прав на место в русской литературе, чем “Что делать?”...»¹⁴.

Луначарский был согласен с мнением о том, что автор романа «Что делать?» ставил перед собой, прежде всего, задачу убеждения. Он показывал читателям, зачем нужно жить, каким образом надлежит изменить свою жизнь, чтобы достичь поставленной цели. Изображение было важно ему лишь для убеждения, а не само по себе. Задачу он решил, следовательно, изображение было использовано функционально. Пусть Чернышевский откровенно тенденциозен, это и хорошо с точки зрения современности, ведь ныне «абсолютная бестенденциозность вряд ли достижима»¹⁵.

Согласно Луначарскому, не только Чернышевский ставил задачи убеждения. Они ставились едва ли не каждым писателем. Ведь «писатель часто сознает себя даже учителем жизни и считает себя учителем тем более ловким, чем меньше просвечивает у него идейная целеустремленность, чем больше образы говорят сами за себя»¹⁶.

Чернышевский, по словам Луначарского, не скрывал тенденциозность своего романа «Что делать?» не из-за того, что скрыть не умел. Скрывать постольку не хотел, поскольку ориентировался на вполне определенную читательскую аудиторию. При этом, решая пропагандистские задачи, он оставался именно писателем: «огромное большинство публицистов, нисколько не нарушая великолепнейших научных своих построений, являются в то же время художниками...»¹⁷.

Впрочем, были и писатели, которые, по мнению Луначарского, обгоняли Чернышевского по силе писательского дарования. Это, например, Л.Н. Толстой и А.М. Горький: «...у Горького больше жизни, Горький обладает более непосредственным художественным дарованием, чем Чернышевский. Но, позвольте, товарищи: быть слабее Горького еще не значит быть вообще слабым»; Толстой «неизмеримо больше даровит, чем Чернышевский, как художник. Чернышевский был гораздо более мощен как мыслитель»¹⁸.

Сравнивая Чернышевского с другими писателями, Луначарский пришел к тому, от чего хотел отойти в своих рассуждениях. По мнению наркома, «Чернышевскому не всегда удается создавать живую, незабвенную личность», «Чернышевский – не великий писатель, – если под великими разумеешь десять-двенадцать гигантов мировой литературы»¹⁹.

Собственно, общий смысл рассуждений Луначарского, пытавшегося защитить Чернышевского от критических нападок, восходящих к дореволюционному времени, свелся к тому же дореволюционному тезису: Чернышевский – в большей мере пропагандист и публицист, нежели писатель.

Примечания

- ¹ *Ленин В.И.* Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 25. С. 93–101; *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Там же. Т. 21. С. 255–262.
- ² *Плеханов Г.В.* Н.Г. Чернышевский и его время // Плеханов Г.В. Собр. соч. М.: Гос. изд-во, 1924. Т. 5. Кн. 1. С. 115.
- ³ *Луначарский А.В.* Чернышевский как писатель // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1963. Т. 1. С. 245.
- ⁴ *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 103–104.
- ⁵ *Луначарский А.В.* Романы Н.Г. Чернышевского // Чернышевский Н.Г. Избр. соч.: В 5 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. Т. 5. С. 7.
- ⁶ *Луначарский А.В.* Чернышевский как писатель. С. 255.
- ⁷ Там же. С. 245.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 248.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Луначарский А.В.* Романы Н.Г. Чернышевского. С. 11.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 6–7.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 9.
- ¹⁸ Там же. С. 11; *Луначарский А.В.* Н. Чернышевский и Л. Толстой // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 232.
- ¹⁹ *Луначарский А.В.* Романы Н.Г. Чернышевского. С. 11; *Он же.* Чернышевский как писатель. С. 247.

Прагматика мерзкого: дистрибуция негативизмов в современном медиатексте

В статье рассматривается функционирование синонимичных негативно оценочных прилагательных в текстах идеологически противоположных изданий. Автор показывает, что экспрессивные негативизмы количественно преобладают в прокоммунистической, националистической газете «Завтра», публицисты которой активно используют подобную лексику для саркастической имитации речи политического противника. В либеральной, прозападнической «Новой газете» число и разнообразие негативных эпитетов несколько меньше, они чаще служат для прямой отрицательной оценки различных явлений. В целом применение негативизмов способствует созданию общей агрессивной тональности в современной массовой коммуникации.

Ключевые слова: негативная оценочность, эпитет, экспрессия, медиатекст, ирония, газета «Завтра», «Новая газета».

Статья посвящена анализу функционирования в современном русском медиатексте прилагательных, составляющих синонимический ряд с доминантой *отвратительный*: *отталкивающий, гадкий, противный, омерзительный, мерзкий, мерзостный, отвратный, богомерзкий, пакостный, мерзопакостный, поганый, паскудный, гадостный, тошнотворный, тошнотный, тошный, муторный* – по словарю синонимов З.Е. Александровой¹.

Почему именно эти слова привлекают внимание? Нельзя не согласиться с исследователями медиатекста, отмечающими экспансию негативизмов в СМИ последних десятилетий. Этот процесс рассматривается как часть более общей тенденции – негативизации эмоционального фона массовой коммуникации,

активного использования таких средств воздействия на аудиторию, как «демагогия, агрессивность, скандальная эпатажность, фамильярность, пошлость»². В.И. Шаховский пишет даже о «безраздельном доминировании» отрицательно заряженной лексики³. Принимая идею перехода количества в качество, можно предположить, что активное использование журналистами слов с негативной коннотацией (пейоративов, негативизмов) не может не оказывать воздействия на общественное сознание. Исходя из этого интересно рассмотреть конкретные речевые ходы, которые применяют авторы публицистических текстов с целью формирования у аудитории отрицательного отношения к тем или иным явлениям действительности.

Исследование проводилось на материале изданий «Завтра» и «Новая газета» 2016 г. Сопоставимость источников определяется форматом СМИ (еженедельная общественно-политическая газета), четкостью идейной позиции каждой редакции («Завтра» – националистическая, имперско-коммунистическая, «Новая газета» – либерально-демократическая) и яркостью публицистического стиля постоянных авторов. Анализировались интернет-версии обеих газет, включающие в себя не только электронный вариант бумажных выпусков, но и авторские блоги, а также читательские комментарии. Представляется, что стилистический портрет современных медиа уже не может быть написан без учета интернет-среды функционирования СМИ и порождаемых ею новых дискурсивных эффектов, таких как взаимная «стилевая подзарядка» журналиста и комментирующего его публикацию читателя.

Количественные данные за январь–октябрь 2016 г. таковы⁴:

Слово	«Завтра»	«Новая газета»
<i>отвратительный</i>	77	76
<i>мерзкий</i>	85	62
<i>поганый</i>	71	12
<i>омерзительный</i>	48	21
<i>гадкий</i>	36	13
<i>богомерзкий</i>	12	–
<i>отвратный</i>	8	1
<i>тошнотворный</i>	10	5
<i>мерзостный</i>	5	2
<i>мерзопакостный</i>	7	1

Слово	«Завтра»	«Новая газета»
<i>паскудный</i>	5	5
<i>гадостный</i>	4	–
<i>муторный</i>	6	–
<i>тошнотный</i>	–	–
<i>тошный</i>	1	–

Приведенные показатели демонстрируют несколько большую склонность журналистов «Завтра» по сравнению с авторами «Новой газеты» к агрессивной негативизации реальности. Относительно сдержанное определение *отвратительный* используется в обоих изданиях почти с одинаковой частотой; резкие, подчеркнuto сниженные *мерзкий, омерзительный, гадкий* активнее в речевом арсенале публицистов «Завтра». При этом не обнаруживается ни одного слова из рассматриваемого синонимического ряда, которое применялось бы публицистами «Новой газеты» активнее, чем авторами «Завтра».

Относительно высокая частотность в текстах газеты «Завтра» прилагательного *поганый* вполне объяснима: одно из значений этого слова – «нечистый с религиозной точки зрения (первоначально – нехристианский, языческий)»⁵ – актуально для издания, пропагандирующего традиционные русские ценности, в первую очередь – православие, и подчеркивающего, что Россия окружена врагами-иноверцами.

Прилагательное *поганый* характерно для авторских блогов православных публицистов – текстов, намеренно стилизованных под русскую старину: «Сам Илия, что Муромец, к князю Владимиру на поклон ходил, попутно Соловья Разбойника вразумляя, люд православный обороняя. Посадил в темницу богатыря князь Красно Солнышко. Исполинской силы – по благословению Святогора – у Илюши не поубавилось. Но Земле Русской от поганых набегов пострадать всё ж ещё пришлось. Да что там, и теперь она страдает, от глумливых, в Раде ретиво на трибуне восседающих, летописными текстами пренебрегающих» (З. 3.01.2016). Слово *поганый*, обладающее собственной патетичностью в качестве обозначения презираемого говорящим идейного врага, естественно вписывается в эмоционально насыщенный поэтический контекст:

И мир удивляется чуду, от счастья хмелея,
А всадник копьём поражает поганого змея!
(З. 6.10.2016)

Несколько реже прилагательное функционирует в текстах сугубо современной тематики, вне связи с историческими ассоциациями и без аллегорического плана, – как разговорное со значением «мерзкий, отвратительный, скверный»⁶: «Прокурор Князев... вернулся ровно через десять минут, уж не знаем, с кем советовался, но выдал нечто такое, что невозможно объять ни логикой, ни простым здравым смыслом: “В соответствии с частью второй статьи 49 у суда есть право по допуску одного из близких родственников в качестве защитника. Судом были рассмотрены аналогичные ходатайства. В связи с чем оснований для удовлетворения ходатайства не имеется”. Ах, какое разочарование! И лицо приличное, и фамилия симпатичная, а должность – поганая должность служки и сошки – обязывает. Обязывает ко лжи, к извращению законов, к попиранию их» (З. 6.11.2016).

В данном случае внутренняя энергия пейоратива усиливается общей иронической тональностью, сопровождаемой использованием приемов экспрессивного синтаксиса – восклицательной конструкции, антитезы, парцелляции, повтора, многосоюзия и др. Для публицистов газеты «Завтра» вообще типична установка на то, чтобы не экономить на средствах выразительности, создавать своего рода «стилистические сгущения», способные оказать на читателя сильное эмоциональное давление.

В текстах «Новой газеты» прилагательное *поганый* встречается преимущественно в именах собственных (*Поганая лужа* – историческое название Чистых прудов), фразеологизмах (*поганой метлой*), цитатах («слопала-таки поганая, гнившая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка» – слова А. Блока), в прямой речи персонажей – как бранное слово (в одном ряду с «сухой» и «пьяню»).

Показательным представляется употребление прилагательного *поганый* в качестве единицы исторически и идеологически закрепленного словаря. Так, режиссер К. Гинкас, отвечая на вопрос журналиста о своем образе жизни в 1960-х гг., восклицает: «Да вы что! Я?! Чтобы принципиальный, творческий человек ходил в эти поганые буржуазные рестораны?» (11.05.2016), а фотограф и публицист Ю. Рост вспоминает, как некогда сам отговаривал О. Иоселиани от переезда во Францию: «Контраргументы мои были традиционны: ты оторвешься от среды, тебе там будет одиноко, ты потеряешь зрителя и станешь неизбежно поганым буржуазным типом» (5.08.2016). В обоих случаях слово *поганый* служит маркером советского лексикона и советского же сознания, сегодня иронически переосмысленного говорящим.

Встречается прилагательное *поганый* и в контексте сугубо ироническом (что порой предопределяется самим жанром публи-

кации), например в поэтическом фельетоне Дм. Быкова: «К нам Эрдоган не может дозвониться, не может дозвониться Эрдоган! Российский вождь не хочет разговора, турецкий лидер для него поган» (НГ. 8.02.2016). В данном случае не являющаяся узуальной для современного русского литературного языка краткая форма прилагательного⁷ не только обеспечивает рифму с фамилией турецкого президента, но и дает – с точки зрения образованного читателя – дополнительный комический эффект.

Применение в текстах газеты «Завтра» прилагательного *богомерзкий* в целом аналогично использованию в этом СМИ слова *поганый*. Авторы также эксплуатируют ассоциативный фон слова, прежде всего – религиозно-исторический: «Вскоре грянет богомерзкий раскол – час, когда завладел Русью Святой великий нечестивец и лжец, распространяя повсюду зловонные миазмы никонианско-папезжской ереси» (З. 12.08.2016). Встречается слово *богомерзкий* и как средство резко негативной оценки современных явлений: «Это как российские правители презирают свой народ, свою отеческую речь, чтобы дозволить такое, когда по радио и телевидению, в поездах, самолетах, автобусах денно и ночью звучат уголовно-жаргонные, богомерзкие “песенки”...» (З. 28.04.2016).

Прилагательное *отвратительный* в материалах обеих газет используется преимущественно в значении «очень плохой, скверный»⁸, без иронического переосмысления. *Отвратительными*, с точки зрения публицистов, могут быть различные физические объекты, социальные и психологические явления. Объединяет представителей двух идеологически противоположных СМИ и восприятие официальной власти как носителя отвратительных свойств. Так, «Завтра» пишет об «отвратительном исполнении чиновниками своих обязанностей» (З. 18.04.2016), а в «Новой газете» писатель А. Найман включает в свои рассуждения цитату из О. Мандельштама: «Мир, мягко говоря, далек от идеала, власть, как сказал поэт, “отвратительна, как руки брадобрея”, и я не верю ни в одно из предлагаемых кем бы то ни было средств к улучшению» (НГ. 13.04.2016).

Аргумент к авторитету использует и «Завтра», но уже при характеристике внешнего врага: в газете приводятся (и выносятся в заголовок публикации) слова А.С. Пушкина о Соединенных Штатах Америки: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве» (З. 9.02.2016).

Уже упоминавшийся прием – использование экспрессивной лексики как характерного слова чужого словаря – применяется и

авторами газеты «Завтра». Слово *гаджий*, употребленное в саркастическом контексте, становится воплощением ложной системы ценностей, искаженной картины мира: «Вот мы в 90-е годы с энтузиазмом рушили свою промышленность, превращали гаджие совковые цеха в стильные западные лофты» (З. 23.01.2016); «И то сказать, это прежде, в проклятые сталинские времена, в “кадрах” сидели гаджие гебисты, с помощью своих коварных сексотов копили на людей убийственные досье, краткой версией которых была трудовая книжка. Но “черные дни миновали”, и теперь, в эпоху privacy и прав человека, все стали цивилизованно-анонимными и прогрессивно-неуловимыми» (З. 21.07.2016). В приведенных фрагментах *гаджие совковые цеха* и *гаджие гебисты* – «аксиологические перевертыши». Читателю «Завтра» понятно, что речь идет об эффективно работавших советских предприятиях и честных сотрудниках органов госбезопасности.

Та же семантическая трансформация характерна и для ряда материалов с использованием прилагательного *мерзкий*. В статье, направленной против М. Симоньян – главного редактора телеканала RT и международного информационного агентства «Россия сегодня», воспринимаемой редакцией «Завтра» как воплощение беспринципной, сервильной журналистики, приводятся ее слова о том, что на российских выборах «все равно победят фашисты», поэтому приходится терпеть фальсификации. Комментарий журналиста патриотического издания звучит так: «Видимо, до тех пор, пока охрану прогрессивной интеллигенции от мерзкого русского быдла не возьмёт на себя американская морская пехота» (З. 7.01.2016).

Речь идеологического противника, бездумно восторгающегося западной цивилизацией, имитируется и в следующем утверждении: «Всё, что можно было прочесть плохого или просто не феерически прекрасного о Западе, – всё это решительно отвергалось как мерзкая в своем убожестве совковая агитка, придуманная большевиками, чтобы спрятать от народа земной рай – Запад» (З. 2.02.2016).

С моделированием чужой и чуждой картины мира в газете «Завтра» тесно связана и лингворефлексивная функция экспрессивных негативизмов. Они применяются для краткой и однозначной характеристики враждебного лексикона – прежде всего либерально-западнического: «Вчера, например, “зачесалось” после очередного участия (в качестве зрителя перед телеэкраном) в ток-шоу (Боже, что за гадкое слово!) Владимира Соловьёва» (З. 12.02.2016); «Так вот о так называемом “простом народе” (волей-неволей приходится употреблять эту мерзкую либеральную фразочку) либерализм никоим образом не печется, потому как “простой народ” ни одному либералу на самом-то деле не интересен» (З. 29.08.2016).

Текстам «Новой газеты» подобные речевые маски свойственны в несколько меньшей степени. Журналисты чаще используют негативизмы в прямом значении, выражая собственное мнение или разделяя позицию собеседника. Стилистическая сниженность, поддерживаемая контекстом, создает впечатление документальной речевой достоверности («языка улицы»), стимулирует сопереживание: «Мы сегодня вдоволь выслушали про себя от клиентов, начальства, сотрудников ГИБДД и той мерзкой тетки-кондукторши, что вертела нашу тысячерублевку как кусок собачьего дерьма» (НГ. 12.01.2016).

Мощный эмоциональный заряд определений-негативизмов усиливает испытываемые читателем гнев и возмущение: «В конце 95-го я попал в плен к федералам, увезли в Чернокозово по 208-й статье. Избиение вместо допроса, избиение утром, ночью... У них была любимая мерзкая игра: кому-то приносят передачку, офицер ставит пакет у входа в барак, а заключенный должен проползти на четвереньках и взять пакет зубами» (НГ. 16.09.2016).

В отдельных немногочисленных случаях слово звучит из уст представителя противной стороны: «Приведу лишь малую часть наиболее характерных откликов, комментирующих, как двое россиян (на майке одного из них надпись: “Kaluga”) расправляются с “противником”. “Красавцы парни, покуражились от души”, “Бей мерзких бриттов!”...» (НГ. 13.06.2016).

Описанная дистрибуция характерна не для всех слов изучаемого синонимического ряда. Можно предположить, что по мере нарастания отрицательной экспрессии и после преодоления границы между литературным/нелитературным негативная лексика шире используется «по прямому назначению». Так, бранное просторечное прилагательное *паскудный*, которое может быть расценено как недопустимое на страницах СМИ стилистическое средство и на сайте газеты «Завтра» представлено исключительно в авторских блогах, несет исключительно инвективную нагрузку, освобождая читателя от необходимости угадывания намеков и понимания иронии. Публицисты называют *паскудными* явления аморальные и вредоносные, включая прилагательное в последовательно и однозначно негативный контекст: «А потом приходил новый агрессор или выползали из ниоткуда очередные БЕСЫ – паскудные “революционеры”, будь они прокляты. Их, впрочем, и проклял в свое время патриарх Тихон – вскоре после революции 1917 года» (З. 7.10.2016).

В использовании слова *паскудный* не обнаруживается существенной разницы между приемами журналистов «Завтра» и «Новой газеты». Публицисты либерального направления тоже эксплуатируют его открытую инвективную экспрессию, позволяющую

балансируют на грани стилистически и этически допустимого, когда речь идет о «паскудном судебном антураже» советского периода (НГ. 4.04.2016), *паскудном* деле Магнитского (НГ. 18.11.2016), *паскудной* российской истории и современности (НГ. 14.03, 28.09 2016). Таким образом, различия в функционировании негативизмов в текстах противоположных по идеологическим установкам СМИ значительно более заметны при употреблении литературных и менее существенны – при использовании просторечных слов.

В целом сопоставительный анализ дистрибуции негативизмов в изданиях «Завтра» и «Новая газета» дает основания согласиться с Л.Р. Дускаевой в том, что в прокоммунистических изданиях протестность эксплицирована ярче, более того – «она значительно выше и агрессивнее, чем в “Новой газете”»⁹.

Исследование, проведенное некоторое время назад с привлечением части того же эмпирического материала¹⁰, позволяет утверждать, что при оперировании лексикой высокого стиля журналисты газеты «Завтра» склонны к использованию в первую очередь ее риторических, патетических возможностей. Авторы же «Новой газеты» эксплуатируют преимущественно потенции, связанные со стилистическим диссонансом, комический эффект, возникающий при помещении высокого слова в сниженный контекст.

Употребление экспрессивных негативизмов дает своего рода «зеркальный» эффект: «Новая газета» применяет их прежде всего как один из риторико-патетических ресурсов, а газета «Завтра» нередко добивается при их использовании эффекта саркастического, делает такую лексику частью пародийного речевого портрета идеологического противника.

Выявленные тенденции требуют дальнейшего анализа и осмысления. Подобные изыскания могут привести к описанию некоторых важных закономерностей, относящихся к прагматике словоупотребления в СМИ. Уже сейчас можно говорить о наличии в перформативном по своей природе медиадискурсе¹¹ не только семантически, но и прагматически ключевых слов, активно формирующих тональность как отдельного текста, так и коммуникативной среды в целом.

Примечания

¹ *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. 4-е изд.. М.: Русский язык, 1975. С. 326.

² *Дускаева Л.Р.* Медиастилистика в России: традиции и перспективы // Дускаева Л.Р. Стилистика медиатекста: Избранные статьи: 2010–2012 гг.

- СПб., 2012. С. 85. [Электронный ресурс] URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569906_8832.pdf (дата обращения: 07.08.2017). Автор цитируемой статьи ссылается также на следующие издания: Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В.М. Амиров, Л.В. Енина, Н.А. Купина и др. Екатеринбург: УрГУ, 1997; *Бессарабова Н.Д.* Оценка языка СМИ с точки зрения этических норм // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 4; *Сурикова Т.И.* Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МедиаМир, 2007; Этика речевого поведения российского журналиста / Под ред. Л.Р. Дускаевой. СПб.: Астерион, 2009; и ряд других исследований.
- ³ *Шаховский В.И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016. С. 153.
- ⁴ Данные, относящиеся к прилагательному *противный*, не приводятся в связи с их непоказательностью: в текстах преобладают устойчивые словосочетания *от противного*, *в противном случае*, в которых слово не выступает в качестве экспрессивного негативизма.
- ⁵ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. (Электронный ресурс) URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%8B%D0%B9&all=x> (дата обращения: 07.08.2017).
- ⁶ Там же.
- ⁷ По данным Национального корпуса русского языка, краткая форма мужского рода «поган» имеет всего 17 вхождений, часть которых – в цитатах из древнерусских источников. НКРЯ. (Электронное издание) URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%EF%EE%E3%E0%ED%FB%E9&gramm1=A%2Cbrev%2Cm&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem2&flags1=&m1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2=&gramm2=&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2&flags2=&m2= (дата обращения: 07.08.2017).
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Дускаева Л.Р.* Выражение эстетической оценочности в газетном дискурсе // Дускаева Л.Р. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁰ *Басовская Е.Н.* Уходящая натура?: Высокое слово в современном публицистическом тексте // Актуальные проблемы стилистики: Ежегодный международный научный журнал. 2016. № 2. С. 91–99.
- ¹¹ *Коньков В.И.* Коммуникативный аспект в обучении русской речи на факультетах журналистики // Учимся говорить по-русски: Проблемы современного языка в электронных СМИ.: сб. науч. ст. М.: Фак. журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; Некоммерческое партнерство фак. журналистики, 2016. С. 134.

О.М. Афанасьева

Концепт «добро»
в современном медиапространстве:
на материале газеты «Известия»

В статье показано, как отражен в современном медиапространстве такой ключевой концепт русской культуры, как «добро». Представления о добре в значительной степени влияют на аксиологическую шкалу журналиста. Через призму этого понятия журналист оценивает нравственное значение явлений общественной жизни в их соотносительности с идеалом. Содержащееся в медиатексте понимание того, что есть добро, транслируется широкой читательской аудиторией и в значительной степени влияет на общественное сознание.

Ключевые слова: современное медиапространство, императивно-оценочные понятия морали, концепт «добро», система ценностей журналиста.

Журналистское выступление отражает систему ценностей автора. С опорой на свою систему ценностей журналист не только интерпретирует, оценивает факты, о которых пишет, но и отбирает их из единого информационного пространства.

Одним из наиболее общих императивно-оценочных понятий морали¹ (потенциальной «вершиной» ценностной иерархии) является понятие «добро». Оно «выражает положительное нравственное значение явлений общественной жизни в их соотносительности с идеалом»².

Целью данного исследования было выявить, как представлен концепт «добро» в современном медиапространстве. Источником исследования стала общенациональная газета «Известия», а объектом – 760 микроконтекстов со словом «добро», зафиксированные в Национальном корпусе русского языка и отобранные методом сплошной выборки из публикаций указанного издания за 2004–2014 гг.

Лишь в 264 микроконтекстах существительное *добро* употреблено в основном значении («все хорошее, положительное, направленное на благо (противоп.: зло)»³). Такие примеры на страницах рассматриваемого издания встречались в среднем два раза в месяц. В других микроконтекстах слово было использовано либо в составе устойчивых единиц: *от добра добра не ищут, нет худа без добра, до добра не доведет, дать добро* и др., либо в значении «вещи, имущество, скарб». В большинстве своем эти микроконтексты существенной ценности для данного исследования не представляют.

В «Известиях» упоминалось, что добро и зло – этические категории (05.04.2013). Добро, как и зло, входит в число «вечных тем» (29.11.2012), о которых говорит каждый (24.04.2014). Переоценка ценностей, связанная с распадом Советского Союза, не могла не сказаться на представлениях о добре и зле, и это тоже отражено в материалах газеты: «Россия до сих пор не до конца вышла из периода советской античности, где абсолютное добро должно было противостоять абсолютному злу» (22.10.2013). Однако теперь границы между добром и злом не столь очевидны: «Раньше вампир олицетворял силы тьмы, теперь он представляет добро и на свету блестит, как доллар» (26.11.2009). «У нашего телевидения – добро и зло (верх и низ) если и не поменялись местами, то оказались как минимум на одном уровне» (07.04.2006). Искаженное восприятие добра и зла характерно не только для русской действительности (06.03.2014), и это может свидетельствовать о кризисе нравственности мирового масштаба.

В анализируемом издании упоминается о субъективности представлений о добре и зле («цели людей, их представления о добре и справедливости плохо согласуются с целью Истории», 21.05.2014), при этом претензии на универсальность и/или объективность понимания добра и зла осуждаются (17.05.2013, 05.06.2014) как весьма субъективные. Отмечается, что границу между добром и злом в современном мире провести крайне сложно: «Где сегодня в нашем толерантном, блин, мире, критерии, которые позволяют нам отличить хорошее от плохого, качественное от некачественного, добро от зла?» (31.10.2008); периодически даже возникает вопрос «что такое добро и зло?» (11.05.2013).

Встречается в публикациях весьма парадоксальная (и разрушительная), на наш взгляд, мысль о том, что «добро по сути ничем не лучше зла» (28.12.2000, 07.04.2006); утверждение же «дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за добро, истину, справедливость» (18.04.2005), звучащее как афоризм, нуждается в пояснениях во избежание неадекватного толкования.

Изменения претерпевает не только объем понятий «добро» и «зло», но и отношение к этим понятиям: «От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это ни покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий» (10.04.2014). Казалось бы, зло должно осуждаться, а добро, как минимум, не уравниваться со злом; если добро и зло «смиряются в душах людей», это страшно (13.01.2014).

Упоминается необходимость «некоторого консенсуса» (06.12.2005) в вопросе о том, что же на самом деле является добром, подчеркивается, что «главные ценности», к которым относится и добро, «не зависят от географии» (12.09.2012)⁴. «Общее понимание добра и зла, допустимого и недопустимого, первичного и вторичного» является основой мировоззрения, объединяющего народ (10.04.2014). «Отличение добра от зла», как было указано в рождественском послании патриарха Московского и всея Руси Кирилла, процитированном в «Известиях», основано на божественной истине (08.01.2012).

Неразличение добра и зла приводит к страшным последствиям: «Секулярное общество провозглашает относительность морали, ссылаясь на свободу и права человека, но, если нет абсолютного и общепринятого критерия различения добра и зла, возможны самые безнравственные поступки» (24.07.2012). Если люди «не отличают добро от зла», они «могут убивать невинных граждан, детей» (16.04.2013).

О значимости понятия «добро» свидетельствует и факт попытки противостоять искажению его восприятия: «боевики и фильмы ужасов, где... герой заявляет с экрана “Убивайте, это хорошо”, запрещены к широкому прокату на территории РФ»; «к прокату не будут допущены фильмы, где “зло побеждает добро”» (03.07.2014).

Отмечается важность формирования максимально верных представлений о добре: «необходимо привитие школьникам правил морали, умения отличить добро от зла, представления об основах этикета, понятий чести и достоинства» (14.02.2014), человек должен знать, что такое добро, совесть, правда, любовь, свобода, патриотизм (08.05.2014); следует также «прививать людям стремление делать добро близким» (14.06.2012), «призывать политические партии и избирателей к добру и соблюдению закона» (07.08.2012). И эти призывы актуальны, поскольку неразличение добра и зла свойственно не отдельным людям, а современному обществу в целом: «дети вырастают на улице, не видя разницы между добром

и злом» (11.08.2011), «ленивые массы» неспособны «отличить добро от зла» (24.12.2007).

В качестве поколения, умевшего «разбираться, где зло – где добро, где вранье – где правда, где насилие, а где любовь и нежность», в газете упоминается поколение «оттепели» (18.07.2013). По мнению журналистов, к счастью, и сейчас есть люди, которые «видят, где добро, где зло» (22.09.2006, 26.10.2012), и это качество ценится (09.10.2012)⁵. Авторы публикаций подчеркивают, что «различать добро и зло», в том числе и в публичном пространстве, можно научиться (14.04.2006, 09.11.2007). Так, добру учат добрые книги (01.03.2006). В одной из статей возможность «называть добро добром, а зло – злом» обозначена как право человека (24.06.2013).

В «житейских ситуациях» приходится «выбирать между добром и злом» (26.10.2014). Кому-то из пишущих такой выбор видится легким (22.10.2013), кто-то считает, «что нет никакого однозначного выбора» и «далеко не каждый хочет занимать позицию в этой борьбе», а потому предпочитает «устраниться в пользу дачи и дивана» (09.09.2013)⁶.

Каковы же свойства добра, отмеченные в исследуемом издании?

Добро излечивает от зла, подобно тому, как ответственность излечивает от безразличия, а жертвенность от эгоизма (01.06.2005), если «делать добро окружающим... тогда недоверие и ненависть исчезнут сами собой» (07.03.2006), «если вы сейчас кому-то поможете, добро, которое вы сделаете, вам вернется» (21.05.2014). Отмечается, что «добро что-то производит, что-то дает людям» (24.06.2012); японский ученый Масару Эмото доказал это, исследуя изменения структур мельчайших частиц воды под воздействием добрых и злых мыслей, слов: «Добро влияет на структуру воды созидательно, зло разрушает ее. Добро первично, зло вторично. Добро активно, оно работает само, если убрать злую силу» (31.08.2006).

Настораживают рассуждения журналистов о том, что «добро бывает часто убого, невесело, дидактично, старомодно, нервно» (13.11.2007), об «обаянии зла и невеселом добре» (13.11.2007). Сами авторы публикаций признают, что для многих современных людей «страшное очарование зла... бывает куда ярче и привлекательнее скромного и тихого обаяния добра» (12.02.2010).

Одно из важнейших свойств добра – побеждать зло (30.12.2010, 21.11.20012, 27.08.2013). Но представлена в «Известиях» и противоположная точка зрения: «добро не обладает той мощью, которой наделена жестокость» (13.11.2012), зло живучей добра (13.11.2010). Тем не менее справедливой признается «модель мира, где эгоистическая злоба всегда побеждается добром» (06.06.2012).

«В американском фильме зло есть зло, а добро – добро, и оно должно быть с кулаками, точнее – с серебряным топором» (21.06.2012); «христианское смирение никогда не выглядело большим достоинством с точки зрения Брехта, полагавшего, что добро должно быть с кулаками» (05.03.2013); и все же время, «когда считали, что добро должно быть с кулаками, и осуждали “абстрактный гуманизм”», по-видимому, прошло (31.10.2006), и теперь «странно слышать, когда говорят, что добро должно быть с кулаками» (16.10.2008).

Противостояние добра злу – один из сложнейших философских вопросов: «Если я вижу подлинное злодейство... и нет возможности остановить его душевно-духовным воздействием, а я подлинно связан любовью и волею с началом божественного добра не только во мне, но и вне меня, – то следует ли мне умыть руки, отойти и предоставить злодею свободу кощунствовать и духовно губить, или я должен вмешаться и пресечь злодейство физическим сопротивлением, идя сознательно на опасность, страдание, смерть и, может быть, даже на умаление и искажение моей личной праведности?» (21.11.2009, цитировался философ И.А. Ильин).

И хотя «все достаточно сложно, и мы никогда не угадаем, откуда придет добро и откуда – зло» (24.06.2012), способ противостояния злу в современном мире, по мысли авторов «Известий», связан с «императивом» учения Христа: «не зло в ответ на зло, не око – за око, не кровь – за кровь, а любовью, добром и прощением пытаться достучаться до самых злых сердец, до самых злобных людей» (23.09.2004). «И добро должно быть не только для одного человека, но касаться в той или иной форме всех членов общества» (06.12.2005).

В числе носителей добра в текстах газеты рассматриваемого периода назывались: Россия («Миру нужна империя добра. И у России есть все основания и шансы стать ею в самое ближайшее время»; 25.03.2014), Русская православная церковь («несет миру святые ценности добра и милосердия», 13.01.2014), В.В. Путин («вывел нас от зла к добру», 25.04.2007), архимандрит Герман (настоятель монастыря Давидова пустынь, 24.12.2007), министр культуры СССР Е.А. Фурцева (07.12.2010), абстрактные сменяющиеся (13.11.2007) и художник (который пишет «картины, отражающие светлые идеи мира и добра», 19.05.2014). Носителем добра может быть каждый человек (04.07.2012, 24.10.2013).

Символом добра в наше время для многих является Храм («Будут люди смотреть на Храм и на Дерево и думать об этом соседстве двух вечных символов Добра и Жизни», 13.01.2014), «свет христианства, любви, добра и веры» символизирует лампада (17.09.2013).

В некоторых материалах рассуждения на темы морали принимают характер лозунгов: «Творить добро нужно постоянно» (02.09.2005), «не ожидая награды» (06.02.2014). «Делать добро ближнему естественно для человека» (18.04.2006). «Спешите делать добро» (08.06.2007). Хорошо, когда «делать добро» – «традиция с крепкими корнями» (27.11.2007).

В ответ на добро человек получает добро (01.08.2003), правду (09.09.2010), «добро... забывать нечестно» (24.12.2007), но бывает, что «на добро отвечают злом» (26.03.2012) или черной неблагодарностью (21.08.2006).

В России принято желать добра (24.12.2007, 07.02.2008, 05.05.2014). «Да разве сердце позабудет того, кто хочет нам добра...» (06.09.2009).

Через понятие «добро» характеризуются:

- справедливый миропорядок (основан на добре и взаимной правде, 17.08.2012);
- идеология – «система ценностей, в том числе поддержанных государством, в числе которых укрепление семьи, патриотизма, добра, справедливости» (03.12.2013);
- общественные отношения («Если невозможно создать рай на земле и полностью искоренить зло, то вполне возможно оптимизировать состояние общественных отношений с существенным преобладанием добра над злом», 06.12.2005);
- успех – он «в том, чтобы продолжать делать добро» (08.11.2012);
- счастье – оно «не тождественно добру» (29.03.2006);
- цель человеческого существования («И цель человеческого существования – использовать то лучшее, что заложено в нас, чтобы нейтрализовать зло в себе и творить добро, тем самым нейтрализуя зло и в окружающем мире», 22.09.2006).

В анализируемом издании называлось и то, что до добра не доводит (или к добру не приводит): «свобода в широком смысле – что хочу, то и делаю» (24.12.2007), политика «националов» по экспорту революций (19.02.2014), санкции, т. е. «меры без международно-правовых оснований под собой» (19.03.2014), насилие (11.12.2006), фанатизм (01.07.2012), избыточное регулирование экономики (01.08.2011), вранье (31.10.2005), суетливость (08.12.2006) и др. Отмечалось, что «сленг до добра русский язык не доведет» (24.12.2007).

В публикациях газеты «Известия» констатируется значимость добра, но при этом не показано однозначно, что же следует в современном мире понимать под добром (27.05.2014)⁷, отмечено, что

добру можно научиться, но редко уточняется, где и как. Философский вопрос о возможности сосуществования добра и зла, конечно, не может быть решен на страницах СМИ. Но возникают сомнения: не подталкивает ли газета читателя к оправданию зла, когда публикует суждения о том, что «свет и тень, добро и зло – две противоположности одного целого, не способные существовать друг без друга» (13.01.2014).

Если человек забывает о добре, то он превращается в «бездушное чудовище» (10.01.2013). Чтобы такое случилось как можно реже, журналист должен в своих материалах очень осторожно раскрывать содержание императивно-оценочных понятий морали.

Примечания

- ¹ Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. М.: Политиздат, 1989. С. 75.
- ² Там же.
- ³ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 264.
- ⁴ Фраза «главные ценности... не зависят от географии – есть добро и есть зло» (12.09.2012) со словом «ценность» соотносит и понятие «зло». Хочется верить, что это «всего лишь» логическая ошибка.
- ⁵ Так, автор одной из публикаций процитировал слова актера Е. Дятлова: «Если у парня есть отчетливое, пускай и субъективное представление о добре и зле, которое совпадает с моим, я снимусь у него даже бесплатно» (09.10.2012).
- ⁶ В публикации речь шла о позиции избирателей.
- ⁷ Во времена перестройки «железный занавес» воспринимался как зло, в публикации 2014 г. читаем: «90% моих партнеров – молодых динамичных людей со своим бизнесом – сейчас утверждают, что железный занавес просто необходим и что изоляция России от остального мира – это добро» (27.05.2014).

Неологизмы и окказионализмы
в газетно-журнальной полемике
1920 – начала 1930-х гг.

В статье исследуется практика использования неологизмов и окказионализмов в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 20 – начала 30-х гг. XX в. Предлагается рассматривать неологизмы и окказионализмы как средство выражения отрицательной оценки, способствующей повышению агрессивности журналистского полемического текста.

Ключевые слова: неологизм, окказионализм, газетно-журнальная полемика, публицистический текст, экспрессия, отрицательная оценка, речевая агрессия.

Для периодов политических, экономических, социальных потрясений особенно характерно появление большого количества новых лексических единиц. Среди них выделяются неологизмы – слова и обороты, созданные для обозначения нового предмета или понятия¹, а также окказионализмы (стилистические неологизмы), используемые автором отдельного текста и обычно не имеющие широкого распространения². В начале XX в. в России произошел, по выражению А.Г. Горнфельда, «прорыв словарного языкового фронта»³. Образование новых слов, «как никакое другое явление, призвано отразить и зафиксировать изменения в обществе, его истории и культуре»⁴. Изучение данного процесса имеет большое значение, так как способствует «описанию картины мира данной исторической эпохи»⁵.

Исследователи справедливо отмечают, наряду с номинативной, эмоционально-экспрессивную и оценочную функции лексических новообразований. «Чаще всего новые слова и выражения возникают

тогда, когда нужно назвать новый предмет или явление, – писал С.И. Ожегов. – Или является потребность обозначить хоть и старое явление, но нуждающееся в новом освещении, новой оценке с какой-то новой точки зрения, или когда нужно в том же явлении подчеркнуть какую-н<ибудь> сторону его, или когда говорящий, употребляя новое слово, желает сделать свою речь более выразительной»⁶. Данное качество неологизмов и окказионализмов делает особенно эффективным их использование в публицистических текстах, что также неоднократно привлекало внимание ученых: «Подобные слова, называя предмет, всегда несут определенную экспрессию, оценку... Основная “лаборатория”, в которой они возникают и используются, – это разговорная речь и язык периодической печати, публицистика»⁷; «сгущенная семантика и необычность таких слов позволяет использовать их... в газетных и журнальных публикациях для создания остроты высказывания и комического эффекта»⁸; «создание окказионализмов – реализация естественного желания журналиста сказать свое, новое, слово по какому-либо вопросу»⁹.

Экспрессивная составляющая неологизмов и окказионализмов наделяет их способностью становиться аргументами в полемике, что можно видеть на примере литературных дискуссий 20-х – начала 30-х гг. XX в. о возможностях, границах и формах новой культуры и литературы. Среди литературных объединений данного периода одну из главных ролей играла литературно-политическая (Все) российская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП, РАПП). Руководители ассоциации С.А. Родов, Г. Лелевич, И.В. Вардин, Ю.Н. Либединский, А.И. Безыменский ставили перед пролетариатом задачу строительства «своей классовой культуры, а следовательно, и своей художественной литературы как могучего средства глубокого воздействия на чувственное восприятие масс»¹⁰. Вокруг журнала «Красная новь» (главный редактор А.К. Воронский) организовывалась группа «Перевал». В нее входили поэты, писатели, критики (так называемые попутчики) А. Веселый, Э.Г. Багрицкий, Д.А. Горбов, М.М. Пришвин, А.П. Платонов и др. Цель переваловцев состояла в объединении писателей для «художественного оформления действительности». Группа заявляла, что никогда не будет солидаризироваться с РАПП, что отвергает пролеткультовщину и вообще всякое «направленчество»¹¹. Журнал «ЛЕФ» (еще один центр литературной борьбы, возглавляемый В.В. Маяковским) являлся наследником футуристической традиции. В его редколлегию входили Н.Н. Асеев, Б.И. Арватов, О.М. Брик, Б.А. Кушнер, С.М. Третьяков, Н.Ф. Чужак. Представители футуризма, одного

из самых ярких направлений в культуре начала XX в., отличались, среди прочего, лингвистическим новаторством. В дискуссиях участвовали также авторы статей в журналах «Печать и революция», «Под знаменем марксизма», «Звезда», «Журналист», в газетах «Правда», «Известия» и др.

В полемике использовалось значительное количество новых слов, как уже вошедших в разговорный и публицистический обиход, так и авторских образований. Существительные с суффиксом *-щина(а)*, традиционно служат для обозначения негативных явлений. У А.К. Воронского («Красная новь», 1923, № 7, с. 257) можно обнаружить существительное *эмигрантщина*. «Никто... не станет теперь серьезно утверждать, что... бесовщина и Карамазовщина Достоевского и с жиру христианствующая и непротивленствующая Толстовщина – хорошая духовная пища для рабочего класса», – писал «ЛЕФ» (1923, № 3, с. 19). У левовцев можно найти также подобное образование от псевдонима писателя Б.А. Пильняка – *пильняковщина* (1923, № 3, с. 13). «Писатели должны объявить войну и романовщине и есенинщине, которые являются знаменем порнографии в советской литературе», – призывал журнал «Звезда» (1926, № 6, с. 198). Незадолго до своего роспуска РАПП с гордостью констатировала, что «успешно боролась против троцкизма, воронщины, переверзевщины, меньшевистствующего идеализма, деборинщины, левовщины, литфронтовщины...» («На литературном посту», 1931, № 35–36, с. 2). Характерно, что распространившееся в период краха РАПП понятие *рапповщина* члены ассоциации восприняли как оскорбление. В стенограмме заседания фракции бюро правления РАПП от 2 мая 1932 г. зафиксировано: «Следует отметить, что некоторые договорились до нового термина “рапповщина”»¹².

Отметим, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг., с распространением агрессивного влияния ассоциации, слово РАПП все чаще служило производной основой (рапповцы, рапповский) и иногда даже писалось не в виде аббревиатуры, а как новое существительное мужского рода Рап: «В рядах Рапа» («Печать и революция», 1929, № 12, с. 6–8). После ликвидации РАПП в литературных кругах получило распространение выражение, остроумно обыгрывающее омофонию рабство/раппство (авторство приписывается Дзиге Вертову)¹³, – освобождение от раппства.

Возникшее во второй половине 1920-х гг. в результате низвержения бывшего большевистского лидера слово *троцкизм* стало одним из самых мощных агрессивных полемических средств, так как переводило обвинения из области литературной в политическую¹⁴. «У тов. Воронского ничего за душой нет, кроме плохо прожеванного,

недостаточно переваренного и дурно сформулированного троцкизма», – писала «Правда» (30.04.1927, с. 5).

Новообразования в «ЛЕФе» часто носили пародийный характер. В журнале встречается окказионализм *альфредизм*: «Или Бобров впал в альфредизм...» (1923, № 3, с. 36); «Стоит ли... критиканствовать, ...путая в одну глупую кашу футуризм, имажинизм, альфредизм и прочее ничевочество» (1923, № 3, с. 30). Употребление ироничного производного от имени Альфред (псевдоним сотрудника газеты «Известия») с суффиксом *-изм*, обычно служащего для обозначения некоего научного направления, видимо, должно было особо подчеркнуть вредоносность идей этого автора.

Еще один окказионализм левовцев – *бабология* – относился к Б.А. Пильняку: «Какая же у Пильняка идеология. Бабологии у него сколько угодно, – этим и живет человек» (1923, № 3, с. 13). Комический эффект создается путем сочетания просторечного существительного *бабай*¹⁵ и части сложных слов *-логия*, обозначающей отрасль науки.

Для автора журнала «Печать и революция» С.П. Боброва «ЛЕФ» изобрел новое слово *бобровина*, созвучное с грубопросторечными обозначениями бессмысленных высказываний, и выразил свое отношение «к той бобровине, которая подана на тарелке № 3 Печати и Революции» (1923, № 3, с. 38).

Значительное количество имеющих негативный смысл окказиональных слов и словосочетаний, которые можно найти в «ЛЕФе», относилось к литературной жизни данного периода: *ходасевическая мухошня* (1923, № 3, с. 14), *символячий быт* (с. 17), *ахматохвалебствия* (с. 38). Наверное, самым ярким окказиональным образованием можно считать название, данное авторами журнала «ЛЕФ» противникам-журналистам, – *лефогрызы* (с. 36).

В гораздо меньшей степени словообразованием были увлечены авторы журнала «Красная новь». Здесь можно заметить лишь развитие образов, заимствованных у оппонентов, например: «Эта программа очень простая и выражена она в статье тов. Авербаха коротеньким рецептом – поэтам надо “одемяниться”... Можно учиться у Демьяна Бедного, как мы все многим обязаны и учились у Салтыкова-Щедрина, но было бы очень вредно для искусства, если бы писатели ставили себе целью – “ощедриниться”. Причем этот лозунг “одемяниться” понимается очень примитивно» (1923, № 6 (16), с. 326). Если окказиональный глагол *одемяниться* имеет для напостовца Л.Л. Авербаха безусловно положительный смысл, то созданный по аналогии в «Красной нови» глагол *ощедриниться* означает процесс отрицательный, вредный для искусства.

Советские неологизмы 1920-х – начала 1930-х гг. оказались способны в свою очередь вдохновлять полемистов на изобретение агрессивных, иногда иронических, окказионализмов. Так, моду на новообразования, состоящие из начального слога первого слова (наиболее частыми из которых были глав- и центр-) и полной формы второго¹⁶, пародировал Л.С. Сосновский в заголовке статьи, направленной против М. Горького: «Бывший главсокол, ныне цен-троуж» («На посту», 1923, № 1, с. 85).

С.Б. Ингулов («Журналист», 1925, № 8/9, с. 4) по отношению к В.В. Вересаеву употребил окказиональное образование *интцванство* (интеллигентское чванство), созданное по аналогии с получившим в рассматриваемый период распространение негативным понятием *комчванство* (коммунистическое чванство)¹⁷, авторство которого принадлежит В.И. Ленину.

Появление в полемических материалах общеязыковых и авторских новообразований, в том числе иронических, свидетельствует о возникновении новых явлений, требующих отражения в речи. В случае, когда эти явления расцениваются полемистами как отрицательные, новые слова также приобретают способность выражать негативную оценку. Причем для опознания неологизма в качестве негативно-оценочного средства иногда достаточно владения языком (так, суффикс *-щин(а)*, как правило, воспринимается в качестве отрицательно маркированного), а в других случаях требуется знание внеязыковых реалий (когда отрицательные коннотации имеет основа слова, например, *троцкизм*).

Независимо от словообразовательной модели неологизмы и окказионализмы обладают большим экспрессивным потенциалом, свойством акцентировать внимание читателя на явлениях, заслуживающих, по мнению автора, осуждения и/или осмеяния, то есть становятся своего рода маркерами агрессивности, чрезмерное количество которых может затруднять восприятие публицистического текста.

Примечания

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. С. 261.

² Там же. С. 262.

³ Горнфельд А.Г. Муки слова: Статьи о художественном слове. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 176.

⁴ Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 108.

- ⁵ Там же. С. 109.
- ⁶ *Ожегов С.И.* Неологизмы в русском языке: Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Индрик, 2001. С. 437–443.
- ⁷ *Лопатин В.В.* Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. С. 36–37.
- ⁸ *Алиева Г.Н.* Окказиональные неологизмы последнего десятилетия // Русская речь. 2006. № 3. С. 79.
- ⁹ *Рацибурская Л.В., Шумилова А.В.* Неологизмом – по читателю // Журналист. 2011. № 8. С. 69.
- ¹⁰ Материалы Первой Московской конференции пролетарских писателей // На посту. 1923. № 1. С. 193.
- ¹¹ Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский, Н.П. Сидоров. М.: 2001. С. 259. (Первое изд. 1924 г.)
- ¹² Цит. по: *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители. М.: Московский рабочий, 1970. С. 319.
- ¹³ Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов: исследования и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Кн. 1. СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2002. С. 38.
- ¹⁴ В толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова политический термин *троцкизм* трактуется как наиболее опасная агентура буржуазии в рабочем движении, разновидность меньшевизма, объединившая в борьбе против революционного пролетариата самые контрреволюционные и двурушнические элементы (по имени врага народа Л. Троцкого). См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. Т. 4. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940. С. 809.
- ¹⁵ Там же. Т. 1. С. 74.
- ¹⁶ *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: URSS: Либроком, 2010. С. 162.
- ¹⁷ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1. С. 1481.

Ю.В. Подкина

Аллюзия в заголовках делового издания: на материале газеты «РБК»

Статья посвящена вопросам использования аллюзии как выразительного средства и как инструмента реализации авторской интенции. Рассматриваются материалы деловой газеты «РБК», опубликованные в течение последнего года. Делается вывод о том, что заголовки аллюзии в зависимости от структуры могут быть разделены на два типа, каждый из которых имеет свои особенности.

Ключевые слова: деловое издание, газета «РБК», аллюзия, заголовок, интертекст, ирония, прецедентный текст.

Заголовок – с одной стороны, компонент текста, с другой – безусловна его самостоятельность¹. В публицистике XXI в. заметна тенденция к актуализации семантики заголовка, это объясняется тем, что его цель – продать текст². Цель заголовка в деловом издании отличается от цели заголовка массового издания, что обусловлено спецификой освещаемых проблем и особенностями аудитории. Экономический текст создается на основе информационного повода в привычном понимании этого термина, в то же время информационный повод важен не сам по себе, а как неотъемлемая часть сложного социального феномена – экономики. Читателей экономических текстов можно разделить на две категории: специалисты, заинтересованные в информации с профессиональной точки зрения, и обычные граждане, интерес которых сугубо практический.

Главное качество заголовка публицистического материала деловой газеты – конкретность. Это, однако, не исключает использования средств выразительности. Одним из активно используемых журналистами стилистических приемов является аллюзия, а именно

«заимствование элементов претекста, по которым происходит его упоминание в тексте-реципиенте»³. При включении аллюзии заголовков становится частью интертекста, который Г.В. Денисова определяет как «отрезок, фрагмент прецедентного текста, заимствованный автором для создания своего произведения»⁴.

Источник данного исследования – тексты, опубликованные в деловой газете «РБК», специализирующейся на освещении злободневных тем микро- и макроэкономики. В рамках настоящей работы рассматриваются номера газеты, вышедшие с января 2016 г. по март 2017 г. Выборка объясняется актуальностью исследования: автор ставит цель рассмотреть специфику заголовков публикаций, проблематика которых еще не забыта читателем.

Заголовки-аллюзии можно разделить на два основных типа, выявляемых независимо от характера прецедентного текста:

- 1) указание на аналогию между названием и сюжетом претекста, с одной стороны, и текстом-реципиентом – с другой;
- 2) словесная игра с названием исходного текста вне отношения к сюжету и идее.

Многочисленную группу прецедентных текстов составляют **названия голливудских фильмов**.

Заголовок «*Солдаты Карибского моря*» (10.10.16) представляет собой аллюзию первого типа и относится к статье, посвященной проблеме возвращения российской армии на Кубу. В данном случае имеет место сюжетная аллюзия: «Пираты Карибского моря» – приключенческий фильм, в основе сюжета которого – авантюры и опасные ситуации. Анализируя вопрос размещения российских военных баз, автор материала через интертекст формулирует свое отношение к проблеме – в стратегическом решении обнаруживаются непредсказуемость, опасность, черты авантюры.

Заголовки-аллюзии второго типа встречаются на 30% чаще. Рассмотрим некоторые примеры таких заголовков. «*Братство кольца*» (03.11.16) предвзвешивает текст, посвященный успешному ювелирному бизнесу. Аллюзия в первую очередь затрагивает лексический аспект (объединение ювелиров / братство кольца); кроме того – дискурс: статья о прибыльном бизнесе открывается заголовком, дублирующим название одного из самых успешных голливудских фильмов.

Другой пример аллюзии второго типа – использование названия американского триллера 1981 г. «Почтальон звонит дважды» – «*Покемон звонит дважды*» (15.07.16). Данная параллель формальна. Автор публикации лишь рассказывает об особенностях новой игры, не касаясь сюжета фильма.

Заголовок «*Овощной инстинкт*» (29.01.16) предвворяет текст, посвященный «борщевому набору», т. е. продажам овощей в России. Аллюзия к названию нашумевшего фильма «Основной инстинкт» – психологический ход, его цель – привлечь внимание, а также произвести иронический эффект.

«*Дикий, дикий квест*» (21.02.17) – заголовок статьи, повествующей об успешных продажах казанских квестов в США. Содержит аллюзию к названию фильма «Дикий, дикий Вест» (1999 г.), сюжет ленты не затронут. Примечательно противоречие: материал посвящен успехам квестов, но фильм не имел успеха в США и получил шесть антинаград. Скорее всего, логический сбой – следствие того, что журналисту неизвестна история прецедентного феномена.

Если говорить об аллюзиях к названиям голливудских фильмов, то особняком стоит ряд статей «РБК», посвященных судебной тяжбе газеты с «Роснефтью». Материалы вышли под названиями «*Судный день*» (12.12.16) и «*Судный день-2*» (28.02.17). Аллюзии использованы как инструмент иронии, они также иллюстрируют позицию редакции, очевидную для тех, кто помнит сюжет фильма, – фантастического триллера с неожиданным финалом. Отметим, что о разногласиях с «Роснефтью» «РБК» заявила в статье «*Явление истца народу*» (30.09.16). Эта аллюзия – намек на сюжет полотна А.А. Иванова: Христос предстает перед удивленными людьми, «Роснефть» неожиданно для всех выдвигает претензии «РБК».

Рассмотрим аллюзии к **названиям отечественных фильмов**.

Статья «*Они сражались за Сирию*» (31.03.16) посвящена погибшим в Сирии российским военным. Драматизм публикации подкреплен параллелью с названием известного романа М.А. Шолохова и одноименным фильмом.

Заголовок-аллюзия «*Падал прошлогодний рубль*» (15.09.16), предвворяющий прогноз курса валют, отсылает к названию мультфильма «Падал прошлогодний снег» вне связи с сюжетом, только на основе структурного и частично лексического совпадения.

Заголовок статьи «*Один и без денег*» (18.04.16), рассказывающей о случаях блокировки банковских карт россиян, находящихся за рубежом, содержит аллюзию к сюжету фильма 1984 г. «Один и без оружия», где герой по стечению обстоятельств вынужден в одиночку противостоять группе бандитов. Автор текста-реципиента подчеркивает, что в случае блокировки банковской карты гражданин может столкнуться с очень серьезными проблемами, решать которые ему придется на месте самостоятельно. Таким образом, данный заголовок – аллюзия первого типа.

Заголовки-аллюзии могут быть созданы на основе **названий литературных произведений**.

Статья «*Принц и баррель*» (20.04.16) посвящена вопросу новой нефтяной политики Саудовской Аравии. Аллюзия к антитезе «принц – нищий» отображает идею статьи: экономическая политика Саудовской Аравии может привести к обнищанию других поставщиков нефти, т. е. это аллюзия второго типа.

Заголовок «*Бизнес во время санкций*» (20.06.16) соотносим с «*Пиром во время чумы*»; он предваряет статью о встрече В.В. Путина с иностранными инвесторами. Здесь имеет место сюжетная параллель, цель которой – ирония. В трагедии А.С. Пушкина председатель обращается к гостям и призывает, несмотря на все беды, «восславить царствие чумы». Президент РФ также за столом призывает иностранных бизнесменов инвестировать в российскую экономику. «Bravo, bravo! достойный председатель!», – восклицают литературные герои, и иностранные бизнесмены довольны речью В.В. Путина: «Убеждать нас инвестировать в Россию вашему президенту не пришлось...» (глава металлургической компании Danieli & C Джанпьетро Бенедетти), «Путин сказал вещи, которые мы хотели от него услышать, и был убедителен» (инвестор Джим Роджерс), «Президент был убедителен, мы очень ценим то, что он уделил нам столько времени, поговорил с нами о политике в России, это был отличный вечер» (Джим Амплби из Caterpillar).

Возможность привлечения иностранных инвестиций, безусловно, положительное явление, но данная аллюзия не позволяет оценивать описанное событие исключительно позитивно: используя ее, журналист как бы становится на место священника, который в пьесе осуждает происходящее.

Материал «*Где в России жить дорого*» (18.10.16) посвящен проблеме цен на продукты в деревнях. В заголовке содержится намек на поэму «Кому на Руси жить хорошо». Идея текста-реципиента соответствует содержанию произведения Н.А. Некрасова: в России много бедных крестьян и проблемы глубинки очень серьезны.

Публикация «*Банкир из зазеркалья*» (15.03.16) об аресте фигуранта дела о подозрительных сделках в российском филиале Deutsch Bank содержится в заголовке аллюзию к названию произведения Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», но под «зазеркальем» автор статьи подразумевает «зеркальные» сделки – разновидность махинаций.

В интертекстуальных заголовках «РБК» можно найти примеры неосознанного использования прецедентных текстов, причи-

на которого – незнание сюжетных и идейных особенностей художественного текста. Обнаруживаются аллюзии, единственное назначение которых – повышение выразительности именно заголовка, а не публикации в целом. Например, «15-летний капитал» (02.01.16) – материал о том, как американский фонд нажился на аргентинском дефолте. Смысловую или идейную параллель с произведением Ж. Верна провести затруднительно. Использовать подобную аллюзию автора побудило число 15 (столько лет продолжалось описываемое в статье явление) и созвучие «капитал – капитан», а также стремление к выразительности. Другой пример неоправданного использования прецедентного текста – заголовок «Санкционный смотритель» (18.08.16), он относится к статье о российском производителе сыра и когнитивно не связан с текстом.

Востребованный материал для заголовков-аллюзий – **популярные песни**.

Чаще всего такие заголовки служат средством иронии. «Нам не страшен Тегеран» (15.01.16) – статья о том, что нефтяные возможности Ирана преувеличены. По сути вывод вынесен в заголовок. «Самолеты не первым делом» (20.10.16) предваряет текст, тема которого – «Аэрофлот» отложил закупку самолетов. Заголовок «Батяня-контракт» (17.10.16) принадлежит статье о краткосрочных контрактах для военных, проводит в большей степени эмоциональную, чем когнитивную, параллель с популярной песней. Используя аллюзию в заголовке статьи «Важней всего погода» (12.01.17), посвященной климатическим проблемам, журналист меняет идею произведения М.И. Танича: если в тексте песни отрицается первостепенная важность природных явлений в жизни человека («Есть я и ты, а все, что кроме, легко уладить с помощью зонта»), то в журналистском материале, наоборот, утверждается важность экологических проблем: «В десятке наиболее вероятных рисков 2017 г. – три из сферы экологии и три из геополитики, при этом экологические выше...».

Таким образом, заголовки-аллюзии являются распространенным выразительным средством. Их можно разделить на два типа: на отсылающие к содержанию и исключительно к названию прецедентного текста. Наиболее актуальная цель заголовков-аллюзий – придание тексту иронического звучания. Нередко такой заголовок отображает основную мысль публицистического текста, реже является сугубо экспрессивным элементом.

- ¹ *Лазарева Э.А.* Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. С. 25.
- ² *Милованова С.О.* Газетный заголовок как средство актуализации смысла // Известия Тульского гос. ун-та: Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 368–372.
- ³ *Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов. СПб.: КомКнига, 2007. С. 63.
- ⁴ *Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. С. 85.

Abstracts

O. Afanasyeva

Concept “Good” in modern media space (on the material of newspaper “Izvestiya”)

The article shows how such a key concept of Russian culture as “good” is reflected in modern media space. Ideas about good largely affect the axiological scale of the journalist. Through the prism of this concept, the journalist assesses moral significance of the phenomena of public life in their correlation with an ideal. The understanding of what is good contained in the media text is conveyed to a broad readership and greatly influences public consciousness.

Keywords: modern media space, imperative-evaluative notions of morality, the concept of “good”, journalist’s value system.

E. Basovskaya

Pragmatics of disgusting words. Distribution of negative adjectives in a contemporary media text

The article considers the functioning of synonymous negative evaluative adjectives in the texts of ideologically opposite media. The author shows that the expressive negativity prevail in the pro-communist nationalistic newspaper “Zavtra”, where journalists actively use such-like vocabulary for the sarcastic imitation of the speech of a political opponent. In the liberal, pro-Western “Novaya Gazeta” the number and variety of negative epithets are somewhat smaller, they often serve to direct negative evaluation of various phenomena. In general, the use of negative evaluative vocabulary contributes to the creation of general aggressive tone in contemporary mass communication.

Keywords: negative evaluation, epithet, expression, media text, irony, newspaper “Zavtra”, “Novaya Gazeta”.

M. Baykina

Social and political context of the feuilleton “An obsolete wife” by M. Koltsov (1927)

The article reveals and describes the socio-political context of the feuilleton “An Obsolete Wife” by M. Koltsov, appeared in the pages of the newspaper “Pravda”. The feuilleton was published in 1927, at the height of the party struggle, and was devoted to the everyday problem. The author analyzes possible reasons for the publication of this article and concludes that Koltsov’s feuilleton was an anti-Trotskyist text related to “a discussion about pornographic literature”.

Keywords: M. Koltsov, F. Strugov, “Pravda”, L. Trotskiy, “discussion about pornographic literature”.

Yu. Bit-Yunan

V. Grossman’s image in A. Solzhenitsyn’s non-fiction of the 1970s

The aim of the research is to elucidate the semantic and pragmatic features of the mention relating to V. Grossman in A. Solzhenitsyn’s memoirs. It is proved that the target set is not achievable unless Solzhenitsyn’s non-fiction is checked against evidences in some other sources.

Keywords: V. Grossman, A. Solzhenitsyn, non-fiction, memoirs, literary criticism, reception.

S. Golovko, L. Kokhanova

Project training as an innovative form in preparation of students

The article focused on providing a rationale for the following method: “project based learning” or “research project”. Basic approaches and principles which authors define to the method’s organization, summing up their own experience and practice of their colleagues the authors formulate principles and basic approaches to method’s organization and give its definition. The article demonstrates by special examples which factors determine the choice of a methodical technique, as well as the specific means the teacher applies. Also, the article in detail

considers the principles of activity, research (creative) position, objectivity (awareness) of behavior and (subject-subject) communication for partners.

Keywords: method of “project based training”, principles of activity, research (creative) position, objectivity (awareness) of behavior and (subject-subject) communication for partners.

Yu. Gorokhova

The category of “public interest” in journalism and Russian Judicial practice

The article considers the category of “public interest” and its implications for media freedom. Analyzed international norms on ensuring a fair balance of freedom of expression and privacy protection as an equivalent legal values are analyzed. By example of a particular court case it shows that the existing in Russian legislation and in judgements of the RF Supreme Court gap in the definition of “public person” as an subject of public interest leads to judicial decisions that are contrary to international norms.

Keywords: rights of journalists, freedom of expression, media freedom, protection of privacy, public interest, a public person as a subject of public interest.

A. Gotovtseva

European economic thought on the pages of the Academy of Science journal

The article addresses translated materials of the Academy of Science journal “Monthly Essays for Benefit and Entertainment” related to economic theory and practice of doing business. Some materials of European theorists for the journal have been first translated into Russian for the first time. These translations, according to the editor, were supposed to be not only of scientific and educational purpose, but also of practical one.

Keywords: “Monthly Essays for Benefit and Entertainment”, mercantilism, cameralistics, G. Belloni, T. Plomgren, T. Culpeper, J. von Justi, J. Faggot, History of Economic Science, Russian-European economic relations, Trade, merchantry.

O. Kiyanskaya, D. Feldman

From the history of the journalism of the late 1920s – early 1930s. The testimony of A. Harry

The researchers analyze the testimony of a Soviet writer and leading journalist of the newspaper “Izvestia” Alexei Harry, given by him during the investigation at the OGPU in 1930. In the context of this testimony they describe his biography and journalistic activities. Reasons why the journalist was arrested three times are analyzed. Special emphasis is placed on one of Harry’s journalistic assignments: feeding the journalists working in Moscow foreign correspondents information about the life of the Soviet Union.

Keywords: Alexei Harry, Eugene Lyons, “Izvestia”, foreign correspondents, Soviet journalism.

N. Makarova

Media education and media space of Russia. An experience and prospects of interaction with the employer

The article analyzes an experience of interaction of Russian journalism schools and employers. Today, educational standards and labour market demand such cooperation. The principles, dynamics and quality of cooperation in the capital and regional universities vary differ significantly. Different level of interest and competition determine the level of involvement of the employer educational process. Among the traditional forms of interaction with the employer considers the development of educational programs, festivals, forums, workshops is considered. The experience of the faculty of journalism at RSUH in the context of joint work with the representatives of the labour market is analyzed in detail. Contemporary and promising forms of cooperation are excursions to the media, teaching by practising journalists, conducting classes in editorial offices of the media companies, conducting of Master Classes, organization of practical training. The effectiveness of interaction forms in the faculty of journalism at RSUH is confirmed by a number of objective factors. Firstly, the sustained interest and constant growth of applications of applicants within each admission campaign. Secondly, the demand for graduates of the faculty. Over 90% of graduates work in the specialty. Thirdly, surveys of graduates polling.

Keywords: professional mediaeducation, modern media, journalism education, professional identity.

D. Nerentz

Social functions of the modern investigative journalism

Investigative journalism is a popular and needed genre of journalism in modern society. It performs a number of important social functions such as informing and forming public opinion. In addition, this genre has a significant impact on views of the audience. In this article we consider three levels of influence different in the scale and importance are considered. For example greatest journalistic investigations of recent years are analyzed. It is demonstrated how necessary such materials are for improving the quality of the life in our society.

Keywords: impact, investigative reporting, investigative journalism, Pulitzer prize, exposure.

M. Odesskij

V. Molotov – L. Leonov – A. Avdeenko. Essays on Soviet “public culture” (August–September 1940)

The article deals with a propaganda company that started in Soviet periodical press in August – September 1940. It was triggered by V. Molotov’s report in which taking into account the Second World War he summoned the Soviet citizens to “readiness for mobilization”. In literature it stipulated government order to depict heroic and virtuous characters. The “readiness for mobilization” idea explains criticism of A. Avdeenko for his partiality to negative characters, and criticized.

Keywords: L. Leonov, A. Avdeenko, V. Molotov, Soviet periodical press, “readiness for mobilization”.

A. Parkanskij

Structural changes in American television informational content in the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries

American television information content underwent deep changes during more than halfcentury period due to the reasons of technological and economic character.

Keywords: television network, hard and soft news, newsmagazine, cable television, satellite television, streaming service, reality television.

D. Pashchenko

Critical reception of V. Shalamov's poetry
in Soviet press reviews of the late 1950s – early 1960s

The research focuses on the reviews of V. Shalamov's poetry that were published in the 1950s – 1960s. Having those sources analyzed in the cultural and political context of the above period the author concludes that the nature of critical reception was determined mainly by political conditions.

Keywords: V. Shalamov, L. Levitsky, Soviet poetry, critical reception, literary criticism.

Yu. Podkina

Allusion in business publications headlines
(based on the “RBC” newspaper)

The article is devoted to the use of allusion as an expressive tool and as an instrument to fulfil the author's intention. Materials from business newspaper “RBC”, published in the last year are considered. It is concluded that the headings of the allusion, depending on the structure can be divided into two types, each has its own characteristics.

Keywords: business edition, the “RBC” newspaper, allusion, title, intertext, irony, precedent text.

A. Rassadina

Moral identities for journalism
in the information space

The article is devoted to the way modern youth is influenced and educated by media and the Internet nowadays. The article overviews interrelation of technological and social processes occurring in the information sphere. And analyzes moral and ethical aspects offered to today's content consumer. The causes of contemporary problems in the education of youth are revealed within.

Keywords: mass media, cultural elite, moral values, aesthetic education, information.

D. Scherbakov

Nikolaj Chernyshevsky's political writings as appraised by A. Lunacharsky

The article focuses on analysis of series of articles by Anatoly Lunacharsky about Nikolaj Chernyshevsky. In these articles Lunacharsky tries to i enhance literary status of the author of the novel “What is to be done?” and to prove that Chernyshevsky is a good novelist. The conclusion is made that this attempt ended with two-fold result: on the one hand, in series of articles Lunacharsky states that Chernyshevsky is one of the best writers. But on the other hand this statement is always accompanied by some doubtful reservations. As a result the meaning of articles could lead audience to the conclusion about Chernyshevsky that was already present during pre-Soviet times: that the author of “What is to be done?” is primarily a propagandist, and the writer only in the second place.

Keywords: N. Chernyshevsky, novel “What is to be done?”, Literary reputation, Russian Journalism in the middle of 19th, A. Lunacharsky.

Yu. Yakovleva

Neologisms and occasionalisms in the press polemics of the 1920s – early 1930s

The article explores the practice of neologisms and nonce-words use in the polemic materials of the Soviet literary editions of the 20s – the beginning of 30s of 20th century. It is proposed to consider neologisms and nonce-words as a tool of expressing of a negative evaluation which increases aggressiveness of a journalistic polemical text.

Keywords: neologism, nonce-word, polemic, expression, evaluation, negative evaluation, speech aggression.

V. Yarnykh

Modern approaches and prospects of using journalistic education tools in the system of in-service training of teaching staff

The modern information society and global cooperation in the world are setting new requirements for the role and competence of the educators at any level. One of the main focuses becomes the media competence. The conditions of existence in modern society is the life in the media space. The use of media in the system of teachers training allows to form media competence of educator at any level of education efficiently and effectively.

Keywords: media education, media competence, teachers training's system, educational space.

Сведения об авторах

Афанасьева Ольга Максимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, Olga.Afanaciewa@mail.ru

Байкина Маргарита Наильевна – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, listrella@list.ru

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, jeni_ba@mail.ru

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, bityunan@gmail.com

Головко Сергей Борисъевич – кандидат филологических наук, доцент Учебно-научного центра экономики и социологии медиарынка Института массмедиа РГГУ, Sgolovko@inbox.ru

Горохова Юлия Викторовна – старший преподаватель кафедры журналистики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, заместитель главного редактора журналов «Адвокат» и «Законодательство и экономика», julia7709@yandex.ru

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, brunhilda@yandex.ru

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, kianoks@inbox.ru

Коханова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, l_kokhanova@mail.ru

Макарова Наталия Яковлевна – кандидат педагогических наук, декан факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, rsuh.makarova@gmail.com

Неренц Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, ya.newlevel@yandex.ru

Одесский Михаил Павлович – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, modessky@mail.ru

Парканский Александр Борисович – доктор экономических наук, директор Учебно-научного центра экономики и социологии медиарынка Института массмедиа РГГУ, parkansky2010@yandex.ru

Пащенко Дарья Олеговна – магистрант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, laissez@yandex.ru

Подкина Юлия Владимировна – соискатель, кафедра медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, yul-podkina@yandex.ru

Рассадина Александра Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры телевизионных, радио- и интернет-технологий факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, Alexandra.rassadina@gmail.com

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, dmfeld@inbox.ru

Щербаков Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, scherbakov.dmitri@gmail.com

Яковлева Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, yak112@inbox.ru

Ярных Вероника Игоревна – кандидат экономических наук, завкафедрой телевизионных, радио- и интернет-технологий факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, член-корреспондент МАНЭБ, vyarnykh@gmail.com

General data about the authors

Afanasyeva Olga M. – PhD in philology, associate professor, Media Discourse Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, Olga.Afanacieva@mail.ru

Basovskaya Evgeniya N. – Dr. in Philology, associate professor, head of the Media Discourse Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, jeni_ba@mail.ru

Baykina Margarita N. – postgraduate student, Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, listrella@list.ru

Bit-Yunan Yury G. – Ph.D. in Philology, associate professor, Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, bityunan@gmail.com

Feldman David M. – Dr. in History, professor, Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, dmfeld@inbox.ru

Golovko Sergey B. – Ph.D. in philology, associate professor, Educational and Scientific Center for Economics and Sociology of Mediamarket, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, Sgolovko@inbox.ru

Gorokhova Yulia V. – senior lecturer, Department of Journalism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, Deputy editor-in-chief of the journals “Advocate” and “Law and Economics”, julia7709@yandex.ru

Gotovtseva Anastasiya G. – Dr. in Philology, associate professor, Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, brunhilda@yandex.ru

Kiyanskaya Oksana I. – Dr. in History, professor, Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, kianoks@inbox.ru

Kokhanova Lyudmila A. – Dr. in Philology, professor, Department of Periodical Press, Journalism Faculty, M.V. Lomonosov Moscow State University, l_kokhanova@mail.ru

Makarova Nataliya Ya. – Ph.D. in Education, Dean, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, rsuh.makarova@gmail.com

Nerentz Daria V. – Ph.D. in Philology, lecturer, Department of Journalism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, ya.newlevel@yandex.ru

Odesskij Mikhail P. – Dr. in Philology, professor, Head of Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, modessky@mail.ru.

Parkanskij Alexander B. – Dr. in Economics, director of the Educational and Scientific Center for Economics and Sociology, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, parkansky2010@yandex.ru

Pashchenko Darya O. – master student, Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, laissez@yandex.ru

Podkina Yulia V. – applicant, Media Discourse Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, yul-podkina@yandex.ru

Rassadina Aleksandra A. – Ph.D. in Psychology, associate professor, TV, Radio and Internet-technology Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, Alexandra.rassadina@gmail.com

Scherbakov Dmitry A. – postgraduate student, Literary Criticism Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, scherbakov.dmitri@gmail.com

Yakovleva Yulia V. – Ph.D. in Philology, yak112@inbox.ru

Vyarnykh Veronika I. – Ph.D. in Economic, Head, TV, Radio and Internet-technology Department, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities, vyarnykh@gmail.com

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 18.07.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 116

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
